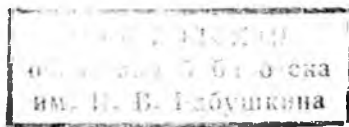

В. ПИМЕНОВ, Е. ЭПШТЕЙН

КАРЕЛИЯ ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XVIII И XIX ВЕКОВ

656764

Давно известно, что каждое поколение людей заново «открывает» для себя свою страну. В какой-то момент люди «вдруг» начинают видеть то, чего прежде не замечали, а что уже было известно, предстает перед ними в новом освещении или оборачивается дотоле неведомой стороной.

Нечто подобное произошло с нашим Севером, в том числе и с Карелией. Север и Карелия сейчас «в моде». Летом и зимой многочисленные туристы устремляются сюда, чтобы полюбоваться красотами природы и памятниками древней культуры. Соловецкие острова и Кижы вошли в самые популярные экскурсионные маршруты и стали местами настоящего паломничества.

Таким образом на наших глазах происходит современное «открытие» Карелии, сопровождаемое небывалым по размаху и распространению интересом к этому краю нашей страны. Это, несомненно, результат громадной работы нашей партии, советского государства по воспитанию народа в духе уважения к его историческому и культурному наследству.

За пять десятилетий советского социалистического развития наши знания о Карелии необычайно возросли и количественно и качественно. Но нельзя забывать, что они опираются на труды тех энтузиастов, которые делали первые шаги в изучении края в дореволюционный период. Между тем значение этих материалов, значение знаний, добытых в Карелии и о Карелии, в истории отечественной науки, не всегда оценивается по достоинству.

Разумеется, мы не стремились к исчерпывающей полноте описания исследований, экспедиций и путешествий, о которых идет речь в книге, тем более не ставили своей целью анализ специальных

научных результатов в области геологии, ихтиологии, ботаники, этнографии и т. д. Задача этой книги — показать, как постепенно нарастала общая сумма знаний о Карелии. Имея в виду прежде всего популяризаторскую цель, мы старались не слишком часто касаться таких вопросов, о которых компетентно могут судить только специалисты в тех или иных отраслях науки.

Сам материал книги вынуждал по-разному освещать отдельные этапы в истории изучения Карелии. В последние десятилетия XVIII века ею интересовался ряд крупных деятелей русской научной и общественной жизни, стоявших на вершине тогдашней образованности. Почти каждый из них представляет интерес не только как исследователь нашего края, но и как личность. Поэтому мы стремились рассказать об этих людях по возможности подробно. Такой же «биографический» метод использован при изложении социальных («гуманитарных») исследований Карелии. Здесь хотелось показать не только научные достижения в изучении края, но и — что не менее важно — конкретные пути исследователей, приведшие их к карельской теме, а также особенности их идейно-политических позиций в оценке местной действительности.

Другое дело естественно-научные экспедиции и исследования середины и второй половины XIX века. Их было настолько много, что, даже оставляя в стороне мелкие эпизодические работы и сосредоточивая внимание на самых содержательных исследованиях и самых интересных авторах, мы получили бы при «биографическом» подходе столь обильный материал, что он вытеснил бы все остальное. Поэтому в данном случае мы решили избрать другой порядок изложения, при котором основное внимание уделялось постепенному накоплению знаний в отдельных отраслях естественных наук.

Книга написана на материалах путевых дневников, отчетов об экспедициях, писем и очерков путешественников, книг и статей, явившихся

результатом проведенных их авторами исследований. Поскольку публиковалось далеко не все, что было связано с историей изучения Карелии, использованы архивные материалы, почерпнутые в архивах Академии наук СССР, Всесоюзного географического общества, Центральном государственном архиве КАССР, рукописных отделах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и Библиотеки Академии наук СССР.

Введение, главы II (за исключением очерка о Лаксмани), V, VII и IX написаны В. В. Пименовым.

Глава I, очерк о Лаксмани в главе II, III, IV, VI, VIII, X главы и заключение написаны Е. М. Эпштейном.

Истоки ознакомления с тем краем, который впоследствии стал называться Карелией, уходят в глубокую древность

Первые мезолитические и неолитические насельники территории Карелии (VI—II тысячелетия до н. э.) уже в процессе хозяйственного освоения края должны были внимательно приглядываться к тому, что их окружало.

Заселение этой территории охотничье-рыболовческими (возможно, протолопарскими, самодийскими) племенами, а вслед за тем племенами, говорившими на языках прибалтийско-финской семьи, сопровождалось накоплением определенных практических сведений об окружающей природе, населении и т. п. Замечательный памятник того времени — карельские петроглифы — помогает нам представить культурный уровень неолитического населения Карелии, его отношение к природе, степень познания окружающего мира. Бесспорно, самые подробные сведения у него были о природе, в особенности о животном мире. Наскальные рисунки полны изображений птиц, оленей, лосей, морских животных и рыб. Встречаем мы здесь также изображения людей (в частности, фигурки лыжников, самые древние в мире), фрагменты сцен охотничьего быта, некоторые предметы материальной культуры и т. д.

О посленеолитическом периоде мы не располагаем подобным материалом: сведения о нем очень скудны и отрывочны. Можно лишь сказать, основываясь на данных, полученных в результате изучения фольклора, а отчасти и на археологических материалах, что в течение 1 тысячелетия до нашей эры и 1 тысячелетия нашей эры население

края освоило металлургическое (железодельное производство, приобщилось к земледелию (подсечно-огневая система), развило ремесла и на рубеже I и II тысячелетий нашей эры находилось на грани разложения первобытно-общинного строя и становления классового общества.

Новый этап в ознакомлении с краем, в его освоении, начался со времени, когда Карелия вошла в состав Новгородской феодальной республики. Разумеется, интерес к Карелии со стороны новгородских феодалов и купцов был обусловлен потребностями феодального хозяйства. Крестьянин интересовал их как основной объект эксплуатации, а знания о крае, о границах погостов, об основных селениях и т. д. нужны были для определения государственных повинностей.

После присоединения Новгорода и всех его владений в конце XV века к Москве начался следующий период изучения Карелии, давший значительно большие результаты. С конца XV и по конец XVII века специальными правительственными чиновниками был составлен ряд документов, имевших важное значение в ознакомлении с Карелией. Прежде всего речь идет о «писцовых книгах» — то есть сводах подворных переписей, представляющих старейший из дошедших до нас письменный источник, в котором систематизировались сведения по географии и экономике края.

Нужды административного управления, необходимость уточнения сельскохозяйственных угодий и состояния землевладений, задачи налогового обложения, обширные военные мероприятия, вызванные совокупностью исторических условий, требовавших напряженной борьбы с многочисленными внешними врагами,— все это властно толкало русское правительство на соби- рание разнообразных сведений, среди которых важную роль играли данные географического порядка. Именно поэтому с конца XV и по XVII столетие такое широкое распространение получи-

ло составление писцовых книг, скуппулезно учитывавших не только сельские, но и городские земли с их владельцами и населением.

Конечно, и эти материалы вырабатывались и составлялись не в научных, а в практических целях: правительство для более полного охвата населения системой налогов и податей нуждалось в таких сводках о составе местного населения, его имущественном положении и т. п. И все же поездки чиновников-переписчиков способствовали распространению сведений о Карелии.

Сколько всего было составлено писцовых книг, неизвестно. Ясно только, что до нас дошли не все. Наиболее ранние писцовые книги «старого письма», упоминания о которых встречаются в позднейших, вероятно, утрачены навсегда. Писцовых книг, относящихся к Карелии, в настоящее время известно одиннадцать. Кроме того, имеется ряд документов, сходных по своему характеру с писцовыми книгами.

Если составители писцовых книг не ставили перед собой задачи научного познания края, то находились другие люди, замечательные представители передовой общественной мысли того времени, для которых вопросы науки стояли на первом плане. Об одном из таких местных исследователей мы узнаем из сочинения голландского купца и путешественника Симона ван Салингена, который в 1562—1565 годах побывал в Карелии. В своем «Сообщении... о земле Лопии» Салинген пишет о встречах с неким Федором Чудиновым из Кандалакши, которого он называет «русским философом». Федор Чудинов был замечательным человеком, весьма по тому времени просвещенным: он написал историю Карелии и Лапландии, к сожалению, до нас не дошедшую. Чудинов с полным основанием может быть назван первым историком Карелии.

Время сохранило несколько документов, которые — несмотря на их чисто прикладной характер — должны считаться важными памятниками,

отражающими уровень географических знаний своей эпохи. Это различные «росписи дорог», «росписи пѳгостов» и т. п. К сожалению, время не пощадило другие документы — картографические: не менее пяти карт («чертежей») с обозначением на них тех или иных местностей Карелии было составлено в XVI—XVII веках, но знаем мы о них крайне мало.

Очень интересным памятником первой половины XVII века, в котором отразились данные о Карелии того времени, является так называемая «Книга Большому Чертежу» — своеобразная «объяснительная записка» и «легенда» к карте Русского государства. В тех разделах «Книги Большому Чертежу», которые посвящены Карелии, даются названия озер и рек, направление их течения, упоминаются поселения — города и деревни, указываются расстояния между ними. Так, названы город Корела, Муромский монастырь, Ковда, Кереть, Чупа, озеро Водло, реки Свирь, Шуя, Суна, Водла и другие.

«Книга Большому Чертежу» была составлена в 1627 году в результате огромной предварительной работы по описанию и картографированию отдельных областей государства и должна была служить практическим руководством для «государевой службы посылок». Однако в последние десятилетия XVII века в ней начинают видеть сочинение, способное удовлетворить интерес к познанию родной страны. Поэтому ее включают в круг общеобразовательной литературы того времени. Наконец ученые XVIII века пользуются ею и в научных целях. Все это привело к появлению большого числа списков названного произведения (до нас дошло их 38), которые служили источником ознакомления с Карелией для определенного, еще очень узкого круга лиц.

Аналогичный памятник, но только местного масштаба — известная «Роспись Олонецким городом», составленная в 1649 году. В отличие от «Книги Большому Чертежу» местные условия отразились здесь более полно и подробно: названо

гораздо больше населенных пунктов (не только крупных, но и мелких), шире сведения о природе края, точнее указаны расстояния. В «Росписи Олонецким городом» мы встречаемся с постоянными указаниями на плохое состояние, а в ряде случаев на отсутствие в крае дорог. Вот один из примеров: «От Андомского погоста до Шальского погоста 70 верст... от Шальского погоста до Пудожского погоста 20 верст. А выставки из всех тех погостов расселились по мелким озерам в розни... сухим путем дороги во все погосты есть же, пешие и конные... а тележных дорог нет».

Своеобразным способом познания природы и жизни обитателей Карелии можно с полным основанием считать изобразительное искусство — иконы местного обонежского письма. Их сохранилось немало. Для нас особенно интересны «житийные» и некоторые другие иконы, на «клеймах» (клетках, обрамляющих изображение «святого» и заполненных сценами из его жития) которых в изобилии присутствуют разнообразные реалии — бревенчатая изба, лодка с парусом и т. п. Таким образом тоже копились знания о крае.

Нет сомнения, что существовал и встречный интерес образованной части русского общества к окраинам Русского государства, в том числе к Карелии. Наглядный тому пример — 12-клеимовая миниатюра из «лицевого» (т. е. иллюстрированного) сборника XVII века. На одном из клейм показаны «лопляня», которых можно трактовать как одно из самых ранних изображений не только лопарей (саами), но и карелов.

Ряд интересных и ценных сведений о Карелии XVI—XVII веков сообщают некоторые путешественники-иностранцы, посещавшие с торговыми, дипломатическими и разведывательными целями Север Русского государства, в частности, проезжавшие и по Карелии. Описания путешествий иностранцев в ряде случаев были изданы, что в какой-то степени познакомило с Каре-

лией зарубежных любителей и знатоков географии (хотя, конечно, в основном сведения, собранные иностранцами, предназначались не для публики, а для купцов и правителей своих стран).

Таковы в самом кратком виде итоги изучения, точнее, знакомства с Карелией за ряд столетий. Таким было положение дел к началу XVIII века, принесшего столь значительные изменения в этой области.

ИЗУЧЕНИЕ КАРЕЛИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Начало XVIII века ознаменовалось глубокими изменениями во всех областях жизни русского государства. Ускоренное развитие производительных сил, значительное, по тем временам, промышленное строительство, реформы государственного управления, создание регулярной национальной армии и флота, подъем культуры и науки — все это было направлено на преодоление отсталости страны, тяжелого наследия предшествующих веков.

Система преобразований послужила величайшим толчком для развития науки. Бурный рост промышленности и торговли ставил перед наукой многочисленные практические задачи, сближал ее с жизнью и тем самым освобождал от мертвящей опеки церкви и богословия. Новые политические и хозяйственные вопросы, стоявшие перед государством, требовали для своего решения знающих, по-настоящему образованных людей. Открываются инженерная и артиллерийская школы, школа «математических и навигацких наук», Морская академия, Академия наук с гимназией и университетом. Круг просвещенных людей значительно расширяется, пополняясь выходцами из разнообразных общественных слоев. В первой половине века широко разворачивается деятельность таких выдающихся русских ученых, как историк Татищев, географ Ремизов, математик Магницкий, механик Скорняков-Писарев, восходит «солнце науки русской» Михаил Васильевич Ломоносов.

Огромный вклад в развитие науки и техники внес русский трудовой люд, разведывавший новые месторождения полезных ископаемых, изобретавший машины, открывавший и осваивавший новые земли. Крестьянин Волков открыл месторождения каменного угля, на основе которого вырос современный Кузбасс. Подъячий Капустин обнаружил каменный уголь в районе будущего Донбасса. Крестьяне Костылев и Комар положили начало разработке природных богатств Алтая. Карельский крестьянин Ребоев нашел кончезерский минеральный источник. А сколько замечательных открытий совершили безвестные люди!

Развитие производительных сил страны вызывало необходимость накопления конкретных знаний о природных и хозяйственных возможностях отдельных районов и прежде всего окраин государства. Нужно было выяснить запасы сырья для промышленности, внести ясность в состояние сельского хозяйства, изучить промыслы местного населения, собрать сведения о ярмарках, путях сообщения и т. д.

Поскольку в XVIII веке не существовало еще четкого разграничения между различными отраслями наук, ответить на все эти вопросы была призвана прежде всего география, объединявшая целый комплекс знаний. Направлял ее развитие основанный при Академии наук в 1739 году Географический департамент, который организовывал экспедиции, определял программы исследований, руководил съемками разных частей государства и т. д. Не случайно труды в области географии занимают по результатам первое место в истории русской науки XVIII столетия.

В общем плане географических исследований значительное место было отведено Русскому Северу, и в частности Карелии, интерес к которой особенно возрос в первом десятилетии века. В 1700 году Россия начала борьбу за выход к побережью Балтийского моря, и территория Карелии оказалась в непосредственной близости к театру военных действий. В 1701—1703 годах здесь проходили дороги войны. Это определило повышенное внимание правительства к экономике края, и прежде всего к его полезным ископаемым, наличие которых было установлено здесь уже давно.

Армия и флот нуждались в металле. Урал не мог обеспечить всех потребностей, тем более, что дальность расстояния затрудняла использование его возможностей. Карельские

руды, хотя и уступали уральским по своему качеству, имели перед ними в сложившихся условиях громадное преимущество — металлургическая база могла быть создана в непосредственной близости от фронта.

Значительную роль в увеличении удельного веса Карелии в экономике страны сыграла и близость ее к новой столице государства — Петербургу. Все возрастающий спрос на строительные материалы способствовал дальнейшим изысканиям полезных ископаемых.

Первая в XVIII веке специальная экспедиция для изучения возможностей промышленного строительства в Карелии была направлена из Москвы в 1702 году. Во главе экспедиции стояли горный мастер Блюэр и дозорщик Патрушев. Всего в ее состав входило 14 человек. К сожалению, почти никаких достоверных сведений о деятельности экспедиции Блюэра — Патрушева не сохранилось. Известно только, что изыскания велись вблизи Онежского озера. Особенно обстоятельно было обследовано устье Лососинки, после чего экспедиция поднялась вверх по течению реки до Машезера и озера Лососинного.

В результате Блюэр и Патрушев остановили свой выбор места для строительства завода на устье Лососинки. При этом учитывалось наличие близких залежей железной руды и обилие богатого строительного и топливного материала. Немаловажную роль сыграли также особенности течения быстрой и порожистой Лососинки, поскольку на будущем заводе следовало установить водяные двигатели. Наконец, в расчет приняли и то обстоятельство, что среди окрестного населения было значительное количество крестьян, издавна занимавшихся железоделательным промыслом, в частности, добычей руды. Это обеспечивало завод сравнительно квалифицированной рабочей силой.

Материалы исследования отправили в Москву. Чтобы окончательно определить целесообразность и место постройки нового завода, в Карелию приехал мастер горного дела Яков Власов. Он проделал тот же путь, что и его предшественники, убедился, что Машезеро и озеро Лососинное обеспечивают достаточный запас воды для будущей плотины, подтвердил и прочие выводы экспедиции Блюэра — Патрушева. В результате поездки Якова Власова вопрос был решен окончательно.

В последних числах августа или в самом начале сентября 1703 года состоялась закладка завода.

Поиски полезных ископаемых велись и в других районах края, о чем неоднократно сообщала первая печатная русская газета «Ведомости». Так, в февральском номере за 1703 год газета указывала, что «В Олонецком уезде в Фоймогубской волости в камени найдена медная руда... да в том же Олонецком уезде в Фоймогубской волости в каменной горе сыскана же самородная медь и набрано ее многое число плитами... и по опытам из той руды и самородной меди медь самая добрая — красная».

В январе 1704 года «Ведомости» сообщали об открытии железных руд в Шуйском и Толвуйском погостах и Шокшинской волости. Иногда уточнение разведок уже известных месторождений приводило к открытию новых залежей. В декабрьском номере той же газеты за 1706 год опубликована реляция о том, что «близ новопетровских заводов, что на Онеге озере, в прежде приисканных местах найдена медная руда... и выняли той руды верхней и жильной мелкой, и в вапючем камени с две тысячи пуд».

Мы не знаем имен участников этих разведочных поисков. Однако нет сомнения, что почти все эти открытия, как и многие другие, были сделаны местными крестьянами-рудознателями.

На базе известных ранее, а также вновь открытых месторождений возникали промышленные предприятия. Небольшой медеплавильный завод был построен в Фоймогубской волости. В 1706 году начал действовать Кончезерский медный завод.

В середине второго десятилетия XVIII века богатства недр карельского края раскрылись с новой стороны. Недалеко от Петрозаводска были открыты целебные минеральные источники, получившие наименование Марциальных вод.

Зимой 1714 года карельский крестьянин Иван Ребоев, страдавший, по его собственным словам, «сердечной болезнью», обнаружил в 9 верстах от деревни Кончезеро источник, вода из которого приносила ему облегчение. Через некоторое время об этом узнал олонецкий комендант и начальник горных заводов Геннин. Он сразу же оценил значение открытия Ребоева. Дело в том, что еще за несколько лет до этого Петр I во время одного из посещений местных заводов предложил провести работы по изысканию минеральных вод. Под руко-

водством некоего доктора Шуберта поиски были предприняты, но безрезультатно.

Геннин, разумеется, не назвав имени Ребоева, сообщил об открытии источника в Петербург. Там это сообщение вызвало большой интерес, и по приказанию Петра в октябре 1717 года в Карелию приехал для исследования минеральных вод Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост.

Блюментрост с полным правом может быть назван одним из первых исследователей Карелии. Сын врача, он родился и вырос в России. С 1714 года служил придворным врачом, заведовал императорской библиотекой и кунсткамерой. Блюментрост принимал активное участие в составлении проекта учреждения Академии наук, а с 1725 года стал первым ее президентом.

Крупный ученый и выдающийся врач, Блюментрост выступил активным сторонником создания на базе Марциальных вод первого в России курорта. Он проделал химический анализ источника и подтвердил его целебные свойства. В 1719 году курорт был открыт.

Блюментрост принимал участие и в разработке подробных правил для приезжавших на лечение, в опубликовании списка первых пациентов, излечившихся на курорте от болезней. Этот список должен был рассеять последние сомнения в целительных свойствах олонекских минеральных вод.

Так, «некая жена Елена Анцыферова, 50 лет, у которой была близь шести годов болезнь в диафрагме и в непрестанном тосковании, у ней же была скорбь в голове, також и в хребте; к тому же имела многие себе беспокойства; и когда помянутой воды несколько дней пила, и стало ей быть многим легче и получила доброе вкушение и желание к естве и ко сну, спокойство и умаление во всей болезни».

Источник помог и «шинкарному делу мастеру» Кириаму, который «не имел целый год в естве вкусу и во всяких пищах противность, к тому же была во всех суставах тягость великая и ночные беспокойства и в лице цвет бледный, и когда несколько дней оной воды пил, получил в пище вкушение и ко сну успокойство, и сила повседневно стала умножаться».

Блюментрост освидетельствовал нескольких больных и признал воды весьма полезными для излечения ряда болезней.

Любопытна последующая судьба источников. Во второй четверти века олонекские Марциальные воды были преданы забвению. Затем о них вспомнили в 1752 году, и в июле туда

отправился провизор Санкт-Петербургской главной аптеки Бер с аптекарским учеником Николаем Скудовым. Согласно инструкции, Бер должен был описать местность, где находятся воды, исследовать их «по регулам физической и химической наук».

Вернувшись из поездки, Бер представил обстоятельное описание района источника, с указанием дорог, расстояний и т. д. и высокой оценкой Марциальных вод. В 1753 году исследование было повторено зимой. Однако стоявший тогда во главе Медицинской канцелярии Бургаав сделал все для того, чтобы предотвратить дальнейшие работы. Объясняется это просто: голландец Бургаав опасался возможного сокращения ввоза минеральных вод из-за границы, и в частности из Амстердама. В результате многочисленных комбинаций и подлогов ему удалось подорвать доверие к выводам Бера, и попытка возродить курорт на Марциальных водах успехом не увенчалась.

В конце 20-х годов XVIII века Академия наук снарядила свою первую научную экспедицию. Во главе ее стал Людовик Делиль де ля Кройер, старший брат известного астронома и географа Иосифа-Николая Делиля. Цель экспедиции заключалась в определении географического положения различных пунктов северной части Европейской России и Сибири.

Первоначально поездка де ля Кройера планировалась очень широко. В сопровождении двух геодезистов, из которых один (Яков Фелисов) уже бывал на Севере, он должен был проехать через Карелию в Архангельск, оттуда в «Русскую Лапландию» (на Кольский полуостров), затем вернуться в Москву и завершить свои исследования в Сибири. Однако дело ограничилось выполнением только первой части задуманного плана.

В марте 1727 года де ля Кройер выехал из Петербурга и через три года вернулся обратно, посетив северную Карелию, Архангельск, Колу и некоторые другие районы Русского Севера. В ходе поездки он действительно сделал ряд широтных определений, в том числе и нескольких пунктов на территории Карелии. Однако научные итоги экспедиции по существу этим были исчерпаны, так как долготу де ля Кройер сумел определить только для Архангельска. В результате после возвращения экспедиции де ля Кройеру были даже предъяв-

лены обвинения в неудовлетворительности результатов его работы. Судя по отзывам современников, де ля Кройер был ученым весьма посредственным; геодезисты, которые должны были принять участие в путешествии, поехать не смогли, и в итоге первая научная экспедиция Академии наук (и первая научная экспедиция на территории Карелии) не оправдала возлагавшихся на нее надежд.

Во второй четверти века продолжают работы по исследованию и освоению сырьевых богатств Карелии. Прежде всего следует упомянуть о трудах Дмитрия Ивановича Виноградова (1717 или 1720—1758 гг.)—изобретателя русского фарфора. Талантливый инженер и ученый, друг и сподвижник Ломоносова, Д. И. Виноградов проделал огромную работу, чтобы выяснить способы изготовления фарфора, которые в то время зарубежными мастерами хранились в строгом секрете. В результате ряда опытов был получен первый отечественный фарфор.

Для успешного решения задачи Виноградову требовалось высококачественное сырье, которое и было обнаружено в Карелии,—чистый кварц и подходящие виды глин. Олонецкий кварц (в особенности с Сондозерского рудника) становится с 1745 года постоянной составной частью фарфоровой массы, изготавливавшейся по рецептам Виноградова. Для растирания кварца в порошок потребовался специальный жернов, также из кварца. По-видимому, и такой жернов был доставлен Виноградову из Карелии. Наконец, известные своими жаростойкими качествами андомские глины тоже использовались в фарфоровом производстве по инициативе Виноградова.

Особенно интересно, что, по имеющимся сведениям, Виноградов переписывался с местными горными инженерами, которые хорошо знали край и могли оказать помощь в отыскании нужных материалов.

В 30—50-х годах поиски полезных ископаемых приобретают еще более широкий размах. Как и в первой четверти XVIII века, они осуществляются главным образом крестьянами. Так, в 1733 году крестьянин Шунгского погоста Игнатий Федосеев обнаружил недалеко от Шуньги месторождение свинца. В том же году свинцовый рудник был найден кижскими крестьянами Антоном Ивановым и Михаилом Бабушкиным. В 1737 году крестьянин Воицкой волости Тарас Антонов открыл Воицкий рудник. В 1739 году мунозерский крестьянин Иван Кушников обнаружил месторождение серебряных руд.

В дальнейшем открытия совершались почти ежегодно. В большинстве случаев это были небольшие месторождения меди, свинца, серебра, и только в 1764 году в нескольких верстах от деревни Тивдии крестьянин Иван Григорьев и купец Мартьянов «отыскиали мраморную гору». Через несколько лет там были открыты знаменитые Тивдийские мраморные ломки, поставлявшие, в частности, мрамор на постройку Исаакиевского собора в Петербурге.

Ко второй половине 20-х годов XVIII века относится первое, хотя и очень краткое, описание Карелии.

В 1727 году выдающийся русский географ Иван Кириллович Кирилов (1689—1737 гг.) написал книгу «Цветущее состояние всероссийского государства». Труд Кирилова, охвативший все губернии и провинции страны, был составлен главным образом на основе архивных материалов и представлял собой первое статистико-географическое описание России. В сочинении в виде таблиц, ведомостей или сводок сведений с краткими примечаниями, а иногда и в виде материала, имеющего описательно-географический характер, давалось представление о состоянии промышленности, сельского хозяйства, путей сообщения и т. д. Большой интерес представляет раздел о городах: «какого строения оные и при каких реках или при море, а о некоторых и времена, в которые оные построены», и о «заводах и фабриках».

Современникам труд Кирилова был известен только в рукописи. Опубликован он был лишь в 1831 году.

Карелия отражена в сочинениях Кирилова на нескольких страницах, посвященных описанию Олонецкого уезда.

Дав краткую характеристику Олонцу и отметив, что «прежде воеводы живали в Олонце, а ныне на Петровских заводах», Кирилов переходит к описанию промышленности края. «Ведомства Адмиралтейского Олонецкие Петровские заводы на устье реки Лососинки после Онежского озера расстоянием от города [Олонца.— Е. Э.] 133 версты. Зачали те заводы строить в 1703 году, на тех заводах имеются домны, в коих плавят железную руду и молотами делают железо прутовое, также литье пушек и прочих артиллерийских и адмиралтейских припасов».

Затем следует описание Повенецких заводов «подле Онеги же озера», Кончезерских заводов, а также частного завода

Овчинниковых; при этом обычно указывается число занятых на заводе мастеровых.

Упоминает Кирилов и «минеральные лечительные воды, при которых сделан дом и особливые покои для приезжающих пользоваться».

Таким образом, в сочинении Кирилова Карелия впервые вошла в общерусские описания.

Говоря об изучении Карелии в первой половине XVIII века, следует в заключение отметить, что территория края была достаточно подробно представлена на современных картах.

В XVIII веке русская картография достигла ряда замечательных результатов. Московская математико-навигационная школа, открывшаяся в 1701 году, дала стране целую плеяду выдающихся геодезистов, топографов, гидрографов. Часть из них работала в экспедициях, другие принимали участие в составлении карт и межевых работах, в результате чего впервые были четко установлены местоположения многих населенных пунктов, границы губернии, очертания водоемов.

В 1720 году, когда были подготовлены необходимые кадры, Петр I приступил к осуществлению своей давней мечты — провести планомерную съемку территории всего государства с целью составления первой точной географической карты страны.

В начале 1721 года после необходимых подготовительных работ геодезисты приступили к составлению ландкарт. Согласно инструкции, они должны были «измерять и записывать» точные расстояния между населенными пунктами, «писать каждые города и каждые села и деревни и реки, откуда которая вытекла и в которую реку впала, также и озера и из них реки и леса и поля». Интересно, что в целях ускорения работ предписывалось сочетать инструментальные съемки с широким использованием расспросных сведений.

Геодезисты трудились в чрезвычайно сложных условиях. Часто портились еще не совершенные инструменты, а починить их на месте далеко не всегда представлялось возможным; не хватало бумаги, туши. Зброшенные в самые отдаленные уголки страны геодезисты редко получали вовремя жалование. И все же, несмотря на эти трудности, был создан ряд замечательных карт, которые затем легли в основу первых русских атласов.

Государственная съемка охватила и территорию Карелии. Здесь работал один из наиболее талантливых русских геодезистов первой половины XVIII века Аким Клешнин.

Клешнин был в числе первых питомцев «навигацкой школы». Окончив ее, он стал преподавателем и получил звание «подмастерье геодезии». О его глубоких познаниях свидетельствует, в частности, инструкция, составленная им в дополнение к официальной академической инструкции для геодезических работ. Клешнин подробно описал начало съемок и некоторые приемы определения положения пунктов.

У Клешнина был громадный опыт и практических работ. Еще до приезда в Карелию он составил ландкарты границы между Россией и Швецией и Выборгского уезда. Позднее он занимался съемками в Архангельской и Вологодской губерниях.

Территория Карелии частично была нанесена на карты XVIII века и до Клешнина. Так, в начале столетия гравер Адриан Шхонбек выполнил «Географический чертеж над ижорскою землею со своими городами, уездами и проч.». В него вошла и часть Карелии. Сохранилось несколько карт под названием «Ингерманландия и Карелия», но в них отображена лишь небольшая часть той территории, которая относится к современной Карелии, а именно северо-западное побережье Ладожского озера.

В 1728 году Клешнин составил первую карту Олонецкого уезда, выполненную на основе инструментальной съемки. Карта эта хранится в картографическом отделе библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде, в составе так называемого «Атласа Кирилова» 1734 года, и представляет собой большой научный интерес.¹ Она отличается исключительной для своего времени полнотой и точностью. На нее нанесено около 850 названий населенных пунктов, заводов, озер, рек. Достаточно указать, что только на территории нынешнего Заонежья отмечено более пятидесяти населенных пунктов (среди них Великая Губа, Толвуйа, Типиницы, Кузаранда, Вырозеро и др.). Столь же подробно нанесены на карту районы Пудожя, Петрозаводска и Повенца, т. е. территорий, прилегающих к Онежскому озеру.

¹ Карта Клешнина опубликована в приложении к книге В. В. Пименова, Е. М. Эпштейна «Русские исследователи Карелии» (XVIII век), Петрозаводск, 1958 г.

Клешнин определил такое количество населенных пунктов, что поместить все их названия на карту было невозможно. Поэтому на месте многих сел и деревень стоят кружки и цифры, соответствующие названиям, вынесенным за пределы карты. Значительное число населенных пунктов на карте Клешнина отмечено впервые. Менее подробно изображена северная Карелия. Самая северная точка, нанесенная на карту,— Кестеньга.

Карты Клешнина высоко оценивали современники. Даже академик Делиль, весьма скептически относившийся к русским геодезистам, писал о Клешнине, что «он свое дело разумел изрядно» и «весьма точен в своих чертежах».

Благодаря точности нанесенных границ и обилию населенных пунктов карта Клешнина по справедливости может быть отнесена к важным источникам по истории Карелии первой половины XVIII века.

В 1745 году был опубликован «Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями...» В состав «Атласа» вошла и карта Олонецкого уезда, которая по существу мало чем отличалась от карты Клешнина, хотя внешне была оформлена более тщательно.

Таким образом, карты 1728 и 1745 годов свидетельствуют не только о значительных успехах отечественной картографии, но и о большой работе, проделанной русскими геодезистами по исследованию Карелии.

Итак, подводя итоги изучения Карелии в первой половине XVIII века, мы прежде всего должны отметить тот большой вклад, который был внесен местным населением в дело исследования своего края. Открытия Ребоева, Антонова, Григорьева, Федосеева и многих других — драгоценное свидетельство неиссякаемой народной энергии, проявление заботы о будущем края, о его промышленном и культурном развитии.

Научное, в собственном смысле слова, изучение Карелии в этот период проводилось сравнительно слабо. К положительным результатам его по существу могут быть отнесены только работы Блюментроста, Виноградова и Акима Клешнина.

Положение коренным образом меняется во второй половине столетия, когда Карелию посещает ряд выдающихся русских ученых, когда появляются первые «описания» края, в ко-

торых обобщается громадный материал, накопленный усилиями десятков и сотен людей. Все это явилось отражением новых задач, стоявших перед русской наукой в тот период.

Во второй половине XVIII века в экономике России происходят дальнейшие изменения. Увеличивается удельный вес наемного труда, особенно в обрабатывающей промышленности. Расширяются посевные площади. Растут торговые связи внутри страны и за ее пределами. Идет процесс расслоения сельского населения, из которого выделяется сельская буржуазия и обедневшая часть крестьян. В недрах феодально-крепостнической системы зарождаются новые, капиталистические отношения, начинается разложение крепостного строя.

Развитие экономики вызывало необходимость более глубокого географического и народнохозяйственного изучения России. Экономические вопросы все сильнее привлекают внимание правительства, они широко обсуждаются на страницах периодической печати, стоят в центре деятельности научных учреждений.

Однако разработка всех этих проблем оказалась связанной с большими трудностями и прежде всего с существованием многих «белых пятен» в знаниях экономической жизни ряда районов, особенно окраин страны. Отрывочных сведений теперь уже стало недостаточно. Понадобились систематизированные данные, чтобы на основе их воссоздать картину действительного состояния внутреннего рынка, перспектив развития промышленности, сельского хозяйства и т. д.

Первой ступенью в решении поставленной задачи было накопление фактического материала. Работа эта шла различными путями: научные учреждения рассылали по всей стране анкеты и запросы; издавались новые карты; с 60-х годов с особой силой развернулась экспедиционная деятельность Географического департамента Академии наук. Ряд академических экспедиций (И. И. Лепехина, П. С. Палласа, С. Г. Гмелина, Э. Лаксмана, Н. Я. Озерецковского, В. Ф. Зуева и др.) провели всестороннее научное обследование Сибири, южных районов страны, просторов Русского Севера. Они доставили в Петербург исключительно ценные материалы по различным отраслям наук, статистические сведения, иногда обширные путевые дневники, в которых подробнейшим образом фиксировались все наблюдения, сделанные во время поездок.

В 80-х годах проводится большая работа по созданию топографических описаний губерний и отдельных городов. В соот-

ветствии с общей практической направленностью этой деятельности топографические описания повествуют не только о географии района, его флоре, фауне, почвах, климате, но и о промышленности, сельском хозяйстве и промыслах местного населения.

Наконец, по всей стране ведут работу местные историки и краеведы, все те, кому дорого прошлое и будущее страны.

В этот же период пробуждается и систематический научный интерес к Карелии. Если в предшествующее время Карелию исследовали лишь спорадически, от случая к случаю, то теперь изучение ее принимает гораздо более организованный и основательный характер. Это связано, помимо всего прочего, и с могучим воздействием идей великого русского ученого М. В. Ломоносова.

Огромные научные заслуги Ломоносова, его необычайная разносторонность и выдающаяся эрудиция в самых различных областях теоретических и прикладных наук обусловили то поистине громадное влияние, которое он оказал на развитие русской науки. Именно Ломоносов высказал и подчеркнул мысль о необходимости тщательного изучения Европейского Севера. «Краткое описание путешествий по северным морям» (особенно раздел об архангельском мореходце Корнилове) свидетельствует о глубоком интересе Ломоносова к Русскому Северу: «По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура», — писал Ломоносов в трактате «О слоях земных». Эти слова определили для ряда русских ученых направление их будущих исследований. На призыв Ломоносова отозвались И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский, Э. Лаксман, П. Б. Иноходцев и многие другие. «Я думаю, что и ближайшие наши провинции не менее заслуживают внимания, как и самые отдаленные, а открытия в них перед отдаленными гораздо полезнее быть могут,» — писал И. И. Лепехин. Он отмечал, что некоторые из них, в том числе Олонецкая, «никем с должным рачением еще не были осмотрены».

Среди путешественников — исследователей Русского Севера были профессиональные ученые, были и просто любители, но всех их объединяло одно — живой интерес к Северу, его бескрайним живописным просторам, его неизведанным природным богатствам. Благодаря им Север стал одной из областей, включенных в сферу научных и практических интересов русского общества.

В путевых дневниках, рапортах и описаниях путешественников значительное место отведено и Карелии. Ее своеобразная природа, богатство недр, особенности экономического развития, культура — все это в той или иной мере нашло свое отражение в их трудах. Обильный, разнообразный и зачастую очень ценный материал может найти там и историк, и геолог, и этнограф, и ботаник.

Написанные на основе личных наблюдений сочинения путешественников подкупают своей обстоятельностью, правдивостью, стремлением способствовать развитию края.

Разумеется, на их работах лежит печать классово-ограниченности. Тщетно мы стали бы искать в них сведения о крестьянском движении, даже о таком крупном событии в жизни края, как Кижское восстание 1769—1771 годов, или правильного решения проблем исторического прошлого Карелии. Нельзя не учитывать и того, что исследователи Карелии, как, впрочем, и абсолютное большинство ученых XVIII века, стояли на идеалистических позициях. Поэтому они не могли, а зачастую и не пытались объяснить те или иные процессы, они обычно лишь фиксировали отдельные факты.

Однако это не может снизить значения научного наследия Лепехина, Лаксмана, Озерецковского и других исследователей. Все они были людьми своего века, когда один лишь зачинатель русской революционной мысли А. Н. Радищев сумел возвыситься до понимания того, каким благом была бы для России революция.

Г Л А В А II.

**АКАДЕМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ
XVIII СТОЛЕТИЯ**

И. И. Лепехин в северной Карелии

Выдающийся русский ученый-патриот, последователь М. В. Ломоносова, Иван Иванович Лепехин родился 10 сентября 1740 года. Отец его, рядовой солдат Семеновского полка, из однодворцев, с большим трудом добился приема сына в гимназию при Академии наук в Петербурге, куда Лепехин был зачислен весной 1751 года с жалованьем 12 рублей в год. Уже первые годы учения определили склонность Лепехина к естественным наукам. Вкус к «натуральной истории» привил модому Лепехину замечательный русский ученый и путешественник, ученик и друг Ломоносова, С. П. Крашенинников, бывший в первые годы учения Лепехина ректором гимназии и университета при Академии наук. С основным трудом Крашенинникова «Описание земли Камчатки», вышедшим уже после смерти автора, Лепехин познакомился еще в гимназические годы.

Девять лет пробыл Лепехин в гимназии. Отсюда он вынес отличное знание иностранных языков и основательное знакомство с начатками тех наук, которые там преподавались. Это дало ему возможность в январе 1759 года поступить в академический университет, где он слушал лекции лучших русских ученых-академиков по различным отраслям науки, особенно увлекаясь химией. Учился Лепехин прекрасно, и уже в сентябре 1762 года для завершения образования и приобретения ученой степени был отправлен Академией за границу — в Страсбург.

В Страсбургском университете, помимо занятий на медицинском факультете, Лепехин слушал лекции и посещал практические занятия известных в то время ученых — Шпильмана и Лобштейна, но главным образом работал самостоятельно. Именно самостоятельные занятия, далекие загородные экскурсии, внимательное изучение литературы дали Лепехину ту огромную эрудицию, широту и глубину знаний и суждений, которыми он отличался впоследствии. В мае 1767 года Лепехин успешно защитил диссертацию на степень доктора медицины, а осенью того же года вернулся в Петербург и вскоре был избран адъюнктом Академии наук.

И. И. Лепехин.

С этого времени началась его служба в Академии, которая не прерывалась до самой смерти.

В 1768 году произошло событие, во многом определившее дальнейшую жизнь Лепехина как ученого: Академия назначила его руководителем одного из отрядов так называемой «Оренбургской посылки» — экспедиции, предпринятой в различные районы России. В путешествии Лепехин провел почти пять лет (1768—1772 гг.).

В 1771 году находящегося в экспедиции Лепехина избирают академиком. По возвращении он занимается обработкой экспедиционных наблюдений и выпускает три части своего основного труда «Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства». Работу над четвертой частью Лепехин только начал, но завершить не успел. Эта часть, посвященная как раз описанию Севера Европейской России, была опубликована после смерти автора его учеником

академиком Н. Я. Озерецковским и содержала то немногое, что написал сам Лепехин, а также материалы Озерецковского, Крестинина и Фомина.

Помимо службы в Академии наук, Лепехин много работал в учрежденной в 1783 году Российской Академии — центре языковедческих исследований в России того времени.¹ Много сил отдал он и педагогической работе, заведая в течение многих лет (с 1777 по 1794 г.) академической гимназией.

Жил Лепехин очень скромно, на одно жалованье. За ведение гимназией он никакой платы не получал. После его смерти не осталось почти никакого имущества. Его вдова и сын оказались в нищете и вынуждены были продавать книги ученого.

Умер Лепехин 6 апреля 1802 года.

Чтобы понять, что привело Лепехина в Карелию, нужно хотя бы в основных чертах припомнить маршрут его экспедиции 1768—1772 годов. В подорожной, полученной Лепехиным от Академии указан такой маршрут: Москва — Симбирск — Самара — Царицын — Гурьев — Оренбург — Екатеринбург — Тобольск — Верхотурье — Соликамск — Хлынов — Казань — Нижний Новгород — Ярославль.

8 июня отряд Лепехина двинулся из Петербурга в далекий путь. Кроме самого Лепехина, в состав отряда входили гимназисты Николай Озерецковский (18 лет), Тимофей Мальгин (16 лет) и Андрей Лебедев, рисовальщик Михаил Шалауров и чучельщик Филипп Федотьев.

В течение первых трех лет Лепехин твердо придерживался назначенного маршрута. Четвертый год путешествия (1771-й) он встретил в Тюмени, не доехав до Тобольска скорее всего потому, что туда направилась экспедиция под начальством П. С. Палласа, руководившего вторым отрядом «Оренбургской посылки». С другой стороны, Н. П. Рычков уже обследовал к этому времени (в 1769 и 1770 гг.) районы Вятки и Казани, и Лепехину не имело смысла возвращаться в Петербург через них.

Именно теперь представилась возможность внести серьез-

¹ Российская Академия просуществовала до 1841 года, когда была преобразована в Отделение русского языка и словесности Академии наук.

ный корректив в ранее составленный план и осуществить завет Ломоносова, призывавшего обратить внимание на изучение Европейского Севера. У Лепехина возникла мысль совершить путешествие через Архангельск, обследовать этот район, добыть сведения «о продуктах Белого моря». «Обратный путь» превращался в новый этап экспедиционных работ, в сущности в первую экспедицию с научными целями в этот обширный и еще не обследованный край.

Лепехин составил план северного маршрута («роспись езды») и послал его из Тюмени 8 ноября 1770 года на утверждение Академии. Но, чтобы не упустить драгоценного времени, уже в январе 1771 года путешественник отправляет в Архангельск Озерецковского, в мае — Мальгина, а вскоре выезжает и сам (через Соликамск — Слободской — Усть-Сысольск — Яренск — Великий Устюг).

Конец 1771 и начало 1772 года Лепехин и его спутники провели в Архангельске. Здесь был составлен план путешествия на 1772 год, который предусматривал, что сам Лепехин, студент Лебедев и рисовальщик Шалауров объедут побережье Белого моря, «стараясь не упустить ни одного острова без осмотра, ибо искусство довольно доказало, что и самые глубочайшие северные страны изобилуют высокою металлов породю, примером Медвежьего острова и Трех островов».

Отплыв на баркасе из Архангельска 18 июня 1772 года, Лепехин двигался вдоль Летнего берега Белого моря и побывал в устье реки Солвы, в устье реки Сюзьмы, в Унской губе, в селе Яренга, на островах Сокжинском (или Жокжинском, ныне Жижгинский), Анзерском и Соловецком. Этот отрезок маршрута описан в IV части его «Дневных записок», изданных Н. Я. Озерецковским в 1805 году под названием «Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772».

Долгое время дальнейший маршрут экспедиции Лепехина оставался неизвестным. Лишь в сравнительно недавнее время обнаружены важные документы, проливающие свет на данный вопрос. Это краткие донесения Лепехина о проделанной экспедиционной работе. Их всего три. Первое и третье отправлены из Архангельска, второе — особенно для нас ценное — и из села Умбы. В результате изучения этих материалов выяснилось, что Лепехин весьма интересовался Карельским Поморьем и предпринял поездку с целью его обследования.

После Соловков Лепехин продолжал свое путешествие по маршруту: острова Кузова, Кемь, Кереть, Кандалакша, устье

реки Умбы, вдоль Терского берега, устье реки Пялицы, Поной, Три острова, устье реки Майды (на Замнем берегу), остров Моржовец, устья рек Кулоя и Мезени, далее по рекам Неси и Вижасу до устья последней, по Канину полуострову до мыса Никулина (ныне Микулин), затем по рекам Кулою, Пинеге и Северной Двине в Архангельск, которого путешественник достиг 21 сентября 1772 года. (Озерецковский в это время провел ряд самостоятельных исследований, в частности, на Кольском полуострове).

В Петербург вся экспедиция возвратилась — через Холмогоры, Каргополь и Ладугу — 25 декабря 1772 года.

Изучение Карельского Поморья было начато Лепехиным с Кеми. На маленьком суденышке в бурную погоду отважный путешественник шел к намеченной цели. Он и его спутники мужественно переносили все невзгоды тяжелого пути. В рапорте, посланном из деревни Умбы 25 июля 1772 года, Лепехин писал: «Бурливые ветры на малом нашем суденышке нередко делают нам притеснения, однако дальней крайности еще не видали». Это единственная фраза о трудностях путешествия.

Коротенькие строчки его рапортов в Академию наук почти не дают возможности судить о конкретных результатах исследовательских работ в этом районе. Однако некоторые данные, имеющиеся теперь в нашем распоряжении, помогают хотя бы примерно определить границы обследованного района и те основные вопросы, которые интересовали здесь Лепехина и его спутников.

Программа работ отряда осталась без изменений. По-прежнему Лепехин интересуется природными условиями края, полезными ископаемыми и возможностями их использования. «Около Кеми по островам везде находили изобильные признаки слюды», — замечает путешественник. Он предполагает наличие здесь металлов, указывает на возможность улучшений в ловле жемчуга и проч. Путь его лежит на север. «Большого примечания в сем пути достойна была Керетьская волость», — пишет он в рапорте. Собрав различные сведения о богатствах этих мест, Лепехин спешит дальше. «Из Керети проехали мы почти до конца Кандалакскую губу до Кандалакской волости».

Таким образом, Лепехин обследовал почти все Карельское Поморье. Помимо этого, он дал превосходное описание Соловецких островов, его природы, достопримечательностей,

Маршрут путешествия И. И. Лепехина в 1772 году.

строений, частично истории и т. п. и впервые подготовил к публикации топографическую карту Соловков. «Чертеж Соловецкому острову... писал Лепехин,— мне сообщен г. Крестининым».

Кроме географии, Лепехин интересовался этнографическими особенностями края. Он оставил несколько очень кратких, но важных упоминаний этнографического характера. Наблюдательный исследователь всюду фиксировал этнический состав населения. Так, например, он упоминает о коренном населении Кольского полуострова — саами (называя их лопарями): «В 70 верстах от Кандалакской волости на матерой земле в Лобском Бабинском погосте от озера Имандры в 20 верстах в западную сторону в тундрах Кима и Выдселга много также находится слюды, которую добывают бабинские лопари...» Возвратившись в Архангельское Поморье и исследуя Канин полуостров, Лепехин не забывает упомянуть о ненцах.

Путешествуя вдоль Карельского Поморья, ученый не совершал далеких экскурсий внутрь материка — в районы расселения карелов, а ограничивался лишь узкой приморской полосой, где, естественно, общался только с русским поморским населением, этнографическое описание которого он начал, но, к сожалению, закончить не успел. Однако некоторые сведения о русских поморах Лепехин все же сообщает. Так, он говорит о расселении поморов, указывает, в частности, на Соловецкий остров как на место их сезонных промыслов, куда они приезжают с материка.

Суровая природа Севера, расселение по берегам Белого моря обусловили особое направление хозяйственной деятельности человека в этих условиях. И это своеобразие не укрылось от пытливого взора исследователя: «Поморские жители о хлебопашестве и понятия не имеют, но единственно кормятся от моря. Морские их промыслы отменны; многие соединены с велкою отвагою и всякого любопытства достойной имеют порядок, о чем со временем пространно сказано будет».

Свое обещание «пространно» сказать о промыслах поморов Лепехин начал выполнять в рукописи IV тома «Дневных записок», оставшейся незаконченной. «Промыслы поморян бывают или звериные, или рыбные, или сальные. Ранней весной поморы отправлялись на промысел, покидая свои поселения и рассредоточиваясь по всему морскому побережью... По берегам [Белого моря — В. П.] в летнее время рассыпаны бывают промышленники...» — сообщает Лепехин.

В местах промыслов предстояло пробыть долгое время, весь сезон, поэтому там сооружались жилища и временные хранилища для пойманной рыбы и продуктов охоты за морским зверем. О таких промысловых жилищах ученый сообща-

ет несколько раз; наличие их отмечает он и вблизи Карельского Поморья, на Соловецком острове.

Лепехин довольно подробно описывает орудия промысла морского зверя. «К промыслу надлежащие орудия суть ружье, порох, носки, спицы и лямки». К местным названиям «носки» и «спицы» Лепехин делает примечание: носки — это «гарпуны, которые имеют широкое острие, обоюду острое, и которое кверху суживается. Над оным с одной стороны делается крюк, а с другой выводится трубка, в кою слабо втыкается древко; к трубке привязывается обора, или ремень. Спицами называют рогадины, коими зверя колют».

Промысел рыбы и морского зверя — не единственное занятие поморов. Лепехин сообщает еще и о другом промысле, причем локализует его именно в Карельском Поморье, что для нас особенно интересно. Речь идет о ловле северного жемчуга. Лепехин пишет в Академию наук: «Река Кереть, из озера того же имени вытекающая, быстра и порожица. В сей реке изобильно водится жемчужная раковина (*Mya margaritifera* L.). Случайно попадаются зерна ценою рублей до 30-ти. Сожалительно, что жемчужные промышленники мало стараются об наружных на раковинах признаках, по которым узнавать можно, есть ли в раковине жемчужина или нет, чем приплод в раковинах и, следовательно, собственную свою пользу умножить бы могли». Для Лепехина характерно стремление не просто зафиксировать определенный научный факт, но, как это свойственно подлинному ученому-патриоту, способствовать улучшению дела. Эту черту, унаследованную от Ломоносова, Лепехин воспитывал и в своих учениках.

Путешествуя по Поморью, Лепехин живо интересовался и историей этого края. Особенно его внимание привлекал Соловецкий монастырь, история которого в то время оставалась еще совершенно не изучена. Не были даже известны важные документальные источники, необходимые для этого. Будучи на Соловках, Лепехин знакомится с такими источниками. Из них особо следует отметить «Соловецкий летописец», содержание которого Лепехин подробно излагает на написанных им страницах четвертой части своего основного труда. Лепехин передает содержание «Соловецкого летописца» беспристрастно, стараясь отбросить тенденциозность документа, выбирая факты, кажущиеся ему наиболее интересными. Таким образом, материал по истории Соловецкого монастыря впервые был введен им в научный оборот.

Обладал Лепехин и тем качеством, которое мы теперь назвали бы музееведческим чутьем. Известно, что из ряда пунктов он отправлял в Академию наук для ее кунсткамеры многочисленные и весьма ценные экспонаты. То же, чего ему не удалось приобрести, Лепехин подробным образом описывал. В Соловецком монастыре он осмотрел коллекцию старинного оружия, о которой писал: «Оружейная монастырская палата наполнена множеством оружия, предками нашими употребляемого, каковы суть бердыши, разных видов палаши, сабли, метательные дротики, копья и стрелы. Немалое же количество есть и огнестрельного мелкого оружия, между коим большое число составляют ружья с фитилями разного вида, величины и сложения, так что знающий хорошо древние оружия нашел бы в них и самые редкие».

Непосредственные научные результаты путешествия Лепехина в Карельское Поморье сравнительно невелики. Можно предполагать, что они были бы значительно большими, если бы он успел написать четвертую часть своего труда. Однако заслуга Лепехина все же огромна. Он один из первых практически начал изучение Поморья, начал успешно и тем самым доказал на опыте его важность и необходимость. Завещанный еще Ломоносовым научный интерес к Северу нашел свое воплощение в путешествии Лепехина.

Этим, однако, не исчерпывается значение его путешествия. Лепехин сумел привить любовь к Северу и своим ученикам, среди которых в первую очередь должен быть назван Н. Я. Озерецковский, деливший с ним все трудности пути. Лепехин направлял работу краеведов-северян, из которых особо следует отметить В. В. Крестинина. Он сумел поставить дело таким образом, что начатая им работа продолжалась. Карелию стали изучать основательно.

Две экспедиции Э. Лаксмана

Имя Эрика (Кирилла Густавовича) Лаксмана прочно вошло в историю многих естественных наук. Один из выдающихся ученых XVIII века, член русской Академии наук, он внес большой вклад в развитие химии, ботаники, зоологии, минерало-

гии, собрал разнообразные коллекции и гербарии для ряда музеев страны.

Лаксман родился в Финляндии в 1737 году, но большую часть жизни провел в России. В 1762 году он приехал в Петербург, преподавал здесь естественную историю и физику. Одновременно Лаксман провел ряд ботанических экскурсий в районе Петербурга, в результате которых было открыто несколько не известных ранее растений. На основе сообщений, сделанных ученым по материалам этих экскурсий, а также за работы в области химии Лаксман в 1764 году был избран корреспондентом Академии наук.

Последующая жизнь ученого связана с многочисленными экспедициями и путешествиями. Он побывал на Алтае и на берегах Байкала, в Нерчинских рудниках и на Черноморском побережье, в Якутске и у берегов Охотского моря. Наконец Лаксман дважды посетил Карелию. Во время второй экспедиции он проехал через всю территорию края — от Олонца до Кеми. Во время экспедиций Лаксман собирал гербарии и коллекции минералов, регулярно высылал в Петербург семена неизвестных растений, вел метеорологические наблюдения.

Труды Лаксмана получили высокую оценку: в 1770 году его избирают академиком «по экономии и химии».

Научную работу и многочисленные экспедиции Лаксман сочетал с преподавательской деятельностью в академической гимназии и в Сухопутном кадетском корпусе, часто выступал с публичными лекциями. До самой смерти (Лаксман умер в экипаже во время одной из экспедиций в Сибири в 1796 году) ученый выступал как неутомимый исследователь окраин русского государства, их природы, полезных ископаемых, сельского хозяйства.

Поездки Лаксмана в Карелию остались почти незамеченными в литературе. Частично это объясняется тем, что их заслонили более обширные результаты многочисленных сибирских путешествий ученого, частично тем, что материалы второй поездки (1779 года) сравнительно мало известны. Впервые некоторые сведения об этом путешествии сообщил академик Паллас в примечаниях к своей книге «*Neue Nordische Beitrage*», изданной в 1781 году и с тех пор не переиздававшейся и не переведенной на русский язык. Несколько страниц уделил пребыванию Лаксмана в Карелии его биограф В. Лагус в книге «Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследо-

вания и переписка». К сожалению, немногочисленны и материалы, сохранившиеся в архиве Академии наук.

Однако даже имеющихся сведений достаточно, чтобы оценить результаты поездок ученого как значительный вклад в дело изучения Карелии.

Первая поездка была предпринята Лаксманом в августе-сентябре 1769 года, когда он посетил район реки Свири и доехал до Олонца. Возможно, что путешествие было организовано по заданию Вольного экономического общества. Во всяком случае сохранившийся довольно подробный отчет Лаксмана об экспедиции был опубликован в «Трудах» этого общества в 1769 году и носил название «Экономические ответы, касающиеся хлебопашества в лежащих около Свири и южной части Олонца местах». 65 «ответов» Лаксмана явно соответствуют специальной инструкции, разработанной Вольным экономическим обществом для сбора сведений по всем губерниям.

Небольшое сочинение Лаксмана было первым печатным описанием этой части территории Карелии, причем по своему содержанию оно выходит за пределы заглавия.

Начав «ответы» с обстоятельного описания природных условий района, Лаксман подробно останавливается на состоянии сельского хозяйства. По его наблюдениям, больше всего здесь сеют ячмень и овес, «пшеницу сеют не все, но только зажиточные крестьяне». Подробно перечисляя местные сельскохозяйственные культуры, Лаксман отмечает, что «земляных яблок» (картофеля) он «нигде не видал и как о том спрашивал, то ответствовали, что о сем роде земляных плодов никогда еще не слыхали». (Картофель в Карелии появился значительно позднее.).

Интересно описание сельскохозяйственных орудий. Основным орудием обработки земли была соха, но Лаксман упоминает и плуг, у которого «долгие, узкие, несколько наперед загнутые и вместе сходящиеся сошники с тупыми сторонами, ибо они сделаны не столько для разрывания дерна, как для выворачивания малых камней и для взорвания рыхлой пашни или пережженного поля». Борона, как сообщает Лаксман, состояла из четырех или пяти еловых сучковатых и сколоченных поперек в двух местах жердей; «если такая борона легка, то для тяжести кладут на нее камни».

Лаксман описал и способ пахоты, при котором крестьяне стремятся «только взорать так называемую плодородную

землю, или чернозем, а до материка не касаться, который обыкновенно состоит из песку, илу или глины и мало имеет в себе тучных частиц к произведению плодородия». По данным Лаксмана, «редко пахут на пол-аршина, а по большей части только на шесть вершков глубины и меньше». Иногда землю совсем не пахут, «потому что покрытая тенью от стоящих дерев земля бывает влажнее, притом же находится на ней столько угля, моху, хворосту и пеплу, сколько потребно к прикрытию семян».

При подготовке к севу, как указывает Лаксман, «в великом употреблении сжигание кустарников, да и самого леса». Лаксман подробно описал различные способы пережога и отметил, что большое количество леса гибнет при этом совершенно бесплодно, многие «деревя засыхают и гниют без всякой пользы».

В Олонецком уезде было широко распространено трехполье. Пашни обычно находились около деревень, «но хорошие в лесу заведенные пашни иногда за двадцать верст отстоят от жилища». Лаксман считает, что количество плодородных земель было бы значительно больше, если бы проводились соответствующие мелиоративные работы, в частности, осушение болот, ибо «живущих в северной стране земледельцев труды ничем лучше не награждаются».

Лаксман сообщает и ряд других сведений о состоянии местного хозяйства — о животноводстве, разведении домашней птицы и т. д. Поскольку инструкция, которой придерживался Лаксман, охватывала очень большой круг вопросов, «ответы» касаются и разведения пчел, и рыбной ловли, и охоты, и описания местных речных судов.

Подробно перечисляет Лаксман крестьянские работы на протяжении всего года, месяц за месяцем.

«Ответы» ученого содержат некоторые сведения и о различных отхожих промыслах местного населения. Он указывает, что крестьяне часто «вдаются в плотничество и каменную теску, в мореходство и другие ему подобные промыслы... лучшие идут в Петербург». В Петербург же возят «великое множество сена на галиотах».

Указывая, что крестьяне «по большей части скудны», Лаксман считает одной из причин этого широко развитое в деревнях ростовщичество. Нередко «имеющий достаток почти за весь погост платит деньги в нужном случае, а именно, когда нужно платить подушные деньги или употреблять на

домашние нужды и на складчину во время рекрутского набора. Но за такое свое благодеяние берет он чрезвычайные проценты... Таким образом бедные крестьяне не только не могут исправиться, но еще приходят через то в большее разорение».

Вторая экспедиция в Карелию была предпринята Лаксманом через десять лет, в 1779 году. В июне этого года он представил в Академию наук план своего очередного путешествия. Задача исследователем ставилась очень сложная: он предполагал вначале посетить истоки Волги и озеро Ильмень, затем отправиться на север, проехав восточнее Онежского озера до Белого моря, и возвратиться в Петербург через северную Карелию и западное побережье Ладожского озера. Правда, в дальнейшем Лаксману пришлось несколько изменить маршрут и ехать на север через Олонец и Петрозаводск. В рапорте в Академию наук он так объяснял это изменение: «в Вытегорском уезде нет почти ни одной дороги... через которые без опасности не только верхом проехать, но и пройти никак не можно».

Свой план Лаксман обосновывал тем, что истоки Волги до сих пор изучались в зимнее время, когда снег и лед затрудняли наблюдение. Что же касается территории от Онежского озера до Белого моря, то и она нуждалась в точном исследовании, поскольку имеющихся отрывочных сведений было явно недостаточно.

Перед отъездом из Петербурга Лаксман заручился «видом» к административным властям тех мест, через которые он предполагал проезжать. Подписанный президентом Академии наук этот документ обязывал местные власти «сообщать ему безостановочно всякие известия, касающиеся до натуральной тех мест истории, до топографии, до истории, до экономики, до числа народа, в городах, уездах, селах и деревнях обитающего, до рудников и заводов и других предметов; сообщать ему нужные карты и чертежи; давать ему провожатых и работных людей и напоследок дозволить ему собирать... разные натуральные редкости, металлы и горные породы и чинить ему, академику Лаксману, по всем трактам его путешествия безостановочный пропуск». Одновременно берг-коллегия разослала соответствующие указы на все заводы, расположенные по пути следования Лаксмана. Такой указ был

получен, в частности, и в канцелярии Олонецких Петровских заводов.

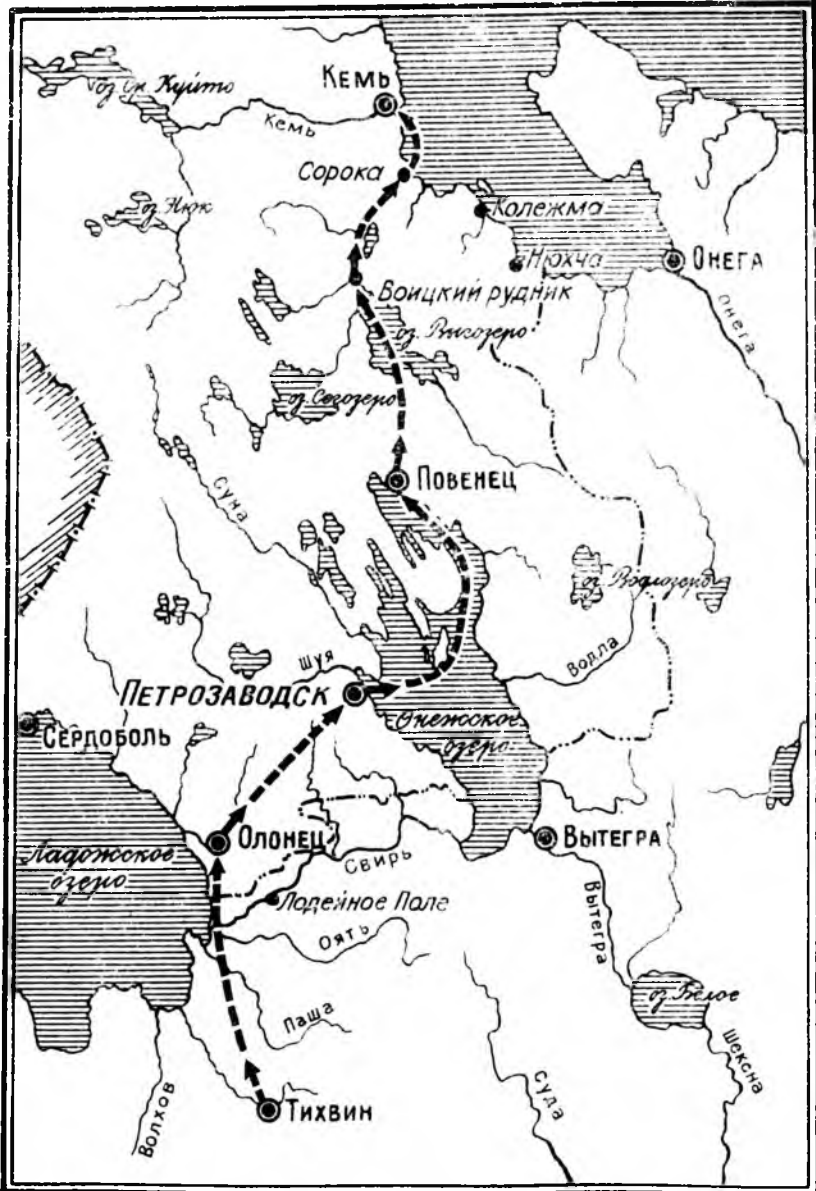
17 июля 1779 года Лаксман отправился в путь. Свыше месяца продолжались исследования Ильменя и Волги, после чего ученый заехал в Москву и оттуда через Тверь—Боровичи—Тихвин направился в Олонец. Из Олонца Лаксман поехал в Петрозаводск, куда он прибыл 3 октября, почти через месяц после отъезда из Москвы.

Пока шли приготовления к поездке по Онежскому озеру, ученый исследовал окрестности Петрозаводска. Десять дней ездил он «отчасти водою, отчасти сухим путем», как сообщалось в одном из рапортов, и возвратился в Петрозаводск «с знатным количеством горных руд». Во время этой поездки Лаксман посетил, в частности, Кончезерский завод. В канцелярии Олонецких Петровских заводов была составлена для него ведомость, «сколько в ведомстве здешней канцелярии состоит казенных и партикулярных заводов и рудников и в каких местах».

Утром 16 октября путешествие было продолжено. Легкий экипаж, в котором Лаксман приехал в Петрозаводск, сменила лодка, и следующую часть пути путешественник совершил по Онежскому озеру. И здесь Лаксман не прекращает научных исследований. Он интересуется глубинами озера и отмечает: весьма замечательно, что озеро в большинстве мест имеет бóльшую глубину, нежели Белое море». По подсчетам Лаксмана, Онежское озеро достигает местами ста сажен глубины.

Большое впечатление на путешественника произвела живописная природа края: «Трудно вообразить себе, как живописно-красивы виды, начиная от острова Климентского... Чередуюсь с красивыми полями и лугами, видны здесь хвойные, березовые и густые липовые леса, крутые горы, голые утесы и холмы. Черный мелкозернистый траповидный сланец всех степеней твердости, от яшмы до мела, составляет приятную противоположность белому мраморообразному известняку...»

Осматривая Фоймогубский медный рудник, Лаксман записывает, что он расположен «в романтичнейшей местности, которая более множества других достойна кисти художника... Окрестная местность украшается множеством рыбных озер, речек, ручейков, водопадов, островов, лесов, долин и деревень. Вид со скалы прелестен, к востоку можно обозреть два озера, именно залив Толва и само озеро Онего, а к юго-востоку взоры тонут в обширности этого озера».

Маршрут путешествия Э. Лаксмана в 1779 году.

Особенно большое внимание уделяет Лаксман геологическому строению территории Карелии, различным минералогическим сведениям и полезным ископаемым края, имея в виду облегчить работу, как он пишет, «мыслящих минералогов».

Вопросов народной жизни, сельского хозяйства, промышленности и торговли Лаксман почти не касается. О Даниловском ските, о котором все проезжавшие мимо путешественники (Озерецковский, Державин и др.) пишут очень подробно, Лаксман говорит всего несколько слов. В них сквозит откровенное недоброжелательство: «местоположение не из приятных... а управляют ими [раскольниками.— Е. Э.] немногие лицемерно-человеколюбивые старики совершенно по своему произволу».

Зато Воицкий рудник Лаксман описал очень обстоятельно, причем, в отличие от более поздних описаний с точки зрения его геологического строения, хотя, по словам Лаксмана, «снег несколько препятствовал более подробному исследованию этой замечательной местности». Влюбленный в геологию и особенно в минералогию, Лаксман неоднократно пишет об «удовольствии... осматривать первобытные формации гранита» и даже уверяет, что это «сделало для него езду по этим диким водам в такое позднее время года, под 65-м градусом, весьма приятною».

1 ноября Лаксман достиг Сороки и пробыл на побережье Белого моря до 26 ноября, занимаясь исследованием берегов и прибрежных островов. Он осматривает и описывает лов сельди, совершает поездку в Кемь. Последняя экспедиция едва не стоила Лаксману жизни. Вот как он рассказывает об этом в рапорте в Академию наук: «Пятого числа я имел несчастье перед устьем Шуи около одной версты от берега провалиться под лед, так что с большим лишь трудом спасся из воды, имевшей глубину более чем в две сажени, и в четырех сажнях от моей лодки. По миновании опасности я должен был совершенно мокрый провести более двух часов на морозе, пока не дошел до скалы Павнаволок, в пятнадцати верстах отсюда. Здесь я велел затопить печку в находящейся там рыбацкой хатке и должен был ждать, пока густейший дым не разошелся и лишь потом я был в состоянии вползти туда и высушить мое платье».

Две недели Лаксман провел в Сумском остроге, но описал его очень бегло. Дождавшись начала санного пути,

ученый через Воицкий рудник, Повенец и Шуньгу возвратился в Петрозаводск, где пробыл до 17 декабря. Таким образом, все путешествие продолжалось около полугода.

Помимо рапортов в Академию наук, важным научным итогом экспедиции были привезенные Лаксманом из Карелии коллекции минералов. В архиве Академии наук СССР среди других материалов путешествия Лаксмана хранится содержащий 419 названий «Каталог руд и минералов», собранных академиком во время этой поездки.

Разносторонние результаты экспедиций Лаксмана делают их несомненно важными вехами в истории изучения карельского края.

Путешествие академика Н. Я. Озерецковского по озерам Ладожскому и Онежскому

Заслуга академика Н. Я. Озерецковского в изучении Карелии особенно велика. Можно без преувеличения сказать, что он сделал в этом направлении больше, чем кто-либо другой из ученых XVIII века.

Николай Яковлевич Озерецковский, сын деревенского священника, родился в 1750 году в селе Озерецком (отсюда, по-видимому, его фамилия) под Москвой. Как и многие дети священников, первоначальное образование Озерецковский получил в духовной семинарии, в Троице-Сергиевой лавре (ныне г. Загорск). Родители готовили сына к духовной карьере. Однако судьба его сложилась иначе.

В 1768 году в числе лучших семинаристов Николай Озерецковский был отправлен в Петербург в гимназию при Академии наук и определен «в студентские классы», а весной того же года зачислен в состав экспедиции И. И. Лепехина. Так началась его служба в Академии, дружба с Лепехиным и творческая биография как ученого. Очень скоро Лепехин заметил в своем молодом спутнике большой интерес к исследовательской работе, наблюдательность, точность в исполнении поручений. Уже в первой экспедиции Озерецковский получает от Лепехина задания самостоятельно, во главе небольшого отряда, исследовать тот или иной район.

По возвращении из этих путешествий Озерецковский на несколько лет уезжает за границу для завершения образования. Он посещает лекции при Лейденском университете, но главным образом работает самостоятельно над изучением любимой науки — натуральной истории. В 1778 году в Страсбурге Озерецковский успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора медицины и возвращается в Петербург, где его избирают адъюнктом, а через три года — академиком. Озерецковский сложился как ученый необычайной разносторонности. Им опубликовано около ста научных трудов, свидетельствующих о том, что его научные интересы лежали в самых различных сферах: он писал по вопросам русского языка и словесности (которые, кстати сказать, много лет преподавал), публиковал исследования по истории, этнографии, ботанике, зоологии, минералогии, географии.

Помимо участия в экспедициях Лепехина, Озерецковский сам провел ряд поездок по России и опубликовал их научные итоги, которые составили значительную часть его трудов. В 1785 году он совершает путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому; в 1805 году — на озеро Ильмень; в 1814 году исследует верховье Волги и озеро Селигер.

Настоящий подвижник в науке, ученик, друг и научный наследник Лепехина, Озерецковский был в сущности бедным человеком. «Много лет путешествуя по России для исследования натуральных произведений, — писал он, — в 1771 году лишился я всей моей собственности в Ледовитом океане, в 1773 году погорел в Великих Луках, в 1814 году в озере Ильмень потонули остатки моих пожитков».

Умер Озерецковский в 1825 году.

По Карелии Озерецковский путешествовал в течение одного лета 1785 года, однако обследованная им территория оказалась весьма значительной. Выехав из Петербурга, путешественник направился вверх по реке Неве до ее истока, затем повернул на север и двигался вдоль западного берега Ладожского озера, обследовал северный и восточный его берега, совершая экскурсии внутрь материка, посетил город Олонец и его окрестности и, наконец, достиг устья реки Свири. Дальнейший путь исследователя пролег по Свири, вверх по ее течению, до Вознесенского погоста (ныне пос. Вознесенье), на север — по западному берегу Онежского озера — до Петрозаводска, оттуда дальше по берегу озера. Постоянно

совершая экскурсии в глубь материка, Озерецковский исследовал Заонежский полуостров, посетил Даниловский раскольничий монастырь, побывал в г. Повенце, спустился к югу до Андомского погоста и Вытегры, откуда, добравшись до истока Свири, возвратился в Петербург 26 сентября 1785 года.

Прежде всего Озерецковский обращает внимание на исследование природных богатств края. Он ратует за то, чтобы природные богатства не лежали втуне, а использовались для развития хозяйства и промыслов. Ученый оценивает значение уже известных и открытых им самим месторождений железных руд, призывает более тщательно изучать возможности их промышленного использования, предостерегая от ряда ошибок.

Исследователя занимают не только поиски металлов. Озерецковский старается выяснить все возможности разработки полезных ископаемых края, внимательно учитывая и изучая их. «Река Андома низменные имеет берега, но как в устье, так и далее вверх нарочито глубока, и ходят по ней галиоты расстоянием от устья на 15 верст до пристани Сорочье поле называемой, где нагружаются известною андомскою глиною, которую добывают от Сорочья поля верстах в 15, при деревне Замошье. Ее достают из ям, из коих иные бывают глубиною сажень десяти. Глина попадаетеся не толстыми слоями; цветом она белая, особливо когда высохнет, и служит вместо извести на белие изб и печей. Замошские крестьяне делают из нее горшки, которые очень долго держатся и в том краю в большом количестве раскупаются».

Глина эта действительно была уже хорошо известна. Ее использовали при строительстве доменных печей на Олонецких заводах, она нашла применение, как сказано выше, в производстве первого русского фарфора. Обсуждая вопрос о материальных ресурсах отечественной фарфоровой промышленности, ученый рассказывает и о другом своем наблюдении — о добыче повенецкими крестьянами кварца, из которого изготовлялось оборудование для измельчения глины и минеральных красок: «камень, белой кварц, ломают верст за сорок от города, близ деревни Щобен, в каменной горе, и тешут из него жернова и ступы для С.-Петербургской фарфоровой фабрики».

Н. Я. Озерецковский.

Интересно отметить, что Озерецковский впервые обратил внимание на минерал, который впоследствии получил наименование «шунгит»; у него этот минерал фигурирует под названием: «углистые сланцы».

Наконец, Озерецковский говорит еще об одном «полезном ископаемом» — о местных целебных минеральных источниках, а в связи с этим и о первом в России курорте, функционировавшем в начале XVIII века — о кончезерских «Марциальных водах».

Интересные и подробные сведения могут почерпнуть в описаниях Озерецковского ботаник и зоолог, изучающие растительность и животный мир Карелии. Значительное место отводит он карельским лесам и озерам.

Большой вклад внес Озерецковский в изучение этнографии народов Карелии, интересуясь, в частности, исследованием этнического состава ее населения. Сложность этнической истории края обусловила тот факт, что на этой территории в близком соседстве проживали различные родственные и неродственные народы: финны, карелы, ижоры, вепсы, русские, саами. Все они, хотя и в различной мере, упоминаются путешественником. Изучение приводимых им данных позволяет проследить расселение этих народов.

Детальность сведений, сообщаемых Озерецковским, поразительна: он описывает этнический состав населения почти каждой проезжаемой деревни. Это было нелегко, особенно при изучении городского населения. И тем не менее в Сортавале Озерецковский все же сумел подметить наличие карельского населения.

Одной из сложнейших проблем этнической истории Севера считается так называемая «лопарская проблема». Вопросы расселения саами на всем протяжении их истории уже долгое время занимают исследователей. В материалах путешествия Озерецковского содержатся любопытные свидетельства о саами, подтверждающие мнение о том, что прежде этот народ был расселен на значительно более широкой территории к югу от современного местообитания.

Еще один народ — вепсов Прионежья, говорящих на языке финской семьи, отметил Озерецковский, хотя и спутал их с карелами. Двигаясь водю от Вознесенского погоста к Петрозаводску, путешественник проезжал мимо вепских дере-

вень. «В 10 верстах от села Щелеек на возвышенном берегу Онежского озера лежит карельская деревня Каскесручей, от которой в 7 верстах находится село Рыборецкое при речке Рыбьей, в Онежское озеро впадающей...»

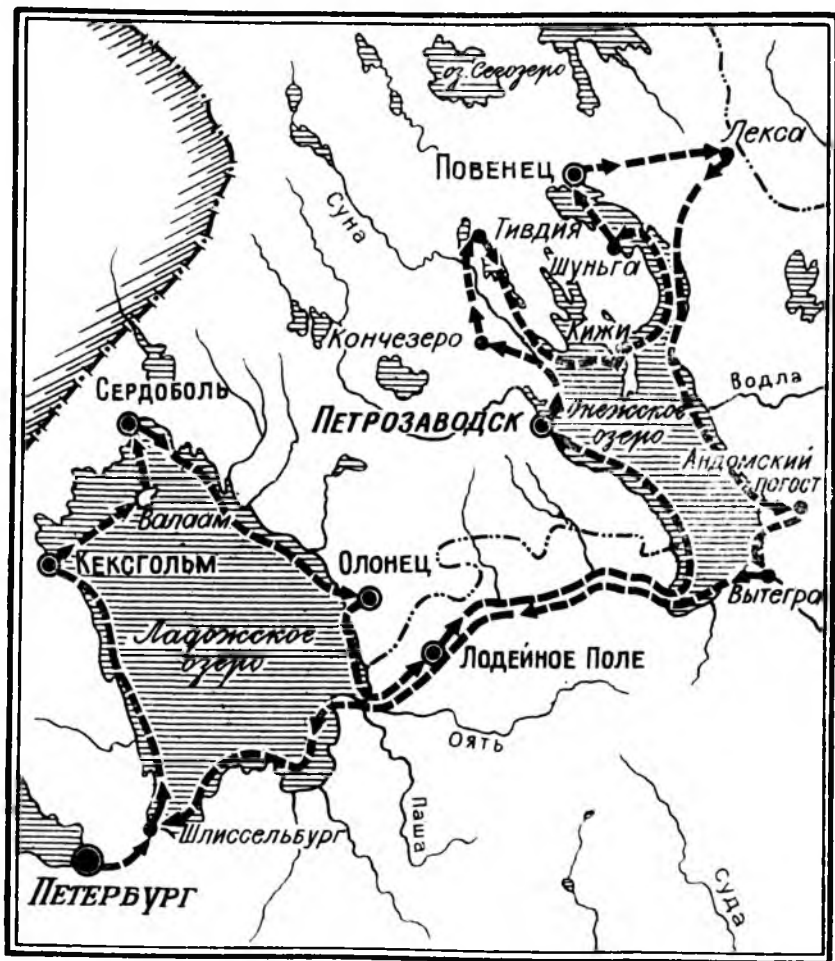
Наконец, исследователь говорит и о русском населении края, но не часто. Впрочем, последнее обстоятельство легко объяснимо: Озерецковский особо отмечает присутствие русского населения в тех районах, где оно не составляло компактного массива, например, на западном берегу Ладожского озера или к северу от Петрозаводска. Когда же речь шла о районах со сплошным русским населением, например к югу от Повенца, естественно, не было надобности писать об уже известных вещах.

Озерецковский с уважением отзывается об изучаемых им народах. Он чужд великодержавного высокомерия. Чуткий исследователь, он видит сложные этнические и языковые процессы, происходящие на территориях со смешанным населением, и по-своему пытается о них судить: «Все различие между русскими и чухонцами¹ состоит только в вере и несколько в языке; но большая часть русских не так хорошо говорит своим языком, как чухонским, и женский пол наиболее язык сей употребляет, так что некоторые из них по-русски говорить совсем не умеют». Разумеется, это сообщение Озерецковского относится к ограниченному району, но как такое заслуживает полного доверия.

Чрезвычайно интересны приводимые ученым характеристики отдельных моральных качеств изучаемых народов. Так, с уважением отзываясь о карелах, он высоко ставит их храбрость, присутствие духа в опасную минуту. Работая на сплаве леса по бурным рекам, карелам часто приходится с риском для жизни разбирать заторы из бревен, образовавшиеся в порожистых местах: «Кряжи... камней составляют... пороги, с которых вода во многих реках с превеликою падает силою; несмотря на сие, из гоняльщиков леса такие сыскиваются смельчаки, что, стоя на одном бревне и не имея в руках [ничего], кроме багра, опускаются по воде с оных порогов в находящиеся под ними пропасти и по большей части на бревне удерживаются».

Характеристики, даваемые путешественником, всегда точны, колоритны, ярки.

¹ Так Озерецковский называет финнов-ингерманландцев.

Маршрут путешествия Н. Я. Озерецковского в 1785 году.

В работах Озерецковского, посвященных Карелии, имеются материалы, которые могут представить специальный интерес для лингвиста. Эти материалы разнообразны и по характеру, и по количеству. Прежде всего отметим, что Озерецковский приводит названия всех пунктов, через которые (или

мимо которых) он проезжал. Путешественник записывал не только названия населенных пунктов, но и рек, урочищ, болот, порогов и т. п. Хотя транскрипция названий оставляет желать лучшего, все же мы сталкиваемся с такими материалами, которые вполне могут быть использованы (при необходимости критической проверке) в качестве ценного источника для изучения топонимики¹ этих районов в историческом разрезе.

Среди местных названий на Севере, как известно, есть много топонимов прибалтийско-финского происхождения, причем встречаются они не только в тех районах, где теперь живет финноязычное население, но и там, где сейчас обитают настоящие великоруссы. Такие топонимы иногда служат единственным свидетельством того, что до русской колонизации территория Карелии была занята финноязычным населением.

Озерецковский приводит и данные, позволяющие изучать славянскую топонимику на Севере. На этом материале в какой-то мере могут быть прослежены процессы, связанные со славянской колонизацией.

Наконец, в трудах Озерецковского содержатся сведения, важные для изучения диалектов северновеликорусского населения, обитавшего в Карелии. Представляют известный лексикологический интерес и приводимые ученым названия ветров, распространенные среди населения, живущего по берегам Ладожского озера. Озерецковский делает любопытное сопоставление этих названий с названиями ветров, бытующими в Русском Поморье. «Сии названия ветров суть следующие: восток, зимняк, полуденник, шелонник, запад, подсеверный, северик и меженец».

Озерецковский отметил и некоторые диалектные особенности местного говора, положив тем самым начало диалектологическому изучению русского языка в Карелии: «Кроме свойственных каждой стране в языке отмен, жители, как по Олонке реке, так и по Свири, общие всем россиянам слова произносят отлично, а именно: не договаривают глаголов в третьем лице, как-то вместо будет говорят буде, вместо несет — несе и пр.» Нет сомнения, что эти и подобные сведения имеют большое значение и для истории науки, и для изучения этнической истории края.

¹ Топонимика — совокупность местных названий (поселений, рек и пр.). Топонику изучает особый раздел языкознания — топонимия.

Озерецковский фиксирует и социальный состав населения Карелии. Он обстоятельно записывает данные о количестве купцов и мещан в городах, делает заметки (иногда беглые) по поводу имущественного положения отдельных слоев городского и сельского населения. Исследователь постоянно отмечает, к каким категориям относятся крестьяне посещаемых им деревень. «Крестьяне же там троякого звания: государственные, экономические и помещичьи», — пишет он о населении Шуйского погоста (под Петрозаводском).

Категории крестьянского населения в Карелии действительно были весьма разнообразны, хотя большинство, безусловно, составляли государственные крестьяне. Интересны группы обельных крестьян и так называемых вотчинников. «Селение Челмужа [близ Повенца. — В. П.] отменно от всех прежде упомянутых тем, что в нем живут вотчинники и обельные крестьяне. Первых числом 19, а последних 66 человек... Вышеупомянутые вотчинники 19 человек... владеют 66 обельными оными крестьянами, но владение их сопряжено со многими для них досадами, ибо как они по сие время ни в какую службу не вступали, то и преимущество их над крестьянами состоит в одной только жалованной грамоте; кроме того, не уважаются они ни от капрала, ни от солдата, которые поступают с ними ровно как с мужиками».

Этот интерес к социальному составу населения — не есть результат чисто академического или тем более праздного любопытства. Большие социальные сдвиги, происходившие в России, породили стремление к изучению основной проблемы того времени — проблемы крепостного права, крестьянства, изнывавшего под его игом. Конечно, в ту эпоху лишь отдельные гениальные люди, такие как А. Н. Радищев, пришли к совершенно правильному выводу о необходимости и неизбежности революции в России и страстно призывали к ней. Значительно более широкий круг образованного общества того времени, не делая революционных выводов из изучения действительности, тем не менее с сочувствием относился к тяжелому положению народа, пытался облегчить его судьбу, предлагая различные пути, вроде развития промышленности, сельского хозяйства, торговли, мореходства и т. п. Это были прогрессивно настроенные люди, ученые, писатели, к их числу принадлежал и Озерецковский. С сочувствием и негодованием пишет он о тяжелом подневольном труде рудокопов, об ужасных условиях, созданных для них на Воицком рудни-

ке: «Никаких побочных шахт в руднике не было... очень часто случилось, что в сырую и туманную погоду воздух в шахте снижался и, удерживая в ней пороховой дым, от паления вырубленных в камне скважин происходящий, захватывал у рудокопов дыхание, так что их едва живых оттуда вытаскивали, и они сряду дни по два и по три буровальной работы производить там не могли...».

Несмотря на то, что природные условия не благоприятствовали развитию в крае земледелия, оно все же было главным занятием большинства населения тех районов, где побывал путешественник. Он подробно описывает северное карельское земледелие, называя и употреблявшиеся сельскохозяйственные орудия, и культуры растений, и виды домашнего скота.

Сельское хозяйство, особенно земледелие, не могло полностью обеспечить население продовольствием, в частности хлебом. Указания на недостаток хлеба у Озерецковского постоянны: «Край сей весьма недостаточен хлебом, который всегда заимствует от других российских областей, оным избыльных».

Недостаток в хлебе местное население восполняло развитием подсобных промыслов, среди которых большое место занимало рыболовство. Путешественник описывает разнообразные способы его: лужение рыбы при помощи остроги, ловля заколами, использование различных снастей. У него мы находим и подробные описания рыбной ловли на Онежском озере при помощи кереводов, представлявших собою род невода.

Ученый отмечает, что в ряде мест Карелии, особенно в западном Прионежье, рыболовство приобретало характер сезонного отхожего промысла: «Некоторые из жителей села Щелеек каждую весну ездят в С.-Петербург на лодках с воротницами или кереводами для рыбной ловли при устье Невы, где живут недель по пяти и более, пока в жительство их не начнутся полевые работы. А когда сии приближаться станут, то продают... свои воротницы и лодки и пешие домой возвращаются». В связи с этим Озерецковский описывает и временные промысловые жилища, которые он видел в ряде пунктов, весьма напоминающие аналогичные жилища поморов.

Другим важным подспорьем в жизни местного населения была охота. Интересно, что данные Озерецковского свидетельствуют о постепенном превращении охоты в промысел,

характер которого определяется тем, что его продукты сбывались в Петербурге, т. е. шли в массовом порядке на вывоз. Как пишет исследователь, жители Шуйского погоста «в С.-Петербурге... возят... разную дичь, как-то: глухарей, белых куропаток и рябчиков, которых у себя стреляют».

Суровые природные условия края, громадные поборы, необходимость для приписных крестьян значительное время работать на казенных заводах и, наконец, частые неурожаи — все это обрекало население Карелии на голодное существование.

Описывая некоторые виды народной пищи, Озерецковский иногда приводит и местные названия, например, распространенные среди жителей верхней Свири (вероятнее всего вепсов). Быть может, самым важным после хлеба растительным продуктом была репа. Определенным дополнением к этому служили продукты, получаемые посредством собирания «даров природы». Чрезвычайно существенным в составе пищи оставалось значение рыбы. «Обыкновенная сих [т. е. Шуйского погоста.— В. П.] жителей пища состоит из капусты, репы, гороха, разных ягод, волнух, также говядины и рыбы, но исключая угрей, которых совсем не едят».

Низкий уровень развития зернового хозяйства и животноводства вынуждал население Карелии искать иных средств существования. В хозяйстве все большее значение начинают приобретать ремесла, связанные с разведением культуры льна: «В деревне Ручья отменно от многих других мест готовится лен; а вся отмена состоит только в том, что, обивши с бабок головки, или колоколку, как в тамошнем краю называют, кладут обитые бабки в воду и мочат их так, как обыкновенно с пенькою поступают. После сей мочки стелют лен по лугам, где он еще больше вымокает и через сие двойное моченье делается гораздо белее против обыкновенного льна, который стелют не вымачивая». Любопытно отметить, что Озерецковский видел, как делают канаты из свиной щетины.

Но интереснее всего, пожалуй, материалы, свидетельствующие о существовании в Карелии, в различных ее районах, крестьянского ремесленного железоделательного производства. Озерецковский замечает, что сталь и уклад «приготавлиются поселянами из железных руд...» Его данные определенно говорят о том, что несмотря на запретительные меры, принимавшиеся правительством и местными властями в связи

с развитием казенной мануфактурной промышленности, крестьянские железоделательные промыслы продолжали в то время довольно стойко сохраняться: «На ярманки Тихвинскую и Шунгскую... возят они [жители Шуйского погоста.— В. П.] уклад, который покупают в Мунозерском погосте». Об этом же говорит исследователь, описывая более северный район — Тивдию и Святнаволоку.

Большое значение в хозяйстве крестьян Карелии имели и промыслы, связанные с лесом, с использованием этого главного богатства края.

Озерецковский отмечает и описывает — иногда кратко, а иногда весьма подробно — различные встречавшиеся ему по пути предприятия промышленного характера: «пильные мельницы» (т. е. лесопильные заводы), разработки мрамора, железоделательные и стекольные заводы. Он упоминает «лапландские заводы» — металлургические предприятия, заложенные в 1739 году («в действии находились только лет с пяти»), заводы в Петрозаводске, Кончезере и т. д.

По Онежскому озеру и реке Свири было развито кораблестроение (изготовление речных и озерных судов).

В эпоху, описываемую Озерецковским, уже шел процесс постепенного подтачивания натурального хозяйства; значительная часть крестьянской ремесленной продукции, рыболовства и охоты поступала в сферу товарного обращения. Продукция промыслов сбывалась на ярмарках, которые устраивались ежегодно в разных пунктах Карелии. «Погост сей [Шунгский.— В. П.] достоин примечания как по красивому своему месторасположению, так и по двум ярманкам, из коих одна бывает в нем января 6, а другая марта 25 дня. Хотя обе оне продолжают не более недели, но свал народа бывает там превеликой и множество съезжается купцов из Тихвина и других городов с разными товарами, коих навозят более нежели на 100 000 рублей; сверх того много здесь в продаже бывает лошадей. Для ярманок в Шунгге проделаны деревянные лавки».

Нет никакого сомнения в том, что на такие ярмарки стекалось разнонациональное население. Это важно учитывать при изучении этнической и культурной истории края. «На ярманку [в Сердоболе — Сортавале.— В. П.] кроме россиян, съезжаются российские и шведские финны и карелы».

Надо иметь в виду, что в Карелии функционировали не только эти крупные ярмарки — Шунгская, Валаамская, Сорта-

вальская, — но бывали и более мелкие, чисто местного характера, имевшие большое значение в ходе экономического и всякого иного — в широком смысле — обмена между представителями различных национальностей, населявших Карелию.

Важной проблемой была транспортировка товаров на дальние расстояния, в пункты, с которыми осуществлялись

торговые связи, особенно зимой, когда приходилось пользоваться гужом, обозами. В связи с этим значительное развитие получил извозный промысел. Летом же дело обстояло проще: основными путями сообщения служили озера и реки, по ним отправлялись гребные и парусные суда и баржи, которые тянули бурлаки. Одним из главных направлений в торговых операциях стало петербургское (вывоз). Однако несмотря на это, даже на важнейшей водной артерии края — реке Свири отходничество еще не получило широкого развития: «Деревенские жители в летнюю пору занимаются своими работами и для судовщиков столь бывают дороги, что сии нанимать их не в состоянии...» Лишь

Титульный лист книги Н. Я. Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильменя».

в городах, например в Петрозаводске, часть жителей начинала уже зарабатывать на жизнь продажей рабочих рук на чужой стороне.

Виды и типы поселений в Карелии, которые, впрочем, довольно однообразны, также отражены в описании путешествия Озерецковского. Основная их разновидность — малодворная деревня беспорядочного плана. Вот характерное

описание северной деревни: «Дворы в упомянутой деревне [Чертова Лахта, западный берег Ладожского озера.— В. П.] расставлены по-чухонски, то есть беспорядочно, но большая часть лицом обращены к губе. За деревню внутрь земли идет лес, в котором расчищены места для пашни и покосов». Или другой пример: «Деревня Ровская при устье речки Ровы, впадающей в Свирь с левого берега... состоит из четырех дворов...»

Единственным видом постоянного жилища в Карелии была срубная изба. Большинство населения жило тогда в избах, топившихся «по-черному». О избах, топившихся «по-белому», Озерецковский говорит как о редкости. В них жили куцпы и деревенские богатеи. Другой вид постройки, весьма характерный для Карелии, как, впрочем, и для всего Севера,— баня.

К сожалению, об одежде населения Карелии исследователь упоминает редко. Лишь в некоторых случаях, делая зарисовки быта народа, он называет и отдельные предметы одежды: «Деревенские женщины и девки ранее всех от сна пробуждались [во время Валаамской ярмарки.— В. П.] и, вставши, немедленно бросались к воде, чтобы умываться. Действие сие продолжалось у них не мало времени, потому что оне, во-первых, полощутся водою, потом моются мылом, которое смыв, натираются белилами и, натершись, стоят или сидят на судах без всякого действия, давая время белилам хорошенько вобраться в кожу. После сего бережно смывают их с лица; и как многие из них зеркал не имеют, то смотрятся в воду, и помощью сего зеркала уравнивают на себе подложную белизну, которую, наконец, прикрашивают румянами.

Надевают на себя кумашные сарафаны и повязываются алыми платками или лентами и тогда уже с судов своих сходят.

Многие, без сумнения, уборку сию похулят, особливо за излишнее употребление белил, которые состояются из вредной свинцовой извести; но поелику деревенские женщины убираются таким образом во время ярмарки, а в домах у себя в одни большие праздники, то беление сие ни мало лиц у них не портит, а доказывает, напротив того, их опрятность, веселость духа и охоту нравиться, когда есть кому казаться. Из сего ясно также видеть можно, что в нравах их грубости нет и что народ, который печется об убранстве, весь-

ма способен к принятию просвещения, ему приличного».

Внимательно изучал Озерецковский и религиозные верования местного населения. Он обращает внимание на различия отдельных групп населения по религиозному признаку. Так, в погосте Импилахти часть карельского населения исповедовала лютеранство, другая часть — православие. Описывает Озерецковский и обычай праздновать в отдельных деревнях или группах деревень дни определенных «святых», которым посвящены часовни. Очень важно отметить интерес путешественника к описаниям дохристианских верований.

Нельзя пройти и мимо данных о северном старообрядчестве. Исследователь, который пожелал бы изучить старообрядческую организацию и идеологию так называемого «поморского согласия», найдет у Озерецковского очень ценный материал, например, о классовом составе Даниловского скита (раскольничий монастырь): «Не принимают они в свое собрание, кроме пожилых и богатых людей, после которых имение идет на общую казну...»

Ученый делает колоритные зарисовки быта старообрядцев в скитах: «Для благоустройства в монастыре, кроме настоятельницы, по кельям определены смотрительницы, большухами там называемые, кои надзирают над молодыми девушками».

Озерецковский не принадлежал к числу убежденных атеистов, однако, будучи человеком объективным, настоящим ученым, он не мог мириться с невежеством, равнодушно относиться к тому, что народ живет в темноте и бедности. В условиях жестокой цензуры под внешней оболочкой беспристрастности его описаний скрывалось желание видеть народ просвещенным, образованным, зажиточным. Действительность же рисовала иные картины. Лишь один раз на протяжении всей книги упоминает автор о школе. Он описывает ее с большой теплотой: «Прожаживаясь по городу [Олонцу.— В. П.], в бедной избушке услышал я шум многих ребят, в одно время лепечущих; любопытство заставило меня войти в оную хижину, в которой нашел я маленьких мальчиков и девушек, сидящих за азбуками, часовниками и псалтырями; их обучал грамоте бедной пожилых лет мещанин за весьма малую плату; ученики его хорошо выговаривали слова и ясно читали, а учитель весьма казался... доволен, что такую обязанности занимается и видит в учениках своих успехи. Посеще-

ние мое было ему весьма приятно, хотя я трудов его ничем больше как ласковыми словами одобрить не мог».

Путешественник упоминает и о некоторых исторических достопримечательностях края. Побывав в городе Кексгольме, он не забывает напомнить читателю о том, что в древности этот город назывался Корела. Не был чужд ученый археологических интересов, о чем свидетельствует его рассказ о виденном им старинном порубежном камне, некогда отделявшем территорию России от Шведской Финляндии.

Озерецковский пишет и о прекрасных памятниках архитектуры, которыми так богата Карелия. К ним относится, в частности, знаменитый Кижский собор. «Близь Климецкого острова лежит... остров Кижский... на нем погост того же названия и состоит из двух деревянных церквей, из которых одна о 23 главах¹ и стоит на возвышенном месте; вид ее весьма красив...» Этим первым в литературе описанием выдающегося памятника русского деревянного зодчества — Кижской церкви — Озерецковский внес большой вклад в изучение истории русской культуры, обратив внимание современников на уникальное произведение народного гения.

Н. Я. Озерецковский сделал чрезвычайно много для изучения Карелии. Наблюдая народную жизнь и природу края, ученый сумел зафиксировать и тем самым сохранить для будущего ряд таких сведений, которые без него были бы для нас недоступны.

Стиль сочинений Озерецковского, быть может, несколько суховат. Язык его точен, скуп, выражения четки, лапидарны. В отношении языка и стиля сочинения Озерецковского могут быть поставлены в один ряд с лучшими образцами научной прозы того времени.

Больше всего места — по объему и глубине изучения — отведено в работах ученого экономике и природе края. В этом, естественно, сказался дух времени, сила прекрасной традиции, заложенной еще Ломоносовым и продолженной его учениками и последователями, к числу которых можно без сомнения отнести и Озерецковского. Хозяйство населения интересует Озерецковского с точки зрения возможностей его

¹ Озерецковский ошибся. В действительности Кижская церковь двадцатидвухглавая.

усовершенствования и улучшения, с точки зрения использования местного опыта в других районах государства.

Какую бы область жизни Карелии мы ни взяли, если мы захотим изучить связанные с нею вопросы в историческом аспекте, мы должны будем обратиться к работам Озерецковского и почти всегда найдем в них важные материалы по интересующей нас теме.

Озерецковский продолжил дело, начатое И. И. Лепехиным.

П. Б. Иноходцев—исследователь Русского Севера

Среди ученых, плодотворно потрудившихся в области исследования Европейского Севера России в XVIII веке, должен быть назван П. Б. Иноходцев. Выдающийся русский путешественник, он интересовался и Карелией, а также дал подробные описания ряда смежных с ней городов и областей.

Петр Борисович Иноходцев родился в 1742 году. Его отец — выходец из мелкопоместных дворян (у Иноходцевых было 3 «души» крепостных). В 1752 году Петра Иноходцева определили в гимназию при Академии наук. Отличные успехи дали возможность ему уже в 1760 году поступить в академический университет. Учение в университете студент совмещал с преподавательской деятельностью в «геометрическом классе» недавно оконченной им гимназии.

В 1765 году Иноходцев отправляется в заграничную поездку для завершения образования. Он слушает лекции в Геттингенском университете, совершает поездки и экскурсии по Германии, занимается физикой, математикой, собирает геологическую коллекцию, ботанизирует. Особенно много времени молодой ученый отдает любимому предмету — астрономии. Немецкие профессора Гольман (физик и математик) и Кестнер (астроном) весьма высоко ценили способности Иноходцева. Но пробыл он за границей недолго. Его тянуло на родину. Летом 1767 года Иноходцев уже в Петербурге. Вскоре его избирают адъюнктом, в 1778 году — экстраординарным академиком, а в 1783 году — ординарным академиком.

В 1797 году Иноходцев прерывает свою службу в Академии и принимает назначение на должность цензора в город Ригу, однако подобная деятельность не могла удовлетворить ученого, и в 1799 году он снова возвращается в Академию,

где трудится до конца жизни: публикует свои работы, читает доклады, редактирует некоторые тома «Академического словаря» и т. д.

Больше всего Иноходцев известен как путешественник — исследователь Европейской России. Он провел две многолетние экспедиции по очень широкой программе. Первая из них имела место в 1769—1775 годах. Помимо решения многих других научных задач, эта экспедиция должна была дать астрономический материал, необходимый для составления географических карт, а также выяснить возможности строительства канала, который

П. Б. Иноходцев.

соединил бы Волгу с Доном. В 1781—1785 годах Иноходцев совершает свою вторую крупную экспедицию по различным городам и районам России, в частности и по Северу: он побывал в Вологде, Каргополе, Петрозаводске. Не ограничиваясь узкими рамками астрономии, Иноходцев во время поездок собрал и систематизировал громадный фактический материал и по другим отраслям знания. На основании этого обширного материала он написал и опубликовал около 100 трудов и заметок. Обработкой своих полевых наблюдений ученый занимался в последние годы жизни. Умер Иноходцев в 1806 году.

Точный маршрут северного отрезка второго путешествия Иноходцева не установлен. Можно думать, что сначала он побывал в Вологде, а уже оттуда отправился в Петрозаводск. Когда он посетил Каргополь — по пути в Петрозаводск или возвращаясь из него — сказать трудно. Ясно лишь, что все эти три поездки были совершены в течение 1785 года.

На первом месте у Иноходцева стояли, естественно, астрономические наблюдения. Он определил местоположения всех трех посещенных им северных городов, в том числе Петрозаводска.

Иноходцев усердно изучает административное деление тех районов, где побывал, историю возникновения этого деления, административные и экономические центры. Он не преминет упомянуть и о «пределах Вологодского наместничества», и какими областями оно «окружается», и каково его положение в географической системе координат; не забывает сказать о происхождении Каргополя, проявляя при этом максимальную точность и добросовестность.

Этими же принципами руководствуется путешественник и собирая материал о природе обследуемых мест. Восторженно пишет он о лесных богатствах, подробно останавливаясь на составе леса, перечисляя все деревья и кустарники.

Иноходцев старался не только сделать известными те или иные природные богатства и полезные ископаемые изучаемого края, но и подтолкнуть к практическому использованию, к разработке этих богатств. Ему было важно отметить, что некоторые полезные ископаемые уже разрабатываются кустарным способом, и, следовательно, в окрестных деревнях имеется рабочая сила, обладающая известными производственными навыками, которые необходимы для организации широкого промышленного освоения местных ресурсов. В одном случае он обращает внимание на кустарную добычу извести из «серого камня», в другом — на крестьянский сплав леса, в третьем — на разработку железных руд, кричное производство и кузнечное дело.

Форма сочинений Иноходцева позволяет касаться весьма разнообразных вопросов. В отличие от ряда других русских исследователей-путешественников Иноходцев не издавал своих путевых записок или дневников. У него нет описаний маршрутов. Его труды — это специальные сочинения, составленные на основании личных наблюдений и исследований с привлечением довольно широкого круга источников. Такая форма представляла определенные преимущества и удобства в расположении и подаче материала, но в то же время обязывала, чтобы изложение было полным, затрагивало различные вопросы географии и истории.

Нельзя исследовать историю развития в Карелии промышленности, не рассматривая ее в общей связи с промышленным развитием России. Особенно важно привлечение данных о состоянии и развитии промышленности в смежных с Карелией районах. Эти сведения мы находим у Иноходцева в описаниях Вологодского наместничества и города Каргополя «с его округою».

Общее течение экономической жизни в России благоприятствовало возникновению и постепенному упрочению частных капиталистических мануфактур, которые в большом количестве стали появляться к концу XVIII века. По преимуществу это были небольшие предприятия полукустарного типа. В городе Каргополе в год посещения его Иноходцевым имелось «заводов салотопных 4, кожевенных 4, кузниц деревянных 10, мельниц водяных 3».

Экономические связи, обмен, широкое развитие торговли втягивали отдаленные северные области в общий узел развития всероссийского рынка. Карелия и прилежавшие к ней районы, имевшие традиционные местные связи, составляли его органическую периферийную часть.

Значительное развитие торговли требовало соответствующего развития производства средств транспорта и должного состояния путей сообщения. Мысли об улучшении внутреннего речного судоходства, о совершенствовании и расчистке водных путей владели многими умами. Даже самодержавно-крепостническое правительство России считало необходимым ставить эти вопросы. Выдвигаются проекты строительства ряда каналов, которые соединили бы крупнейшие водные пути страны, связали их в единую систему; ведется строительство Мариинского канала; вновь всплывает идея создания Волго-Донского канала, в разработке проекта которого Иноходцев принимал непосредственное участие.

Можно без преувеличения сказать, что Иноходцев был чрезвычайно увлечен идеей покрытия России сетью каналов. Это были мысли ученого-патриота, стремившегося поставить науку, свои знания на службу народу. Они опирались на точные географические данные. Иноходцев выдвигает проект соединения Вычегды и Камы, притоки которых — реки Килкмы — берут начало неподалеку друг от друга и текут в противоположные стороны. «Если здесь,— пишет ученый,— провести через болото канал расстоянием на пять верст, то свободный будет судовой ход не только в полую воду, но и завсег-

да; и через сие откроется сообщение Белого моря с Каспийским посредством Двины, Вычегды, двух Килкм, Камы и Волги, что ныне и положено произвести в действо». Проект этот, несмотря на сравнительную легкость его претворения в жизнь, так и не был осуществлен. Не нашла поддержки и другая идея Иноходцева — о строительстве канала между реками Югом и Ветлугой, который также мог бы соединить Белое и Каспийское моря. Не помогли ни точные географические обоснования, ни ссылки на то, что в этом крае еще в XIV веке близ Вологды был построен канал длиною в 10 верст и «шириною в 15, а глубиною в одну сажень». И не удивительно: в царской России мало кому из ученых удавалось осуществить свои заветные мечты.

Как ни странно, в работах Иноходцева уделено значительное место вопросам, относящимся к области гуманитарных наук. В XVIII веке эта область была наименее разработана, здесь господствовали идеалистические воззрения. В то время как естественные науки — механика, математика, физика, астрономия, геология — делали гигантские шаги, закладывая основы и создавая классические образцы, история, филология, этнография и археология (в особенности последние) ограничивались собиранием и часто произвольным фиксированием разнообразных фактов. Иноходцев не составлял исключения среди своих современников. Основная масса его материалов — фактические данные по истории отдельных областей, народов и городов, собранные им во время научных путешествий. Такие данные обильны и в работах по Северу.

Интерес ученого к этническому составу населения постоянен, сведения, приводимые им по этому поводу, точны, хотя и уступают по полноте и разнообразию аналогичным материалам Озерецковского. Описывая Вологодское наместничество, Иноходцев отмечает, что здесь живут в соседстве два народа — русские и коми-зыряне, сообщает сведения об их языке. Он высказывает интересные теоретические соображения относительно родства некоторых финно-угорских языков. Финно-угорское языкознание, появившееся в качестве отдельной отрасли филологии лишь в первой половине XIX века, может определенно считать одним из своих источников труды русских академиков-путешественников последней трети XVIII столетия, впервые выдвинувших мысль о родстве язы-

ков ряда финских народов и положивших, таким образом, начало выделению их в самостоятельную группу в лингвистических классификациях. «Язык мордовский,— утверждал Иноходцев,— одного, по-видимому, происхождения с чухонским, ибо много подобных и до ныне слов находится, несмотря на отдаленность жилищ и различие веры».

Общее увлечение Иноходцева проблемами гуманитарных наук сказалось и на его интересе к истории, в особенности к этнической истории.

Этническая история Севера очень сложна и до сих пор недостаточно изучена. Интересна проблема истории формирования вепсов — небольшой народности, обитающей в пределах Ленинградской и Вологодской областей и Карельской АССР. Иноходцев не знал вепсов, но ему посчастливилось в одном из архивов обнаружить документ, в котором приводилась легенда о том, что прежде, по-видимому, на рубеже XIV и XV веков, где-то в районе Белозерска, Каргополя и по соседству с ними обитала «чудь белоглазая». Район ее обитания почти полностью совпадает с расселением современных вепсов. «Тетрадка», на которую ссылается Иноходцев, утрачена, но факты, сообщаемые им, подтверждаются данными древней житийной литературы (на это указывает и сам Иноходцев), а также народными легендами, бытующими в этих местах до сих пор.

Пересказывая свой источник, Иноходцев повествует о войне между «чудью» и населением Белозерского княжества, о поражении в ней «чуди», о дани, наложенной на нее белозерским князем, об основании — на возвратном пути из похода против «чуди» — города Каргополя. Значение этого сообщения Иноходцева очевидно. И хотя сам он не сделал отсюда необходимого вывода (как, впрочем, и более поздние исследователи), это не умаляет ценности самого факта открытия источника, содержание которого проливает свет на ряд вопросов средневековой истории вепсов, истории освоения русскими нашего Севера.

Иноходцев отдает дань и описательной этнографии, делая зарисовки быта, обычаев и обрядов местного населения, так сказать, с натуры. Эти зарисовки, правда, отрывочны, несистематичны, но они ценны как ранние упоминания некоторых особенностей крестьянской жизни. Так, Иноходцев впервые в этнографической литературе по Северу отмечает различия в головных уборах девушек и замужних женщин. Сообщает

путешественник и некоторые сведения о пище каргополов, описывая праздничный стол; среди блюд (вероятно, обрядовых) большое место отводится рыбе. «Стол же их состоит из одних с рыбою пирогов, и сколько в округе ловится рыб, с каждою особливый пирог...»

Судьба трудов Иноходцева различна: его работы в области астрономии, геодезии и природоведения известны и признаны, однако это лишь часть его научного наследия. Другая часть — в особенности содержащая историко-этнографические материалы — осталась почти неизвестной науке. К числу таких малоизвестных трудов ученого относятся и «северные описания». Между тем, как мы видели, здесь сосредоточено целое богатство разнообразных сведений, которые с успехом могут быть использованы не только историками (в том числе этнографами и археологами), но и лингвистами, краеведами в широком смысле этого слова.

Г Л А В А III

ПЕРВЫЕ „ОПИСАНИЯ“ КАРЕЛИИ

Значительным итогом изучения Карелии в XVIII веке явились различные «описания» края.

Первые «описания» появились в середине 80-х годов и представляли собой обобщения многочисленных материалов по географии, экономике и истории Карелии, которые к этому времени были собраны.

Очевидно, непосредственной предысторией составления «описаний» был сбор сведений для подготовки ответов на специализированные анкеты и запросы Академии наук, рассылавшиеся в 60-70-е годы по всей стране.

Первую такую анкету разработал М. В. Ломоносов в 1760 году. Она состояла из 13 пунктов. В дальнейшем появились многочисленные варианты, в которых вопросы конкретизировались, затрагивались новые стороны жизни, в результате чего анкета значительно расширилась.

Ответы на эти вопросы Академии наук требовали от местных властей основательной работы, тем более, что за анкетами стояли правительственные указы, в которых отмечалась необходимость сбора сведений для «географического описания Российского государства» и «нового исправленного Российского атласа». Поэтому подготовкой ответов занимались губернаторы, вице-губернаторы, многочисленные чиновники губернских и уездных административных учреждений, а также местные любители-краеведы.

Сбор сведений иногда тянулся годами, собранные материалы составляли целые тома. И хотя далеко не все в этих све-

денях абсолютно точно, а на некоторые вопросы местные власти и вовсе не могли ответить, тем не менее общий положительный результат этой работы был бесспорен.

Анкеты Академии наук затронули, естественно, и Карелию. Так, в 1784 году в Петрозаводск были присланы «Топографические запросы», состоявшие из 35 пунктов. Предусматривалось, что ответы должны охватить всю территорию губернии.

Вопросы были самые разнообразные. Здесь и история города («что о нем по местным летописцам известно»), и подробное описание его расположения («на какой реке или озере построен, на каком берегу, на островах или на обоих берегах, на ровном или низменном месте»), и требование сообщить «о всех градских строениях», «промыслах и ремеслах обывателей». Большая группа вопросов касалась географии края — рек, озер, лесов, гор и т. д. Ряд вопросов был связан с промышленностью, состоянием сельского хозяйства и торговли. Наконец, последняя группа вопросов носила этнографический характер: об обычаях, быте и нравах населения. Таким образом, географическое и статистико-экономическое изучение страны связывалось с изучением национальных и исторических традиций народов.

Вся анкета отличалась сугубо практической направленностью. Если речь шла о реках и озерах, то в ответах следовало указать не только их местоположение, но и судоходны ли они, какие есть пристани и какие товары на них сгружаются, есть ли рыба, когда и какими снастями ее ловят. Говоря о промышленности, надо было сообщить, каким сырьем, местным или привозным, пользуются заводы. Ответы на вопросы по сельскому хозяйству должны были включать сведения о том, «где и что лучше растет», какими сельскохозяйственными орудиями пользуются жители. Составители анкеты интересовались и тем, «нет ли отменных лекарственных вод», «нет ли в известное время приключающихся болезней, как в рассуждении людей, так и в рассуждении скота, и какие средства в болезнях жители употребляют», «не бывает ли какого вреда жителям от гадов» и т. д.

Подготовкой материалов для ответов на эту анкету занимался сам олонекский губернатор Г. Р. Державин. На полях одного из экземпляров анкеты сохранились его многочисленные пометки — где следует взять сведения по тому или иному вопросу. Державин часто пишет: «дам знать» или «доставле-

но будет от меня». Это, очевидно, свидетельствует о том, что многие материалы были уже в Петрозаводске.

На последнем листе анкеты Державин сделал приписку: «Объявить господину профессору, что ежели он скоро уедет в Петербург, так что оных всех сведений до отъезду его сообщить не можно будет, то по получении оных я лично от себя оные в беспродолжение времени ему в Петербург доставить не оставлю». Судя по тому, что эта запись датирована 1785 годом, можно предположить, что приедем «господином профессором» был Н. Я. Озерецковский, который летом этого года заезжал в Петрозаводск.

Сохранившиеся в архивах многочисленные материалы служат наглядным свидетельством того, как много экономических, статистических, исторических и других сведений было собрано в эти годы. Здесь и краткие описания отдельных погостов, составленные местными исправниками, и описания городов, и самые разнообразные «ведомости», «табели» и т. д. В них внесли свой вклад и многие краеведы, авторы различных частных описаний, и безвестные геодезисты, перекладывавшие местность на ландкарты, и десятки крестьян, открывавших месторождения различных полезных ископаемых.

Конечно, эти материалы были неодинаковы и по характеру и по ценности. Но они послужили необходимой основой для создания будущих описаний.

Первое и наиболее полное описание Карелии называлось «Исторические примечания о древности Олонецкого края и о народах, прежде там обитавших, и топографическое описание о городах и уездах Олонецкого наместничества». Оно было составлено в начале 1785 года под руководством генерал-губернатора Олонецкой и Архангельской губерний Тимофея Ивановича Тутолмина.

Подготовка «Исторических примечаний» не была результатом личной инициативы Тутолмина. В 70—80-е годы XVIII века аналогичные описания создавались во всех губерниях страны. Судя по тому, что все они были написаны по более или менее единому плану, можно предположить, что авторы руководствовались общим образцом — специальной правительственной анкетой, а само их составление вменялось

в обязанность губернаторам соответствующими распоряжениями.

Многие из губернских описаний были опубликованы. Описание Олонецкой губернии известно только по рукописному списку, за которым в литературе закрепилось название «Описание Тутолмина».

Как создавалось тутолминское «Описание», мы не знаем, равно как не известны и имена непосредственных исполнителей этой работы,— очевидно, что генерал-губернатор не сам написал этот объемистый том.

Интересно, что в дальнейшем первоначальный текст «Описания» подвергался частичным изменениям. Периодически через несколько лет в него вносились дополнения или уточнения в соответствии с теми событиями, которые за это время произошли, причем основа текста оставалась прежней. Обычно изменения касались административных перемен и статистического материала. Один из таких поздних вариантов, носящий название «Историческое и топографическое описание Олонецкой губернии», был составлен в начале XIX века (примерно в 1810 г.)

«Описание Тутолмина» открывается разделом «Исторические примечания о древности Олонецкого края и о народах, прежде там обитавших», представляющим очень беглый, на нескольких страницах, исторический очерк края со времени его заселения. Очерк написан на основе «Истории Российской» В. Н. Татищева и некоторых летописей. Автор явно не стремился к систематическому изложению исторического прошлого края, основное содержание очерка составляет рассказ о совместных военных действиях Новгорода и карел в XIII веке. Весь остальной текст — «топографическое описание о городах и уездах Олонецкого наместничества».

«Описание» построено по четкому плану, хотя, строго говоря, выходит по своему содержанию за рамки названия, ибо в нем сочетаются физико-географические разделы с географо-экономическими.

Значительную часть «Описания» занимают сведения о территории губернии, ее границах, флоре, фауне и климате. Отдельные разделы описывают «грунт земли в Олонецкой губернии», «леса в губернии и оных растущие деревья», зверей и птиц, «ягоды и грибы». По наблюдениям автора, погода в губернии подвержена «...скорым и жестоким переменам. Нередко случается, что Реомюров термометр от 16 и более

градусов стужи восходит в несколько часов до 3 и 5 градусов теплоты и что в самое жаркое летнее время укрываться должно в шубе от холода... Морозы начинаются иногда в июле месяце, а снег выпадает в сентябре и октябре, реки становятся в исходе октября и в начале ноября, весна начинает быть не ранее мая месяца... Онежское озеро очищается ото льда в июне месяце сильными ветрами, которые, взломав оный, разносят в заливы сего озера...»

В «Описании» подробно охарактеризованы реки и озера края. Правда, «реки через наместничество текущие», рассматриваются главным образом как торговые пути, поэтому особенно детально описаны встречающиеся на них пороги. Указывая площадь крупных озер Карелии, автор отмечает, что «небольших же считается более тысячи».

В текст включены небольшие исторические справки и краткие характеристики всех пяти городов губернии: Петрозаводска, Олонца, Повенца, Вытегры и Каргополя (город Кемь был «открыт» через несколько месяцев после составления «Описания»). Интересно обоснование расположения городов — оно «не только прихотное, но и выгодное для расширения внутреннего и заграничного торга». Так, например, Петрозаводск, «будучи поселен на отлогом и гладком берегу залива озера Онеги, доставляет всю жителям его удобность сообщаться с городами Олонецкой губернии, с Санкт-Петербургом и с лежащими при Балтийском море посредством Онежского озера, реки Свири, Ладожского озера и Невы реки...» Олонец тоже «от местного своего положения заимствует выгоды», они связаны с близостью Ладожского озера. Преимущества Повенца — в возможности сообщения с городами, расположенными на Онежском и Ладожском озерах.

Большое место в «Описании» занимают вопросы торговли. Обстоятельное перечисление предметов торговли для различных уездов губернии дополняется краткими характеристиками основных ярмарок. Интересны сведения о торговле водными путями. Как отмечено в «Описании», «Изо всех городов и уездов Олонецкой губернии... знатное число галиотов и других мореходных ластовых судов отправляется ежегодно к Санкт-Петербургскому порту с разными из внутренних провинций на здешние пристани доставляемыми товарами и собственными сей страны произведениями». В частности, из Поморья в Петербург доставлялась соленая рыба, из Повенцкого уезда — меха.

Значительную ценность представляют материалы, касающиеся сельского хозяйства губернии: подробно перечислены все культуры, возделываемые в различных уездах, указаны урожаи. По наблюдениям автора, огородные культуры «обитатели сего наместничества сеют весьма мало». В перечне их названы лишь репа, редька и бобы. Из земледельческих орудий упоминаются прямые сохи и деревянные бороны. К бороне «привязывают сзади одинаковой с ней длины бревно, несколько зарубок имеющее, которое остающиеся глыбы земли острыми краями своими и тяжестью раздавливает и умягчает».

Интересны некоторые сведения о животноводстве, особенно в Олонецком уезде, где оно достигло к концу XVIII века сравнительно высокой степени развития.

В жизни местного населения большую роль играли промыслы. В «Описании» перечислены пункты отхожих промыслов: Петербург, Москва, Рига, Новгород, Выборг и другие. Упоминаются и морские промыслы, участники которых доходили до Шпицбергена и Новой Земли.

Около одной трети текста составляет раздел «Металлы и минералы». В нем перечислены все месторождения края с указанием времени, когда они были обнаружены, и степени их разработки. Однако общий вывод данной части «описания» уклончив. С одной стороны, речь идет о том, что есть все основания считать, что «северный край сей природа обогатила своими сокровищами» и местные условия «совершенно сходятся с умствованиями испытателей естества о происхождении и начале в недрах земных металлов и минералов», с другой — что о богатстве или неблагонадежности месторождений сказать невозможно, «доколе все рудные прииски лучше испытаны и разработаны не будут».

«Описание» содержит также краткие сведения о состоянии промышленности, «достопамятных местах и селениях», данные о быте местного населения.

Нельзя не отметить, однако, что в тутолминском «Описании», при всей его несомненной ценности, чувствуется известное стремление к приукрашиванию действительного состояния дел. Это привело, в частности, к фактическим ошибкам, к неправильной общей характеристике положения крестьян и т. д., на что позднее обратил внимание Державин. Но, несмотря на это, «Описание» Тутолмина остается одним из важных источников по истории Карелии второй половины XVIII века.

Через несколько лет после составления тутолминского «Описания» было написано другое описание Карелии, впервые опубликованное Озерецковским в его книге «Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому, и вокруг Ильменя». Как сообщает Озерецковский, это «Описание» на 1788 год он получил «из города Архангельска от Василия Васильевича Крестинина, Императорской Академии наук корреспондента».

В. В. Крестинин, известный историк Русского Севера, был автором многих интересных работ, большинство из которых увидело свет еще при его жизни. Несомненную ценность представляют его исследования «Исторические начатки о двинском народе», «Краткая история о городе Архангельском», работы, посвященные внешней торговле России в первой четверти XVIII века, описанию Новой Земли, и многие другие.

Трудно сказать, был ли Крестинин автором «Описания», приведенного Озерецковским. Дело в том, что, по словам Озерецковского, это «Описание» было составлено в Петрозаводске, а по имеющимся сведениям Крестинин никогда в Карелии не был. В сохранившихся письмах Крестинина в той или иной форме упомянуты почти все его работы, но об описании Олонецкой губернии в них ничего не говорится. Вместе с тем некоторые разделы приведенного Озерецковским «Описания» перекликаются с другими сочинениями Крестинина и дают повод для предположения, что Крестинин мог составить это «Описание» и не будучи в Карелии (чего Озерецковский, возможно, и не знал).

Поскольку для окончательного решения вопроса об авторе этого «Описания» достаточных данных пока нет, мы условно будем называть «Описание» крестининским, так как именно В. В. Крестинин способствовал введению его в научный оборот.

«Описание» начинается с сообщения о местоположении и административном делении рассматриваемой территории, после чего автор переходит к вопросу о расселении народов в этом крае, указывает, что русское население не является здесь исконным. «Россияне, поселясь на сих для промысла более удобных берегах, вытесняли первобытных обитателей внутрь земли. Ближние их за рассеянами селения, не далее двадцати верст начинающиеся, именуются и до днесь первая Корела. Они употребляют древний свой природный язык, которым поселившиеся перед ними россияне не говорят».

Следует, конечно, иметь в виду, что тогдашний уровень

знаний в области этнической истории был еще очень невысок. С одной стороны, мало было накоплено самого фактического материала, с другой,—приемы его обработки, классификация и истолкование с современной точки зрения оставались в общем довольно примитивными. И можно только удивляться тому, что в этих условиях автор «Описания» сумел в ряде случаев подняться над уровнем современной ему науки и высказать глубокие и верные мысли. Хотя он ошибочно считал «первобытными жителями Олонецкой губернии» пермские племена, общие его рассуждения все же представляют большой интерес и заслуживают всяческого внимания. Так, например, автор «Описания» отмечает: «Ежели сходство языка доказывает одинаковое происхождение народов или тесное и долговременное оных между собою обращение, то употребляемое и донныне наречие карелов и зырян, старобытных жителей Архангельской губернии, может с основанием подтвердить вышесказанное мнение». Автор, по-видимому, не знал, что архангельские карелы — не автохтонное население, что они поселились здесь лишь примерно в середине XVII века. Однако самая идея видеть в языковом родстве — родство по происхождению или результат длительных и тесных общений народов в те времена была очень смелой, новой и плодотворной.

Основная мысль автора при изложении его взгляда на этническую историю края сводится к совершенно справедливому утверждению, что прежде, до появления славян, эта территория была заселена исключительно финноязычными народами. Одним из первых в русской и мировой науке автор «Описания» пытается аргументировать свои утверждения данными топонимики.

Эти два важных теоретических положения составляют ценный вклад в дело изучения истории края и в русскую науку в целом.

Хотя и кратко (но достаточно обстоятельно для такой небольшой работы), говорится в «Описании» о хозяйстве края. Интересны указания по поводу земледелия и ремесел в южных уездах, подтверждающие сведения других источников: местные жители не могут «продовольствоваться... своим хлебом, но покупают из ближних городов; имеют же в предмете ремесла, как-то: теску каменную, судостроение и прочия, и через то приобретают деньги на платеж податей и на собственное свое содержание».

Особое внимание уделено прионежскому льноводству. Описаны места разведения льна, складочные пункты, указаны цены на лен. Крестьяне Пудожского и Вытегорского уездов «употребляют угодья свои на посев одного [льна.— В. П.], коего вообще в сих двух округах более 60 000 пуд произрастает, а главный урожай — в волостях Нигижемской, Пудожской, Пещанской, Купецкой, Андомской и Шальской, кои одне около 40 000 пуд продают. В Шальской волости, лежащей в семи верстах от озера Онега, из всех мест свозимый лен купцами покупается, тут же треплется и в тюках, уже чистый, отвозится до озера Онега, грузится на галиоты и препровождается к Санкт-Петербургскому порту». На базе льноводства в крае возникали мелкие предприятия по переработке льна.

Отличительной особенностью другого района, Олонца, была специализация по производству ниток. «В Олонце и в окрестностях его готовится ежегодно довольно знатное количество весьма тонких ниток», что, возможно, следует связать с производством кружев, которыми Олонец славился впоследствии.

Особое место в крестининском «Описании» отводится Карельскому Поморью — «Кемской округе». Население «Кемской округи», имеет, по данным автора «Описания», «главным предметом рыбный и звериный промысел и прочие обороты ремесла». Да и в самом городе Кеми основное занятие жителей — развитое мореходство. «Жители сего города упражняются в морских, звериных и рыбных промыслах на Белом море и при берегах Северного окияна, отъезжая туда на собственных своих мореходных судах».

Эта естественная специализация производства вызывала необходимость развития обмена, торговли. И хотя торговля с внутренними областями материка затруднялась из-за отсутствия на севере Карелии удобных путей сообщения, все же мы имеем определенное указание на то, что она существовала и развивалась, причем торговые связи простирались до Ботнического залива Балтийского моря.

Автор «Описания» указывает на необходимость и выгоду связей с Поморьем: посредством таких связей «купечество получать может от поморских жителей, отъезжающих для промыслов на Мурманский берег и к Шпицбергену, привозимую оттуда рыбу, треску, палтасину и сельди и звериные кожи, оленей, моржей, серки, морских зайцев, белых медведей, голубых и белых песцов, гагочей пух и прочее».

Крестининское «Описание» — одно из самых ранних по Карелии вообще и Карельскому Поморью в частности. Это в сущности первое исследование по истории Карелии, особенно по ее экономической истории. Интересна работа и содержащимся в ней фактическим материалом, отобранным, проверенным и вполне достоверным.

Одно из последних общих описаний Карелии в XVIII веке принадлежит члену Вольного экономического общества лютеранскому пастору из Сердоболя (Сортавалы) Алопеусу, опубликовавшему в 1792 году работу под названием «Описание местоположения Кексгольмской провинции, иначе Карелиею называемой».

Алопеус дал очень краткое (18 страниц небольшого формата) в основном физико-географическое, с отдельными историческими экскурсами, описание Карелии. Алопеус справедливо писал, что, хотя Карелия «не из меньших и не из последних в Российском государстве... и имеет великие свои преимущества», она недостаточно исследована «в рассуждении» свойств состояния хозяйства, торговли и находящихся в той земле выгод».

Однако «Описание» Алопеуса лишь в очень небольшой части ликвидировало этот пробел. С рассмотренными выше работами Тутолмина и Крестинина оно не выдерживает сравнения: те гораздо разностороннее и обстоятельнее. Но на стороне сочинения Алопеуса есть важное преимущество, которое нельзя недооценивать. Его «Описание» — одно из первых, ставших доступным русскому читателю. К тому времени, когда Алопеус напечатал свой труд, материалы Лепехина и Озерецковского еще не были опубликованы, как и все другие описания Карелии. Известны были лишь карты, «ответы» Лаксмана, отдельные отрывочные сведения.

«Описание» Алопеуса относится к числу первых печатных попыток систематизировать некоторые сведения о западной Карелии.

Отдельную группу составляет несколько описаний, касающихся промышленности Карелии. Наибольший интерес среди них представляет «Российская горная история» Аникиты Сергеевича Ярцова.

А. С. Ярцов, один из крупнейших знатоков горнозаводского дела в России, родился в 1737 году. В 1772 году «за отменное усердие и искусство» был произведен в чин обер-бергмейстера и назначен главным начальником строительства пушечного завода в Олонецком крае (будущего Александровского завода в Петрозаводске). В дальнейшем Ярцов стал главным управителем казенных заводов в Карелии.

После отъезда из Петрозаводска, в начале 80-х годов, Ярцов был управляющим горного училища, главным начальником Уральских горных заводов. В 1803 году он подал на имя Александра I записку под названием «Начертание заводов Уральского хребта», послужившую причиной создания специальной комиссии для выработки более совершенных методов управления горными заводами.

Умер А. С. Ярцов в 1819 году.

Уже вскоре после отъезда из Карелии Ярцов занялся энергичным сбором материалов для будущей «Российской горной истории». Работу над ней он закончил около 1812 года. Часть рукописи посвящена Олонецким горным заводам.

Касаясь возникновения казенной промышленности в Олонецком крае, Ярцов высоко оценивает уровень работ и темпы строительства. По его мнению, «русские люди нигде не проявляли такой кипучей деятельности, как на Олонце в устройении там около 1700 года еще первых в России казенных горных Петровских заводов».

Однако прежде всего внимание Ярцова сконцентрировано на истории строительства и деятельности Александровского пушечного завода. Подробно описывая историю строительства завода, Ярцов отмечает, что оно велось по его «планам, сметам и моделям, так что никаких других архитекторов или механиков к строению не было им потребовано... и все по тем планам и по собственным его установкам использовалось одними лишь заводскими мастеровыми и крестьянами и из них избранными плотниками и других ремесел художниками...»

Большое место в рукописи Ярцова занимает описание производственных процессов, технической реконструкции завода, системы учета и т. д.

Разностороннее и глубокое описание, основанное на великолепном знании предмета, делает «Российскую горную историю» ценнейшим источником для изучения истории металлургической промышленности Карелии.

Интересен очерк вице-губернатора Олонецкого наместничества С. Н. Зиновьева «О железодельных заводах Олонецкого наместничества, частным лицам принадлежащих», опубликованный в одном из периодических изданий в 1793 году. В основу очерка были положены материалы, уже использованные Тутолминым.

Зиновьев последовательно описал девять заводов (четыре в Петрозаводском уезде, два в Олонецком, два в Вытегорском и один в Повенецком). Все описания сделаны по общей схеме: «когда заводы сии построены: сколь долго и с какою выгодою находились они в действии и для чего оставлены...» Автором указаны, в частности, размеры выпускаемой заводами продукции, описано их техническое оснащение.

В последних десятилетиях XVIII века в Карелии побывало несколько экспедиций, посетивших уже известные разработки полезных ископаемых. В 1781 году Ренованц опубликовал результаты своих наблюдений, сделанных во время поездки в Олонецкий край в 1768 году. По существу это были первые научные сведения, еще краткие и отрывочные, о Воицком руднике, «мраморной горе» в Тивдии, разработках на Сандале и Выгозере.

Спустя двадцать лет после Ренованца в Карелию прибыл приглашенный на русскую службу австрийский горный чиновник граф Гарш. Под его руководством в начале марта 1788 года начались работы по проверке «благонадежности» крупнейшего в крае Воицкого рудника и близлежащих месторождений. В течение месяца круглые сутки (ночью — при свечах) велись раскопки, закладывались шурфы. В апреле Гарш написал заключение и направил его на имя Олонецкого наместника генерала Тутолмина. Вывод был категоричным: разработка большинства обследованных рудников, в том числе Воицкого, нецелесообразна. По-видимому, под влиянием донесений Гарша Воицкий рудник был закрыт, и дальнейшие разыскания здесь возобновились только через сорок лет.

Из числа описаний, посвященных природным богатствам края, заслуживает упоминания второе небольшое сочинение Алопеуса «Краткое описание мраморных и других каменных ломов, гор и каменных пород...», опубликованное в 1787 году в Петербурге на русском и немецком языках. В нем перечислены и кратко охарактеризованы различные разработки декоративного камня в Карелии. Основное внимание уделено Тивдийскому и Шокшинским ломкам. Как и описание 1792 года,

эта работа способствовала распространению сведений о полезных ископаемых края, хотя теоретические рассуждения автора отличались, по выражению академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, «свойственной тому времени наивностью и крайней фантастичностью любителя-дилетанта».

Во второй половине XVIII века в России продолжались большие картографические работы. В 1783 году был опубликован указ, согласно которому предусматривалось составление «генеральных атласов» всех губерний. В дальнейшем они вошли в состав «Российского атласа», состоявшего из 44 карт.

Еще до создания атласа Олонецкой губернии, в 1784 году, была составлена карта «Санкт-Петербургской губернии и Олонецкой области, состоящей из пяти уездов, то есть Петрозаводского, Олонецкого, Вытегорского, Каргопольского и Повецского». Карта эта была создана при непосредственном участии и под руководством А. С. Ярцова. На нее, кроме административных границ, нанесены границы уездов, заводы, рудники, основные дороги. Для некоторых частей карты выполнялись специальные инструментальные съемки, «другие же места и уезды вынесены им [Ярцовым.— Е. Э.] с других карт, а иные и по частным описаниям, каковы были деланы в 1774 и 1775-м годах». Особый интерес этой карте придают многочисленные отметки месторождений полезных ископаемых.

Атлас Олонецкой губернии был составлен в 1786 году. Помимо карты, он включал в себя и основные статистические сведения, характеризующие губернию. Что касается самой карты, то она отразила те изменения, которые произошли в административном устройстве края: впервые на ней к Олонецкой губернии был отнесен Кемский уезд. В остальном же эта карта, как и карта губернии, входившая в состав «Российского атласа», опубликованного в 1792 году, повторяет предшествующие.

В заключение следует упомянуть о карте Олонецкой губернии и планах городов, которые приложены к одному из поздних вариантов тутолминского «Описания». Карта составлена после 1797 года, так как на ней снова отсутствует Кемский уезд, отнесенный к Архангельской губернии. Небольшая по формату, эта карта обращает внимание исключительной тщательностью исполнения и четкими границами между уездами губернии.

Г Л А В А IV.

Г. Р. ДЕРЖАВИН В КАРЕЛИИ

Имя Гавриила Романовича Державина, крупнейшего русского поэта допушкинской поры, прочно вошло в историю русской литературы. Поэзии Державина посвящены десятки книг и статей, его лучшие стихи приводятся и в школьных хрестоматиях, и в специальных антологиях. Велики заслуги Державина и в создании русского литературного языка.

Всем известно, что Державин был не только поэтом, но и государственным деятелем, хотя, конечно, Державин-поэт безмерно выше Державина-губернатора или Державина-министра, а «Фелица» и «Водопад» стяжали ему значительно бóльшую славу, чем распоряжения по Олонецкому и Тамбовскому наместничествам или его деятельность в министерстве юстиции.

Но мало кто знает, что Державин внес большой вклад в изучение Русского Севера, оставив интереснейшее описание своего путешествия по Карелии, предпринятого летом 1785 года, собрав большой материал по истории и этнографии края.

Державин пробыл в Карелии свыше года, с середины сентября 1784 по начало ноября 1785 года, исполняя должность олонецкого губернатора.

Административная деятельность Державина в Карелии была чрезвычайно многообразна. Не останавливаясь на ней подробно, следует отметить, что нет, разумеется, никаких оснований для идеализации Державина-губернатора. Он был выразителем интересов своего класса, исправно выполнял все распоряжения Сената, стремился к укреплению дворянской

диктатуры. Но вместе с тем Державина нельзя рассматривать как обычного екатерининского губернатора. Он был связан с деятелями передовой русской литературы. В частности, большое влияние на него оказал знаменитый русский просветитель XVIII века Н. И. Новиков. И хотя новиковские идеи отрицания крепостничества оставались Державину чужды, Новиков все же во многом способствовал утверждению мысли поэта о высоком долге служения родине. Именно за это стремление к «правде», к «законности», к «служению на пользу общую» ценили Державина Радищев, декабристы, Чернышевский.

Одним из наиболее существенных итогов деятельности Державина в Карелии является собранный им большой и интересный материал о жизни края, включающий статистические, этнографические и исторические сведения.

В глубоком и всестороннем ознакомлении с губернией, ее природными ресурсами, состоянием промышленности и перспективами развития, в изучении занятий и быта населения видел Державин одну из основных своих задач. И для него это был не только долг губернатора — в этом сказывалась глубокая заинтересованность человека, понимающего насущную необходимость подлинного познания края, развития его экономических возможностей. Есть основание предполагать, что Державин имел в виду составить новое описание губернии, но не успел осуществить своего замысла в связи с отъездом из Карелии.

Мы уже упоминали о работе, проведенной Державиным в связи с анкетой Академии наук. Не ограничиваясь письменными запросами, Державин использовал и служебные поездки немногочисленных петрозаводских чиновников. Так, отправляя нескольких стряпчих для проверки состояния судопроизводства в различных городах, Державин указывал им на необходимость «получить от обращения с тамошними градскими жителями или поселянами... нужные для топографического описания сведения. А притом, ежели от кого что узнаете или сами заметите касательно до исторического известия о происхождении того края, народов, о древних приключениях, об обычаях и нравах, или любопытные какие краткие и справедливые повести или редкости во всех царствах природы, то все не оставьте любопытством вашим собрать и доставить ко мне при возвращении вашем в губернский город Петрозаводск». Чиновники были снабжены специальным «ордером»,

Г. Р. Державин.

который обязывал местные административные учреждения всячески содействовать им в сборе сведений.

Державин собирал материалы не только по Олонецкой губернии, но интересовался и пограничными зарубежными районами. Так, со специальным заданием составить описание «шведских лапландцев» был отправлен к северо-западным границам Карелии чиновник Николай Эмин, сын известного романиста и журналиста XVIII века Федора Эмина. В инструкции Эмину Державин писал, что тот должен «вносить в свои записи все что только жителям тех мест объявлено будет касательно истории и тамошних обитателей... Обстоятельно описать настоящее жителей той страны, состояние, образ жизни, нравы, обычаи, исповедывания веры, язык, промыслы, хозяйство, садоводство, земледельство и все народные избытки и недостатки равномерно же. Стараться всячески проникнуть и разведать древнее их народов происшествие, переселение и случай начального их поселения с объяснением всех в последующие времена случившихся приключений и знаменитых перемен».

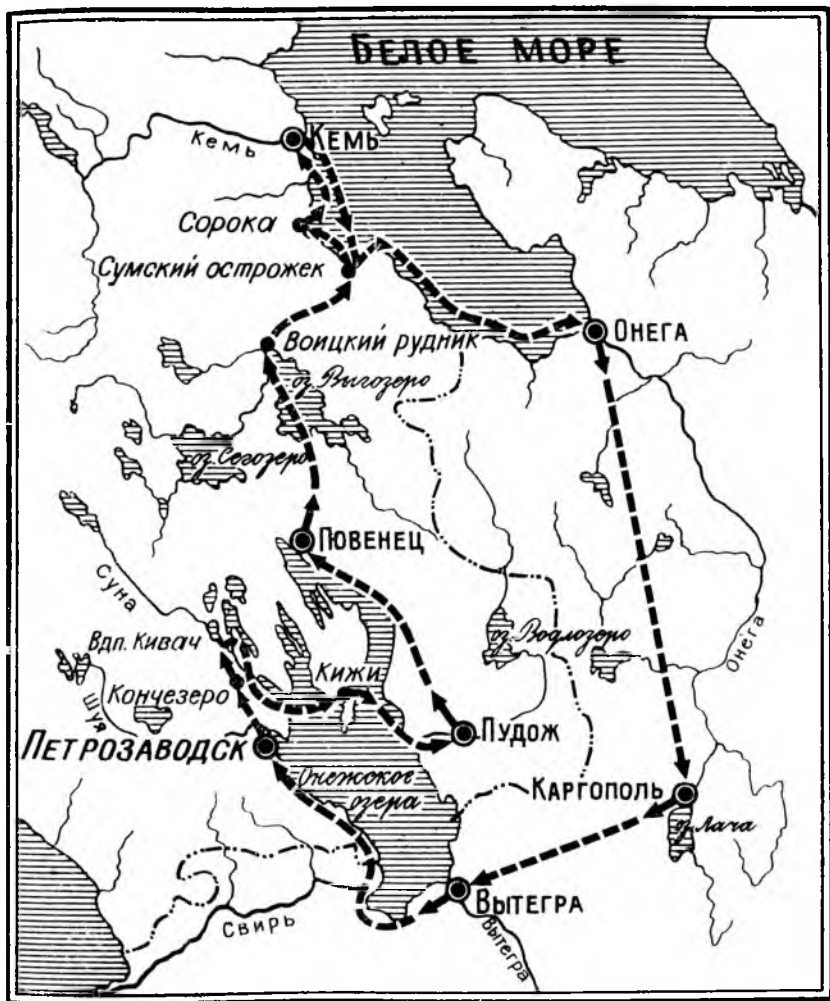
Результатом всех этих мероприятий явились многочисленные «ведомости», «описания», таблицы, копии различных древних актов и другие материалы, сохранившиеся в бумагах Державина. Среди них обращают внимание описания отдельных городов (Петрозаводска, Олонца, Каргополя и др.), обстоятельные сведения о промышленности и сельском хозяйстве. Эмин представил Державину «Краткое описание образа жизни и свойств живущих в смежности с карелами шведских лапландцев». Правда, оно оказалось значительно более «кратким», чем хотел Державин... В своем рапорте Эмин объяснял это тем, что в «рассуждении исторических истин по неимению древних рукописей и по невежеству народа описать было невозможно». Но ряд сведений о современном положении края Эмин все же привез. Он описал флору и фауну, состояние земледелия и скотоводства, быт и обычаи населения. Эмин отметил, что в способах ведения сельского хозяйства, в некоторых обычаях у населения «Шведской Лапландии» много общего с живущими по соседству с ними карелами. Что же касается языка, то, по наблюдениям Эмина, «кроме некоторых названий и отличий в произношении, он совершенно сходствует с карельским».

Однако наиболее интересные наблюдения были сделаны самим Державиным во время его путешествия по Карелии.

Летом 1785 года по дорогам Карелии продвигались почти одновременно три экспедиции. Материалы двух из них — академика Озерецковского и Иноходцева — были вскоре опубликованы и получили всеобщее признание. В составе третьей экспедиции ученых не было, отчетов в Академию наук от нее не поступало. Строго говоря, даже термин «экспедиция» к ней не очень применим: из Петрозаводска в Кемь по делам службы ехал олонецкий губернатор Г. Р. Державин. Его сопровождали два чиновника. Однако эта поездка имела один весьма примечательный результат: в ходе ее под руководством Державина был составлен интереснейший путевой дневник, «Поденная записка», в которой исправно фиксировались все впечатления и наблюдения во время продолжительного пути. На 66 написанных убористым почерком листах в ней содержится подробное описание географического положения, флоры и фауны районов, через которые проезжали путешественники, сельского хозяйства, торговли, меткие и точные зарисовки быта населения, мастерские описания северной природы.

Державин и его спутники, Эмин и Грибовский, проехали по Карелии около 1500 километров. Отправившись из Петрозаводска, они осмотрели Кончезерский завод и Марциальные воды (с заездом на Кивач), побывали на Тивдийских мраморных ломках, затем, вернувшись обратно до Кондопоги, направились в Кижы, оттуда в Пудож, а из Пудожа на север, до Кеми через Повенец, Воицкий рудник, Сороку. Возвращался в Петрозаводск Державин другим путем, посетив Сумы, Каргополь и Вытегру. Вначале он предполагал еще заехать в Лодейное Поле и Олонец, но этого ему сделать не удалось, так как в конце августа из Сената в Петрозаводск были присланы запросы, ответы на которые Державин «учинить в пути не мог». Таким образом, значительная часть маршрута пала на северные районы Карелии, в которых Озерецковский не был. Это обстоятельство придает сведениям Державина особый интерес.

Результаты путешествия Державина нашли отражение не только в путевом дневнике. Еще до поездки Грибовский по указанию Державина снял копию «Описания» Тутолмина, которую Державин взял с собой, чтобы сверять с ней получаемые сведения. Этот экземпляр находится в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР и хранит следы весьма внимательного отношения Державина к работе

Маршрут поездки Г. Р. Державина в 1785 году.

Тутолмина: широкие поля рукописи испещрены его собственноручными многочисленными пометками и записями, иногда занимающими несколько страниц. Всего Державин сделал

88 «примечаний», содержащих весьма существенные поправки к творчеству архангельского и олонеккого наместника.

Наконец, в ходе путешествия Державиным был написан ряд предложений Олонецкому наместническому правлению, многие из которых дополняют сведения «Поденной записки». Таковы: «Примечания о поморских соляных варницах», «о постройке казенных строений в Пудоже и других городах», «о казенных хлебных магазинах» и др. Для изучения истории крестьянства и генерального межевания большую ценность представляет «Записка о разделе земель между государственными крестьянами Олонецкой губернии по приказам экономии директора и о происшедших от того раздорах».

Официальная цель поездки заключалась в том, что Державин должен был присутствовать на торжественном «открытии» города Кеми. Но дело было, по-видимому, не только в этом. Державин рассчитывал во время путешествия осмотреть край собственными глазами, собрать новые материалы для будущего описания. Этим и объясняется характер его путевых записей, обилие в них цифровых данных, исторических справок, многочисленных сведений по самым различным вопросам хозяйственной жизни и быта населения.

Поездка Державина продолжалась почти два месяца — с 19 июля по 13 сентября 1785 года. Чтобы лучше узнать край, Державин и его спутники двигались не торопясь, обычно верхом или на лодках, часто и подолгу останавливаясь. Так, на первую часть пути — от Петрозаводска до Кончезерских заводов — Державин затратил двое суток.

Уже первые страницы «Поденной записки» дают возможность составить достаточно ясное впечатление о том, как проходила поездка: «Выехали из Петрозаводска и, проехав 12 верст, пристали к острову, именуемому Попову... Оттуда поехав и миновав множество мелких островов, замечательных по своей приятности и из которых на одном растет на голом камне ель, приехали корельской трети в деревню Суйсар, лежащую при Онежском заливе.

Ночевав в оной, пустились в путь и, проехав 20 верст Онежской губой, коей берега и в отличном положении рассеянные острова довольно приятный вид имеют, пристали к деревне Янич-Поле...»

В ходе поездки Державин и его спутники провели шесть дней в Пудоже, четыре — в Повенце. Поскольку значительная часть пути проходила по воде, продвижение часто задерживалось из-за плохой погоды. Однажды около Соловецких островов путешественников застигла буря. Державин рассказал об этом в своих автобиографических записках (называя себя в третьем лице): «...как поднялся противный ветер, и был он [Державин.—Е. Э.] в шестивесельной рыбацкой лодке, в которой против погоды плыть по морю никаким образом не возможно, то приказал направить свою лодку по погоде... но восстала страшная буря, молния и гром, так что нельзя было без освещения молнией и различить совсем предметов... бывшие с ним экзекутор Эмин и секретарь Грибовский замертво без чувств лежали». Позднее в оде «Буря» Державин писал об этом:

«Судно, по морю носимо,
Реет между черных волн.
Белы горы идут мимо,
В шуме их надежд я полн».

Много строк «Поденной записки» посвящено суровой красоте северной природы. Державин пишет о «замечательных по своей приятности» островах, «прекрасных» долах. Но, конечно, особенное восхищение поэта вызвал водопад Кивач, великолепное описание которого вошло в «Поденную записку». Позднее, в 1794 году, воспоминания о Киваче привели Державина к созданию знаменитой оды «Водопад».

«Из Кончезерских заводов поехали в деревню Верхнюю Воронову, в 10 верстах от оных отстоящую; из Воронова, сев на лодки, поехали по реке Суне к порогу, именующемуся Кивачом. Сей расстоянием от деревни находится в шести верстах. Дикость положения берегов и беспрестанные видов перемены ежечасно упражняют взор. Проехав три версты, река была покрыта пеною и чем ближе подъезжали, тем пена сия была густее, и, насадая на берега, казала оные как бы униженные белыми каменьями. В версте от порогов показался в правом боку дым, который по мере приближения сгущался. Наконец пристав и взошед на гору, увидели мы пороги сии. Между страшными крутизнами черных гор, состоящих из темно-серого крупнозернистого гнейса, находится горло глубиною до 8 сажень; в оное с гор, лежащих к востоку и к полудню, падает с великим шумом вода, при падении разбивается в мелкие брызги на подобие рассыпанной во множестве муки.

Пары, столбом восстающие, достигают до вершин двадцатипятисаженных сосен и оные омочают... Чернота гор и седина бьющей с шумом и пенящейся воды наводит некий приятный ужас и представляет прекрасное зрелище».

«Поденная записка» содержит ряд интересных наблюдений, касающихся состояния сельского хозяйства, промыслов, промышленности и торговли края. Переезжая из уезда в уезд, Державин всегда записывает, какие культуры возделывают крестьяне, каковы урожаи последних лет, данные о животноводстве и птицеводстве (так, например, в Сумском остроге Державин записал: «Из птиц они [крестьяне.— Е. Э.] водят одних куриц, коих в остроге находится 113»). Правда, конкретных сведений по сельскому хозяйству в «Поденной записке» сравнительно немного. Это объясняется, по-видимому, тем, что Державин не был в основном земледельческом районе тогдашней Карелии — в Олонецком уезде.

В противовес Тутолмину Державин далек от того, чтобы приукрашивать тяжелое положение крестьян, и в этом отношении его записи очень схожи с впечатлениями Озерецковского. Чем дальше продвигался Державин на север, тем чаще в «Поденной записке» фиксировались «недостаточность хлебопашества», «ничтожно малые урожаи». По словам Державина, крестьяне Пудоожского уезда, чтобы прокормить себя, покупают хлеб в Вытегре и Каргополе, а жители повенецких деревень еле-еле сводят концы с концами благодаря промыслам.

Подробно описав характерную для северных районов подсечную систему, Державин рассказывает, как в Повенецком уезде проливные дожди в течение нескольких лет мешали проводить пережоги. В результате «жители терпят великую нужду в хлебе и для приобретения пищи ходят в поморскую Кемь и другие места, питаются подаванием...» Неурожаи привели к тому, что значительная часть населения перешла на «хлеб» из сосновой коры и соломы с небольшой примесью муки. От этой пищи многие люди, по словам Державина, «пухнут и кажутся дородными, в самом же деле слабосильные».

Державин, естественно, далек от мысли искать подлинные причины такого положения, да и смешно было бы ждать от олонецкого губернатора критики крепостнических устоев. Но

«производственные» причины он вскрывает достаточно подробно: речь идет и о недостатке пахотных земель, и об отсутствии удобрений, и об отсталых сельскохозяйственных орудиях, когда обработка земли ведется «заостренной с обеих сторон лопатой».

«Поденная записка» включает в себя значительное количество сведений о крестьянских промыслах, игравших важную роль в жизни местного населения. Описывая Петрозаводский уезд, Державин несколько раз упоминает о плотницком деле. Приехав в деревню Кумаку, он записывает, что в ней «живут весьма искусные плотники и строят мореходные суда». Характеризуя занятия жителей Кижского погоста, автор указывает, что «многие ходят из них в Петербург и питаются столлярным мастерством, в коем весьма искусны», и при этом отмечает «ежегодное почти от дому отлучение в другие города».

Охота и рыбная ловля были распространены по всей территории Карелии, и Державин никогда не забывает упомянуть, какая рыба водится в озерах и реках, встречающихся на пути, на каких зверей и когда охотится местное население. В некоторых случаях описания чрезвычайно подробны, например, лова нерпы или рассказ о поездках жителей Сумского Острога «на рыбные промыслы в Мурманске». Здесь говорится и о пути следования (морском и сухопутном), и о судах, и о способах ловли трески, пикши и палтуса и о ценах, по которым рыба продается. По подсчетам Державина, «ездящие сухим путем в успешный в ловле год добывают до сорока, плывущие по водам до тридцати рублей».

Железоделательный крестьянский промысел к концу XVIII века был наиболее развит в Лопских погостах, входивших в состав Повенецкого уезда. Державин включил в «Поденную записку» подробное описание способа плавки уклада (металла, представлявшего собой смесь железа и стали).

Очень интересны многочисленные материалы, свидетельствующие о расслоении карельской деревни. На протяжении всего описания речь идет о зажиточных и «убогих» крестьянах, о богатых и о тех, которые «ничего не имеют». Еще более определенно Державин говорит об этом в «примечаниях» на «Описание» Тутолмина. Возражая архангельскому и олонечкому наместнику, утверждавшему, что «вообще во всех уездах несравненно более зажиточных крестьян, нежели бедных», Державин на полях рукописи Тутолмина сделал такую запись:

«Наоборот, можно сказать, что более бедных... Они [зажиточные поселяне.— Е. Э.], нажив достаточек порядком или каким другим образом, раздают оный в безбожный процент, кабалят долгами почти в вечную себе работу бедных заимщиков, а через то усиливаются и богатеют более, нежели где внутри России, ибо при недостатке хлеба и прочих к пропитанию нужных вещей прибегнуть не к кому, как к богачу, в ближнем селении живущему. Сие злоупотребление нужно, кажется, пресечь».

В этом замечании Державина много любопытного — и ясное представление о характере взаимоотношений между «заимодавцами» и беднейшей частью крестьянства, и признание всего этого «злоупотреблением», и неуверенный вывод: «нужно, кажется, пресечь».

Из наблюдений над промышленностью обращает на себя внимание подробное описание производственных процессов. Державин обстоятельно рассказывает о том, как добывается медный купорос на заводе при Марциальных водах, как организована ломка мрамора в Тивдии. Последнее описание создает достаточно ясное представление об условиях работы в каменных карьерах. Пробуриив отверстие, в него закладывают взрывчатое вещество «и рвут таким образом камни сажен по семи; люди же, бурившие, привязываются к утвержденной гвоздем веревке и по отрыве мрамора висят на оной...» Державин не говорит, сколько при таком способе работы бывало несчастных случаев, но судя по приведенному описанию, они происходили нередко.

Державин упоминает и о фабриках для очищения льна от кострики в Пудожском уезде, принадлежавших вытегорским купцам Мартынову и Голашевскому («на фабриках сих рабочих женщин бывает до 100 и более»), подробно описывает стекольные заводы петербургского купца Козлова. В этом описании многое совпадает с соответствующими записями Озерецковского с той только разницей, что Державин и здесь более подробно раскрывает самый процесс работы: «В заводе сем делают разного рода и величины банки, бутылки и прочую стеклянную посуду; работа оная следующим образом производится: в большую печь, покрытую каменным сводом, в коем находится шесть отверстий, поставляется шесть раскаленных муравленых горшков; сии наполняют до верха битыми стеклами или сделанными из песка и сосновой золы составом и, когда оный вскипит или поспеет, надувают дутельною

трубкою раскаленного состава сего, помачивают водою и вытягивают щипцами род лопатки, снимают несколько раз пену и камень, плавающее по верху состава, набирают после дутельною трубкою несколько оного, выдувают пузырем, омочают, вертят, дабы длиннее вытянуться, ставят в политые водою деревянные формы, показывающие ширину дна бутылки, дуют вторично, поставляют для размягчения на огонь, выдувают бутылки, обрезают горлышки нарочно сделанными для сего ножницами, вдавливают острым концом лопатки дно и ставят в другую раскаленную печь, сию помалу охлаждая, придают бутылкам надлежащую крепость, после, вынув из огня, выносят сотнями в анбар».

Подробно, но мало нового прибавляя к другим описаниям, рассказывает Державин о Воицком руднике и некоторых других промышленных предприятиях края.

Из многочисленных описаний ярмарок и торговли наиболее интересны те страницы «Поденной записки», в которых речь идет о торговых связях северных карел. По свидетельству Державина, жители Повенецкого уезда, жившие вблизи границы, возили свои товары в финские города Оле, Торнео, Кянеборг. Автор приводит данные Юшкозерской пограничной таможни, согласно которым в 1784 году было вывезено товаров на 6793 рубля 95 с половиною копеек, «из коих с надлежащих по тарифу пошлин взято 324 рубля». В том же году из-за границы было доставлено товаров на сумму 6895 рублей 14 копеек, с которых также были удержаны соответствующие пошлины.

Как и Озерецковский, Державин подробно описывает ярмарки (особенно крупнейшую из них — Шунгскую), указывая, кто и чем там торгует, приводит цифры, характеризующие торговый оборот. Однако данные Державина мало чем отличаются от сведений Озерецковского и Тутолмина, и потому подробно на них останавливаться мы не будем.

Большой интерес для исследователя представляют страницы «Поденной записки», посвященные описанию городов Карелии. Державин часто приводит исторические справки о времени возникновения города, первоначальном характере застройки, подробно описывает нынешнее состояние проезжаемых городов. Особенно важны эти описания, когда они касаются северных районов (Повенец, Сорока, Сумский Острог, Кемь). Так, например, рассказывая о Сумском Острого,

Державин отмечает: «Обывательских дворов 300. Большая часть из оных с подклетами и печи с выводными трубами. Кроме теплой вверху горницы, у каждого есть наспротив холодная, без печи, в коей живут летом. Селение имеет положение правильное и расположено по берегам Сумы реки, окружается пространными покосами и небольшими пашнями. Поселян мужеска пола 283, женска 385 душ...»

Подробно охарактеризовал Державин и «Кемский городок», в который он приехал 21 августа. К этому времени в Кемии насчитывалось около 250 домов и около 1000 жителей. Самой большой достопримечательностью были «крепостица и шесть бастионов». На следующий день после приезда Державина состоялось торжественное «переименование» Кемии в уездный город, который был «включен в число прочих городов, губернию составляющих».

Из других описаний привлекают внимание страницы, посвященные Даниловскому раскольниковому монастырю, быту и нравам его обитателей. К деятельности монастыря Державин был настроен весьма критически, и его впечатления от тамошних порядков существенно дополняют сведения Озерцовского. Изучая эти материалы «Поденной записки», следует, конечно, иметь в виду, что Державин столь резко оценивал положение в монастыре именно потому, что это был раскольниковый монастырь, что старообрядчество было отступлением от догматов православной церкви.

«Неусыпное бдение нескольких стариков на мольбе и прежние предания прилепляют к ним богатых и набожных невежд. Они присылают знатными кучами милостыню на богадельни, в коих собрано для наружности несколько дряхлых стариков и старух, кои, смотря по нужде, бывают глухи, немые, слепы, безноги и подвержены многих тяжким болезням. Содержание их весьма сожаления достойно, ибо в самом деле болящие лежат без призрения, не дают им никаких лекарств и кормят хлебом и пустою кашницею. Богадельни сии поражают также и бедных поселян; они, надеясь быть в оные когда-либо приняты, обрабатывают во множестве их поля и прочие нужные в ските производят работы. Богатые имеют право жить в женском монастыре, к ним приставляются 15-летние прекрасные келейницы, чаятельно, для большего в правоверии подвизания...» Эти строки — свидетельство несомненной наблюдательности Державина. Подобной

убийственной характеристики мы не найдем ни у кого из путешественников, посещавших монастырь в XVIII веке.

При всем обилии сведений, сообщаемых в «Поденной записке», разделы, посвященные Повенецкому уезду, выделяются не только обстоятельностью описаний, но и наибольшей ценностью. Особенно важным представляется описание быта и обычаев северных карел. Речь идет о населении так называемых «лопских погостов» (от Линдозера и Юстозера до Беломорского побережья). Очевидно, в соответствии с названием территории Державин называет это население «лопляне», хотя все описание не оставляет никаких сомнений в том, что речь идет о карелах.

Державин несомненно учитывал, что ни в существующих рукописных материалах, ни тем более в печатной литературе почти никаких достоверных сведений о жизни местного населения нет, и поэтому он подчеркнул, что считает «за нужное... описать оных образ жизни и свойства». Эта часть «Поденной записки» представляют исключительный интерес как источник по изучению этнографии Русского Севера.

Первая часть описания состоит из кратких заметок о жилище и хозяйстве карел. Державин отмечает прежде всего характерную черту карельских построек: «они не строятся, подобно россиянам, под один верх... Сарай и сенники делают наравне с избами, внизу же хлев для скотины и конюшню».

Рассказав о земледелии и промыслах населения (о чем речь шла выше), Державин приводит интересные сведения об употреблении для перевозки тяжестей оленей. Оленей запрягают в кережки, которые представляют, по выражению Державина, «совершенно вид перерубленного поперек челнока».

Говоря о пище местного населения, Державин рассказывает, как готовят «хлеб» из сосновой коры и соломы. Постоянная нехватка продовольствия породила здесь еще одно изумившее Державина «блюдо» — лепешки из травы векхи. Ранней весной, когда с полей сходит снег, вырывают корни этой травы, затем их «сушат, толкут, бьют мутовкою, прибавляют сосновой муки и пекут из теста сего зеленые, вкусом горькие лепешки». Подробно описывает Державин и приготовление супа «рокка».

Посуда для варки пищи, по свидетельству Державина, «заключается в двух медных разной величины котлах». Кроме

того, в хозяйстве широко используются плетеные из бересты корзины, ковши и рукомойники.

Отмечая, что местному населению приходится много передвигаться, особенно во время охоты, Державин дает первое подробное описание употребляемых карелами лыж (в «Поденной записке» они называются шукши — финск. sukset), «из коих одна длиною в четыре аршина, шириною же в три вершка и всегда бывает березовая, другая же бывает разного дерева и длиною в три аршина, шириною же равная с первой. Березовая шукша надевается на левую ногу, низ под оной выстроган, по середине же выдолблен во всю длину лыжи желобок...»

Интересно указание на то, что низ правой лыжи подбивается мехом, «дабы шерсть при восходе на гору, противостоя, скатываться препятствовала. По середине для ноги делается род колодки и, чтоб она прямо стояла, привязывают к заду из вицы или кожи петлю и застегивают ногу... Идущий на оных подпирается палкою с кружком на конце, палка сия препятствует шукшам погрязать в снегу. В морозный ясный день пробегают на оных до 70 верст...»

В этом описании обращает на себя внимание величина лыж, их непарность (левая лыжа длиннее правой на 71 сантиметр) и ширина — свыше 13 сантиметров. Левая лыжа — более длинная — служила для скольжения, подбитая мехом правая — для отталкивания. Лыжник был прежде всего охотник, он обходился одной палкой, вторая только стесняла бы его движения, да и необходимости в ней при таком типе лыж не было. Вторая палка стала употребляться лишь в XIX веке, с появлением лыжников-спортсменов.

Большой интерес для этнографов представляет описание одежды северных карел, также наиболее обстоятельное из всех известных нам описаний XVIII века. «Одеждою жители края сего ни в чем от смежных им россиян не отличны, исключая обуви. Здесь носят востроносые с загнутыми концами сапоги, кеньгами по-лопски называющиеся. Женщины же носят на головах сороки, подобные российскому повойнику, только наперед они имеют как бы расходящиеся рожки. На груди висит у достаточных серебряный, у прочих медный восьмиконечный крест. Платье сходствует с сарафаном и подпоясано суконным поясом, на ногах же одеты похожие на коты ступни...» Некоторые элементы этой одежды сохранились в карельских деревнях до сих пор.

Державин сообщает также ряд сведений об отдельных обычаях, например, о погребальном обряде («Лопляне, похоронив умершего, носимые им во время болезни вещи и даже стружки от гроба бросают в воду. Причину же сему относят закоренелому обукновению»), о том, как ведут себя местные жители при встрече («мужчины... дают друг другу правую руку и кланяются, женщины же крестообразно объемяются и трижды кланяются»).

Чрезвычайно подробно в «Поденной записке» описан свадебный обряд карел.

Первые описания народной свадьбы появились в России лишь во второй половине XVIII века. Однако они не представляют собой последовательного изображения всего свадебного обрядового цикла. Этим обрядом интересуются главным образом в связи со свадебными песнями (включенными в известный сборник Чулкова, а также в сборник «Веселая Эрата на русской свадьбе»). Последовательное же описание всей народной свадьбы появляется лишь в первой трети XIX века. Таким образом, записи Державина являются ценным научно-этнографическим документом при изучении старинных форм свадебной обрядности на Русском Севере.

Державин подробно описывает такие моменты свадебного цикла, как обряд сватовства и смотрин; рассказывает о прощании невесты с «волей» («невеста ходит по родне и плачет, свойственники по возможности ее снабжают, и сие продолжается дня с два»); последовательно излагает обрядовое действие, имеющее место до отъезда молодых в церковь и во время свадебного пира (жениха и невесту кормят пирогом, «давая им попеременно укусывать», выводят на улицу и топором обводят вокруг них круг, что должно охранить их от действия всякой враждебной силы и т. д.).

Интересно наблюдение Державина, касающееся тех сторон свадебного ритуала, которые свидетельствуют о смысле бракосочетания как, в первую очередь, акта хозяйственного значения: в семью принимается новая работница и продолжатель рода. Необходимо, чтобы невеста была крепка здоровьем, сильна. Отсюда обычай подробного ознакомления жениха с внешними достоинствами девушки. Жених, как сообщает Державин, «смотрит зубы и все лицо и, наконец, оглядев руки, дает невесте полтину или рубль, и сие означает одобрение невесты». Отсюда и обычай, по которому невеста должна одарить жениха, демонстрируя этим свои хозяйственные

способности. «Невеста... кланяется, величая его [жениха.— Е. Э.] при каждом поклоне по имени и отчеству, и дарит платком».

Небезынтересно записанное Державиным ритуальное обращение отца невесты к зятю: «А ты, зять, наказывай жену свою за первую вину одногодной вицею, за другую — двухгодовую, за третью — трехгодовую, после же трех — как заблагорассудишь».

Приведенные выдержки из записок Державина не только подтверждают основное значение свадьбы как хозяйственного акта, но являются вместе с тем ценным свидетельством бесправного положения женщины в семье, как это было и в русских деревнях.

Державин делает несколько замечаний по поводу языка карел, но, по-видимому, воспринимая его только на слух, наряду с правильными заключениями допускает и ряд ошибок. По его мнению, «язык весьма недостаточен, и кроме общежитейских слов, для объяснения какого-либо термина потребны многие окольные доводы».

Державин отмечает, что все слова имеют ударение на первом слоге и мягко произносятся. Интересно наблюдение о том, что «наречие пограничной лопи, кроме некоторых отличных названий, совершенно сходствует с наречием олончан». Сейчас, как известно, диалекты северных и южных карел сильно отличаются друг от друга.

Особенно следует отметить, что ни один из путешественников по Карелии не обратил внимания на национальный музыкальный инструмент карел — кантеле. Державин впервые упоминает о нем, указывая, что «лопляне забавляются игрой на гусях пятиструнных, сделанных из сосны... Можно сказать, что сосна их греет, сосна питает, сосна и веселит».

Во многих записях Державина сквозит доброжелательное и сочувственное отношение к местным жителям. По дороге на Тивдийские мраморные ломки путешественникам повстречался старик 104 лет, уроженец деревни Муозеро. По словам Державина, старик представлял «совершенную бедность». Описав его внешность, Державин продолжает: «Расположение на руке линий оправдывает правила хиромантии, т. е. показывает бедность, в каком состоянии находился в весь свой век сей старик, который во всю свою жизнь не имел ни дома, ни земли; будучи в силах, жил работою, а пришедши в изнеможение — кормился подаянием. Хорошо жить долго, но не в таком состоянии, как сей старик!»

Державин решительно возражает против замечания Тутолмина о том, что «наклонность к обиде, клевете, обману и вероломству суть предосудительные свойства обитателей сей страны». В одном из примечаний на его «Описание» Державин писал: «Все сие о нравах олончан кажется не очень справедливо. Если б они были обманщики и вероломцы, то за занятый долг не работали бы почти вечно у своих заимодавцев... не упражнялись бы в промыслах, где нередко требуется устойка и содержание слова; не были бы терпеливы и послушны в случае притеснений и грабительств, чинимых им от старост и прочих начальств и судов, в глухой сей и отдаленной стороне бесстрашно прежде на всякие наглости поступавших. По моему примечанию, я нашел народ сей разумным, расторопным и довольно склонным к мирному и бессорному сожительству. Сие по опыту я утверждаю. Разум их и расторопность известна, можно сказать, целому государству, ибо где олончане по мастерству и промыслу своему не знакомы?»

Однако Державин не всегда склонен становиться на защиту крестьян, и время от времени у него прорываются «губернаторские» нотки. Так, в записи о «трудолюбии» жителей Петрозаводского уезда и «обходительности» пудожан врываются строки, проникнутые откровенной злобой по адресу крестьян Кижского погоста. Они «жестоки, ленивы... начальникам преслушны» и т. д. Но уже следующая строчка записи раскрывает причины державинского негодования: «сие свидетельствуют воспоследовавшие в 770 и 771 годах возмущения». В такой оценке Кижского восстания 1769—1771 годов, участники которого мужественно боролись, отстаивая свои права, классовые позиции олонцкого губернатора выступают в совершенно неприкрытом виде.

С «Поденной запиской» тесно связан и другой документ, на который нам приходилось уже несколько раз ссылаться — державинские замечания на «Описание» Тутолмина.

Поездка по Карелии окончательно утвердила Державина в мысли, которая у него возникла еще до отъезда из Петрозаводска и которую он наиболее четко выразил в письме к своему другу Н. Н. Львову, отметив, что в тутолминском «Описании» «о многом и наврано и солгано». Дело было не столько в отдельных фактических неточностях описания Тутолмина, сколько в его общем стремлении приукрасить положение

дел, показать, что в наместничестве, все живут в изобилии и достатке и в этом его, губернатора, непосредственная заслуга. Державин писал по данному поводу: «Мы показываем обыкновенно ревность свою на словах, но люди беспристрастные смотрят истинные наши действия... Я бы желал, чтобы проверены были все сведения в картах, камеральных описаниях и в прочих донесениях, учиненных им о благоустройстве Олонецкой губернии».

Своими «Примечаниями» Державин доказал, что основания для проверки сведений Тутолмина, бесспорно, были.

Державин часто высказывает «великое сомнение» в географических сведениях Тутолмина, замечая, что нередко его данные неточны, а «показаны по расспросам примерно». Эти сомнения были тем более основательны, что Державин побывал во многих районах, куда Тутолмин не заезжал. Так, на замечание Тутолмина о судоходности реки Онеги Державин возражает, что «река Онега порожиста и во многих местах мелка, в мае месяце ходят по ней только полубарки и карбасы, могущие поднимать груза до 500 пудов, а в прочее время года ходу по ней совсем не бывает...»

Тутолмин указывал, что реки Повенец и Выг соединяются, и на этом основании делал вывод о связи Повенца с Белым морем. Державин иронизирует по этому поводу: «Положив, что река Повенец соединяется с рекою Выгом и что обе очень глубоки, не порожисты и судоходны, [Тутолмин.— Е. Э.] провел в Белое море по оным яхты, поместил на одну из них государя и пустил продолжать шествие на Онегу. Я сие не отрицаю, может быть, природа в нынешнее время прервала соединение реки Выга с рекою Повенец, набросала в первую множество камней, воздвигла для отделения последней гору Масельгу... и тем самым славный анекдот опровергла».

Совершая свою поездку зимой, Тутолмин, по выражению Державина, «показывает наугад грунт земли каждого почти погоста».

Многие замечания связаны с цифровыми данными Тутолмина. В Пудожском погосте 50 домов, а не 100, как пишет Тутолмин, в Каргополе их не 200, а 157. По поводу сведений, что из Повенца «отпускается» ежегодно по 15 галиотов с различными товарами, Державин замечает: «...градской голова Левин один почти токмо и отправляет галиоты и не помнит года, чтоб города сего более трех отправлены

были. В сей же, в который учинено описание, был также один галиот отправлен».

Ряд замечаний Державина относится к освещению Тутолминым состояния сельского хозяйства, торговли и промышленности. В «примечаниях» часто вносятся поправки в исторические экскурсы «Описания».

Стремясь показать в наиболее выгодном свете свою деятельность по благоустройству губернии, Тутолмин особенно часто искажал факты. Державин опровергает сообщение Тутолмина, что в Вытегре сооружена «градская школа». Когда он был там (после Тутолмина), то школа еще не была даже заложена. Больница в Петрозаводске, о которой Тутолмин писал как о существующей, была построена лишь через 4 месяца после составления «Описания». Школы, где обучаются «по методу нормальных училищ», в Петрозаводске тоже при Тутолмине не было, хотя он и ее включил в описание города, и т. д.

Выше мы уже приводили возражения Державина по поводу характеристики Тутолминым местного населения. Добавим к этому, что Державин высмеял также попытку Тутолмина объяснить полунищенское состояние городских жителей... отсутствием торговли: «Если бы число городских жителей было больше и если бы крайняя бедность настоящих обитателей не препятствовала им воспользоваться торговлей, словом, если бы они не были бедны, то были бы богаты!»

Таким образом, примечания Державина на «Описание» Тутолмина, бесспорно, заслуживают серьезного внимания, особенно если учесть, что историки Карелии нередко обращаются к рукописи Тутолмина как к одному из источников по истории Карелии второй половины XVIII века.

После возвращения из путешествия Державин оставался в Карелии недолго и уже в начале ноября 1785 года добился перевода на должность губернатора в Тамбов. Решение об отъезде было принято под влиянием непрекращавшихся разногласий с Тутолминым. Державин чрезвычайно скептически относился к административной деятельности своего непосредственного начальника и не скрывал этого. Типичный властолюбивый екатерининский вельможа генерал-губернатор Тутолмин со своей стороны стал чинить непокорному правителю Олонецкого наместничества всяческие препятствия.

Судя по рапортам Державина в Сенат и его «запискам», «полемика» с Тутолминым принимала все более и более резкую форму. Стремление Державина «к общественному благу», попытки бороться со взяточничеством и казнокрадством восстановили против него и местных чиновников.

В одном из донесений Екатерине II Державин писал, что он не может больше управлять губернией, так как «оказывают все почти непочтение и ослушание, а его высокопревосходительство [Тутолмин.— Е. Э.] сам без всяких со мной объяснений... опровергает мои положения».

В результате Державин немного успел сделать в Карелии, хотя его желание принести пользу краю не вызывает сомнений. Свидетельство тому — не только его административная деятельность, но и «Поденная записка», и «примечания», и весь круг разнообразных материалов по истории и этнографии Карелии, которые он собрал.

Великий русский критик и революционер-демократ В. Г. Белинский писал: «Державин был человек, одаренный великими творческими силами — и он сделал все, что можно было сделать ему в то время».

Эти слова в известной мере применимы и к деятельности Державина в Карелии.

П. И. ЧЕЛИЩЕВ И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ НАРЕЛИИ

Петр Иванович Челищев родился 14 августа 1745 года в Смоленской губернии. Его отец — из мелкопоместных дворян — имел чин армейского секунд-майора и служил в Воронежском гарнизоне. Биографических материалов о Челищеве сохранилось очень мало. Известно, что с 1757 года он воспитывался в Московской университетской гимназии, а с 1 января 1762 года — в пажеском корпусе, где пробыл немногим более четырех лет. Здесь Челищев подружился с А. Н. Радищевым и Ф. В. Ушаковым. Эта дружба сыграла большую роль в формировании мировоззрения и дальнейшей судьбе Челищева.

В 1766 году в числе двенадцати пажей, отправленных по желанию Екатерины II за границу для получения образования, Челищев пребывает в Лейпциг. Здесь он посещает лекции по философии, истории, математике, физике и юридическим наукам. Однако уже в университетские годы Челищев, можно думать, с большим вниманием прислушивался не к лекциям профессоров, а к тем разговорам, которые возникали в кружке А. Н. Радищева и Ф. В. Ушакова, учившихся вместе с ним в Лейпциге.

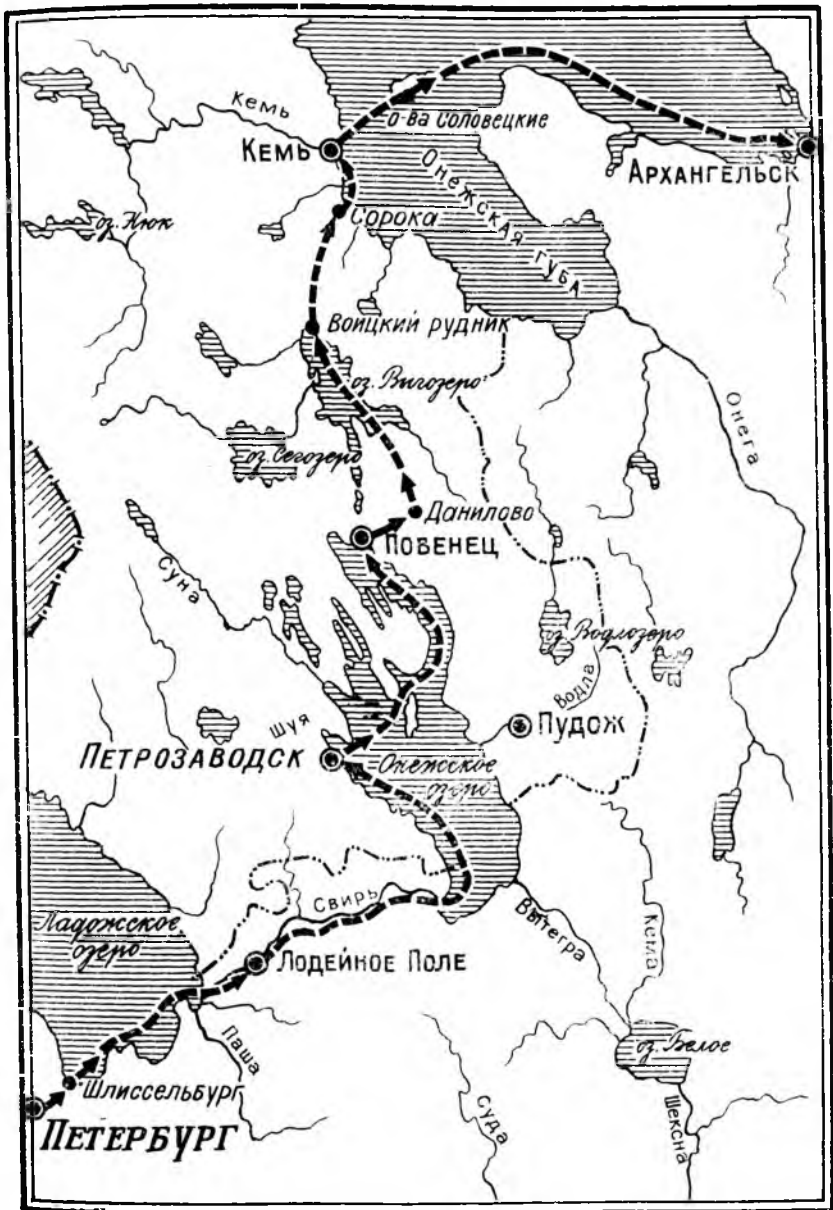
Весной 1770 года Челищев вернулся в Петербург. Есть основания предполагать, что он в какой-то мере разделял взгляды А. Н. Радищева о необходимости революционного преобразования России. Недаром Екатерина II, прочитав книгу А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», вышедшую, как известно, без имени автора, сразу же указала как на вероятных авторов на Радищева и Челищева.

И хотя Челищев не стал последовательным радищевцем, революционером, борцом против самодержавия, он все же принадлежал к тем людям, для которых имя Радищева было дорого, которые слушали его революционную проповедь со вниманием. Самым убедительным свидетельством этого является основное произведение Челищева — дневник путешествия по Северу России, в котором мы находим немало гневных и страстных, порой презрительно-саркастических строк в адрес правительства и высшего чиновничества. Так, например, Челищев описывает, как олонецкий губернатор Тутолмин по существу обобрал скромного горного офицера, начальника Воицкого рудника И. Ф. Толстого, присвоив себе его заслуги, связанные с открытием на руднике некоторого количества золота.

О службе Челищева в Петербурге не сохранилось никаких сведений. Известно лишь, что в 1790 году он все еще оставался секунд-майором I-го лейб-гренадерского полка в отставке. Вероятнее всего, Челищев не смог сделать военной карьеры именно потому, что и непосредственное его начальство, и при дворе, и сама Екатерина II были осведомлены о том, какого образа мыслей он придерживался.

В 1790 году А. Н. Радищев подвергся аресту и ссылке за издание «Путешествия из Петербурга в Москву». Всех окружающих Радищева друзей и знакомых подозревали в единомыслии с ним. По-видимому, в связи с этим 27 мая 1791 года отставной секунд-майор Петр Иванович Челищев выехал из Петербурга в путешествие по Северу России. Он отправился, сопровождаемый «людьми своими пятью человеками», в лодке по Неве на восток. По Ладожскому озеру он добрался до устья Свири, далее поплыл вверх до ее истока, затем по Онежскому озеру — до Петрозаводска. После Петрозаводска путь его лежал на Повенец к реке Выг, затем по Выгу до устья, в Сороку, и дальше — в Кемь и на Соловецкие острова. Оттуда морем Челищев отправился в Архангельск, из которого 21 декабря возвратился в Петербург через Холмогоры, Шенкурск, Кириллов и Тихвин. Он побывал, таким образом, в Олонецкой, Архангельской, Вологодской и Новгородской губерниях.

Путешественник, по-видимому, ставил перед собою не только научные и даже не главным образом научные задачи. Очень вероятным кажется предположение, что Челищев поехал в Архангельск прежде всего для установления связи

Маршрут путешествия П. И. Челищева.

с А. Н. Радищевым, находившимся уже в Илимской ссылке,— через служившего в Архангельске брата Радищева Моисея, который имел разрешение на переписку с ним. С другой стороны, возможно, Челищев уехал из Петербурга на время, с глаз долой, так как, оставаясь там, он несомненно подвергался бы большей опасности, грозившей ему разделением участи его великого друга.

В пути Челищев вел дневник своих наблюдений. По возвращении в Петербург он стал готовить рукопись к печати, однако, надо полагать, вскоре убедился, что по цензурным условиям такую книгу выпустить не удастся. В течение 95 лет рукопись пролежала под спудом, и лишь в 1886 году ее опубликовал Л. Н. Майков. В качестве приложения к ней напечатано еще одно произведение Челищева — «Записка», поданная им в 1793 году в Российскую Академию; в ней автор затрагивает некоторые важные проблемы, связанные с изучением русского языка.

Этим, собственно, и исчерпывается научно-литературное наследство Челищева. Умер он 25 сентября 1811 года.

Сведений о Карелии в книге Челищева не так уж много (всего 40 страниц текста), однако они настолько интересны и ценны, что игнорировать их никак нельзя, и Челищев по праву должен быть причислен к славной плеяде исследователей Карелии.

Материал, собранный Челищевым, весьма разнообразен. Прежде всего нужно указать на то, что было сделано им в области географии. Челищев вел записи, в которых фиксировал характер ландшафта, частично — климатические условия, состояние путей сообщения и т. п. Интересно, что впервые в науке он описал реку Выг, в особенности ее низовье.

Кроме сведений по географии, в книге Челищева содержится ряд данных, которые могут быть использованы при изучении истории и этнографии Карелии. Очень интересны его сообщения о формировании этнического состава населения края. «Левая сторона озера [Онежского.— В. П.], занятая частью корелами, говорят, имеет множество жителей, которые — по изобилию железных руд — имеют множество частных железных заводцев; в некоторых из них сказывают, делают нарочитый уклад невысокой цены и порядочное количество».

Любопытно и сообщение Челищева о формировании русского населения в Карелии: «Оный бор [у озер Лукино и Боровое.— В. П.] именуется тихвинским, потому что на нем первоначально жить начали уроженцы города Тихвина». Сообщение это проливает свет на историю поздних переселений в Карелию из центральной России. Здесь, в глухих лесах, на далекой северной окраине искали спасения от ужасов крепостного права русские крестьяне.

Большая заслуга Челищева в том, что он попытался на основе материала, собранного во время поездки (в «Записке», поданной в Российскую Академию), поставить ряд вопросов, связанных с изучением языка. Это имело непосредственное отношение к проблемам этнической истории края. Одним из первых в русской науке он обратил внимание на изучение этнонимии¹ края, призывал к изучению родственных языков с целью выяснения на этом материале вопросов происхождения и родства народов, указывал на значение топонимического материала, говорил о необходимости изучать живые диалекты русского языка на Севере, считая их источником обогащения литературного русского языка. Что касается топонимического материала, то Челищев тщательно его собирал и фиксировал.

Описывая хозяйственную жизнь края, Челищев уделяет большое внимание состоянию промышленности. Он рассказывает, например, о металлургическом производстве на заводе, находившемся при впадении в Свирь реки Усланки. Важное место отводит путешественник изучению ремесел, промыслов и рукоделий. В его книге тщательно описаны и отмечены 44 вида крестьянского и городского ремесла, 12 видов промысла, 22 вида женского рукоделия.

Чрезвычайно интересны указания путешественника на развитие отхожих промыслов, на которые отправлялись крестьяне южной и средней частей Карелии в связи с необходимостью покупать хлеб и платить подати. Данные Челищева указывают на связь отходничества с процессом разложения больших патриархальных крестьянских семей, начавшимся уже в то время: «а из больших семей отходят в Санкт-Петербург и в имеющиеся по Свири фабрики и заводы в разные

¹ Этнонимы — названия племен, народов.

работы». Развитие отходничества, разрушение большой семьи, естественно, нельзя объяснять лишь неблагоприятными природными условиями. Главную роль в этом процессе играли социальные условия, сдвиги, происшедшие в общественной жизни края, а именно — начало развития капиталистических отношений в южной Карелии. У Челищева мы находим определенные указания на то, что в крае уже начался процесс расслоения крестьянства.

Путешественник описывает ряд предприятий, которые можно назвать в полном смысле капиталистическими, хотя внешне они сохраняли видимость домашнего промысла. Такова судовой верфь крестьянина Павла Якимова Вдовицына, на которой в год изготовлялось до 6 галиотов, таковы мелкие жестяные и поташные заводы по реке Свири и т. п.

В книге Челищева содержатся сведения и о некоторых элементах материальной культуры. С развитием рыболовства связано строительство (при больших реках и озерах) промысловых жилищ, в которых рыболовы жили лишь в период промыслового сезона. Путешественник отметил и бытовавшие у местного населения средства передвижения. Особенно любопытно описание двуколок («о двух сделанных из корня весьма тяжелых колесах»), на которых ему пришлось ехать самому и перевозить свой багаж. Телеги эти Челищев называет «к езде неспособными». В северной части тогдашней Олонецкой губернии, богатой многочисленными озерами и реками, чрезвычайно важным средством передвижения была лодка — карбас. Челищев вспоминает о ней несколько раз. Карбасы отличались различными размерами, хотя принцип их устройства, по-видимому, был один.

Нельзя пройти мимо сведений относительно быта старообрядческого населения, жившего в выговских скитах. Исследователь истории старообрядчества найдет в книге Челищева немало тонких наблюдений, интересных данных, которых нет в других источниках. «Пристал к раскольничьему скиту, называемому Березовый; живущие в нем крестьяне промышляют писанием в раскольничьи часовни образов и рыбную ловлю в Выг-реке, а хлебопашество у них за малостью удобной к тому земли столь же мало, как и у живущих над озером Онегом». Этот своеобразный «художественный» промысел был широко распространен, иконы «северного письма» можно еще и теперь найти в старых (ныне, конечно, бездействующих) часовнях и церквях.

Своеобразие быта населения этого района сказывалось, между прочим, и в устройстве надмогильных сооружений, о чем также сообщает Челищев. Он хорошо видит реакционность старообрядчества и с иронией рассказывает о некоторых обычаях в скитах.

Весьма интересные данные содержатся в книге Челищева о Карельском Поморье. Занятия поморов, орудия их промысла, черты быта — все это привлекало внимание путешественника и нашло отражение в его путевом дневнике. Челищев пишет о высоком развитии поморского мореходства, о смелости мореходов, которые на утлых судах совершали далекие морские плавания.

Весь тип хозяйства — промыслово-рыболовческий, с низким уровнем развития земледелия и животноводства — сложился в Карельском Поморье в условиях своеобразной географической и социальной среды. Море — источник благосостояния поморского населения.

Поморское мореходство — основное условие жизни в этом крае. Развитие его обусловлено тем, что главное занятие населения — морские промыслы. «Кормятся же [крестьяне.— В. П.] от ловли в море рыбы; настоящий же их непрменный доход от семги, сельдей и от морских зверей: белуг, нерпов и прочих; главный же их на удачу промысел: ходят все мужчины на Мурманской берег Северного океана близ Колы для промыслу трески, палтусины, сельдей и сала помянутых морских зверей, также привозят несколько животных морских редкостей и растений [интересных для.— В. П.] натуральной истории».

В то время в Поморье еще существовал китобойный промысел. Челищев подробно характеризует приемы охоты на китов и орудия, употреблявшиеся для этого промысла, — «храп» и «спицу». Описания подобных орудий очень редки, и целесообразно привести их полностью: «1) Храпы есть железо от аршина до полуторых длиною, в полдюймы квадратной толщины, на конце широкое и острое жало, по обеим же сторонам во внутрь по одной зазубрины, на другом конце трубка, в которую укрепляется долгое ратовье, к трубке привязывается нетолстая веревка или бечевка, которую обвивают вокруг ратовья и пускают даже сажень на пятьсот и более;

к концу оных вместо томбуев или поплавок привязывают бочки, обшитые красным сукном.

Нашед сонного кита, подъезжают промышленники к нему тихомолком на своих карбасах или баркасах, вонзают в него крепко всякий свой храп и отъезжают поспешно к своей ладье.

Проснувшийся зверь уходит в глубину моря и уносит в язвах своих смертоносные свои занозы... долгие тетивы с бочками их означают место его томления, промышленники находят по ним огромного сего зверя... бросаются в свои карбасы и, смело к нему подъезжая со своими спицами, дают ему ими смертельный удар.

2) Спица, которой закалывают кита».

Китобойный промысел в Белом море в наше время представляет чисто исторический интерес. Да и во времена Челищева китов в Белом море было мало. В первой половине XIX века промысел их почти совсем прекратился. Но охота на других морских животных: беломорских тюленей, морских зайцев, белух, морских свиней продолжалась и продолжается по настоящее время.

Поморы выделывали кожу морских животных и занимались шитьем «рыболовных сапогов».

У Челищева мы находим определенные указания на существовавшее в среде поморского населения имущественное и социальное расслоение, с которым он связывает опять-таки развитие отхожих промыслов: «Имеющие изрядный достаток для одного рыбного и звериного морского промысла ездят на своих мореходных ладьях... на берега Северного океана до Килюдина, бедные ж на тех ладьях нанимаются в работники и отходят в заработки в Санкт-Петербург и другие города, прочие же никаких торгов, заводов и промыслов не имеют и живут бедно».

Большой интерес Челищева к условиям экономического быта народа, глубокое понимание и сочувствие трудящемуся человеку, прогрессивное для того времени мировоззрение помогли ему верно подметить связь, существовавшую между этими двумя явлениями жизни поморов — отходничеством на заработки и выделением зажиточной эксплуататорской верхушки из среды местного населения. Челищев не мог найти объяснения этой связи, состоящее в том, что в XVIII веке в поморской деревне разлагалось натуральное хозяйство и складывались капиталистические отношения в экономике,

но он чутко уловил внешнее выражение данного процесса, одним из первых обратив на него внимание. Никто из ученых-академиков в своих сочинениях не отметил с такой отчетливостью этого процесса.

Рыболовство — основное занятие поморов — наложило отпечаток на различные стороны их жизни и быта. Даже детские игры и воспитание детей у местного населения, по сообщению Челищева, связаны с морем, с промыслами, с тем, что составляет основу жизни человека в этом крае: «Воспитание их весьма сходно с их промыслом, ибо во время моего приезде... молодежь от 10 лет вся поголовно выехавши была на помянутые берега [Мурманский и др.— В. П.], а остальные малые дети ничем другим не забавлялись, как оснасткою и спусканием маленьких ладей своих на воду».

Наконец, в Карельском Поморье Челищев записал легенду, свидетельствующую о патриотизме поморского населения. «25-го числа [июня.— В. П.] в среду, отъехавши от города Кеми 30 верст, в 8 часов по полуночи для обеда и отдыха гребцам пристали к каменному острову, называемому Немецкий варак¹ (так его называют потому, что в старинные времена, как сказывают тамошние обыватели, на нем приставали, подходя к Соловецкому монастырю, шведы, прибавя еще к тому, будто они все на нем окаменели, но я, ходя из любопытства по острову, не видал ни одного камня, похожего на человека, а такое же каменье, как и на прочих островах)». Легенды, повествующие о событиях русско-шведских войн, были широко распространены по всей Карелии. Большая часть их записана лишь во второй половине XIX и начале XX века. В некоторых местах их можно услышать и теперь. Для фольклористов, исследующих процесс зарождения произведений устного народного творчества, очень ценны подобные ранние записи, помогающие уяснить ряд сложных вопросов истории народного искусства.

Итак, заслуга П. И. Челищева в изучении Карелии, как мы видим, значительна. Челищев записывал то, что видел сам, в чем лично убедился, и это делает его труд в высшей степени ценным источником разносторонних сведений о Карелии

¹ Архипелаг Кузева.

того времени. Следует еще раз подчеркнуть, что Челищев рисует жизнь народа с позиции человека, чье мировоззрение формировалось под влиянием идей А. Н. Радищева, горячо сочувствовавшего народу.

Мы, естественно, не можем подходить к труду Челищева с теми же критериями, что и к работам ученых-путешественников, собиравших сведения о крае по определенной программе, с определенными научными целями. Челищев записывал то, что казалось ему интересным. Однако он сумел коснуться ряда важных проблем, по-своему подойти к их решению и, что особенно для нас важно,— правдиво описать жизнь народа того края, где он побывал, в частности, народа Карелии.

ИЗУЧЕНИЕ КАРЕЛИИ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Первая половина XIX века не внесла в жизнь Олонецкого края существенных перемен. Времена, когда местная металлургическая база рассматривалась как один из опорных пунктов российской промышленности, прошли. Даже самые крупные заводы — Александровский и Кончезерский — не выдерживали конкуренции с предприятиями Урала, на которых использовались более высококачественные и дешевые руды. Несмотря на огромные запасы леса лесопильная промышленность развивалась очень медленно. Окончательно потеряло свое былое значение солеварение в Карельском Поморье: отечественная соль вытеснялась импортируемой из Норвегии и других северных стран.

Низкая плотность населения, разбросанность населенных пунктов и бездорожье — все это способствовало постепенному превращению Карелии в отсталую окраину русского государства. В стране шел процесс развития капиталистических отношений, но Карелия была затронута им лишь в очень небольшой степени.

Однако интерес к изучению края не пропал, хотя первые десятилетия XIX века не отмечены ни крупными экспедициями, ни яркими записками путешественников, чем была столь богата вторая половина предшествующего столетия.

В дореформенный период подавляющее большинство экспедиций занималось поисками полезных ископаемых. Объясняется это многими обстоятельствами и прежде всего тем, что исследователи XVIII века не дали окончательного

ответа на вопрос о том, что таят в себе недра карельского края. И хотя последнее слово было сказано Гаршем, надежда на то, что и здесь «пространственно и богато царствует натура», не исчезла. Надежды на успех поисков связывались не только со старыми приисками, в которых могли оказаться еще не разведанные запасы, но и с широко бытовавшим представлением о сходстве геологического строения Карелии и Урала, уже давно славившегося разнообразием ценных полезных ископаемых.

Правительство, испытывавшее финансовые затруднения, продолжало рассчитывать на отыскание новых серебряных и золотоносных руд; сооружение монументальных петербургских дворцов и соборов повысило спрос на строительные и, особенно, облицовочные материалы; наконец надо было решать вопрос и о месторождениях железных руд, так как Олонечские горные заводы стали испытывать недостаток в сырье. В связи с этим объектом изучения оставался по-прежнему Олонечский горный округ, а восточные районы края почти не привлекали внимания.

Научные результаты геологических, как и других естественно-научных экспедиций, определялись в значительной мере тем, что они выполняли сугубо конкретные задания — описание месторождений, определение географического положения населенных пунктов и т. д. Сказывался и самый состав участников экспедиций, как правило, практиков — горных инженеров, картографов, геодезистов. Отчеты их носили в большинстве случаев эмпирический характер, методы ограничивались полевыми наблюдениями, и попытки привести собранные факты в систему были чрезвычайно редки. Но все же материалы экспедиций все чаще появлялись на страницах печати. В «Горном журнале» — единственном в те годы специальном издании по вопросам геологии — публикуются различные «геогностические обзрения», примечания, наблюдения, несомненно сыгравшие положительную роль, поскольку они уточняли и дополняли уже имевшиеся сведения. Обобщение накопившегося материала получало свое реальное выражение в попытках составить первые геологические карты края и дать его более совершенные «описания».

В первой половине XIX века было положено начало изучению народного творчества карельского и русского населения Олонечской губернии, замечательных рун, былин, песен. В северных районах Карелии финский ученый Элиас Лённрот

записал подавляющее большинство рун, составивших «Калевалу», а политический ссыльный П. Н. Рыбников открыл неисчерпаемые сокровища русского фольклора в Заонежье и Пудожском крае.

Исследования Карелии в XIX веке начинаются экспедицией академика Василия Михайловича Севергина, последнего по времени представителя славной плеяды русских академиков XVIII столетия.

В. М. Севергин (1765—1826 гг.) получил первоначальное образование в академической гимназии, которой в тот период заведовал И. И. Лепехин. Можно не сомневаться, что именно под влиянием Лепехина у Севергина появилась тяга к естественным наукам, особенно к минералогии. После нескольких лет совершенствования своих знаний в этой области за границей молодой ученый был избран адъюнктом Академии, а затем, в 1793 году, — академиком.

Перу Севергина принадлежит более ста работ, среди которых почетное место занимает «Обозрение Российской Финляндии», книга, написанная на материалах экспедиции, совершенной в августе-сентябре 1804 года. В обследованную ученым территорию входил и Сердоболь (Сортавала) с его окрестностями, что дает право считать путешествие Севергина первой научной экспедицией в западные районы Карелии.

Верный традициям русской академической школы, Севергин очень добросовестен в описаниях природных достопримечательностей края, прежде всего привлекавших его внима-

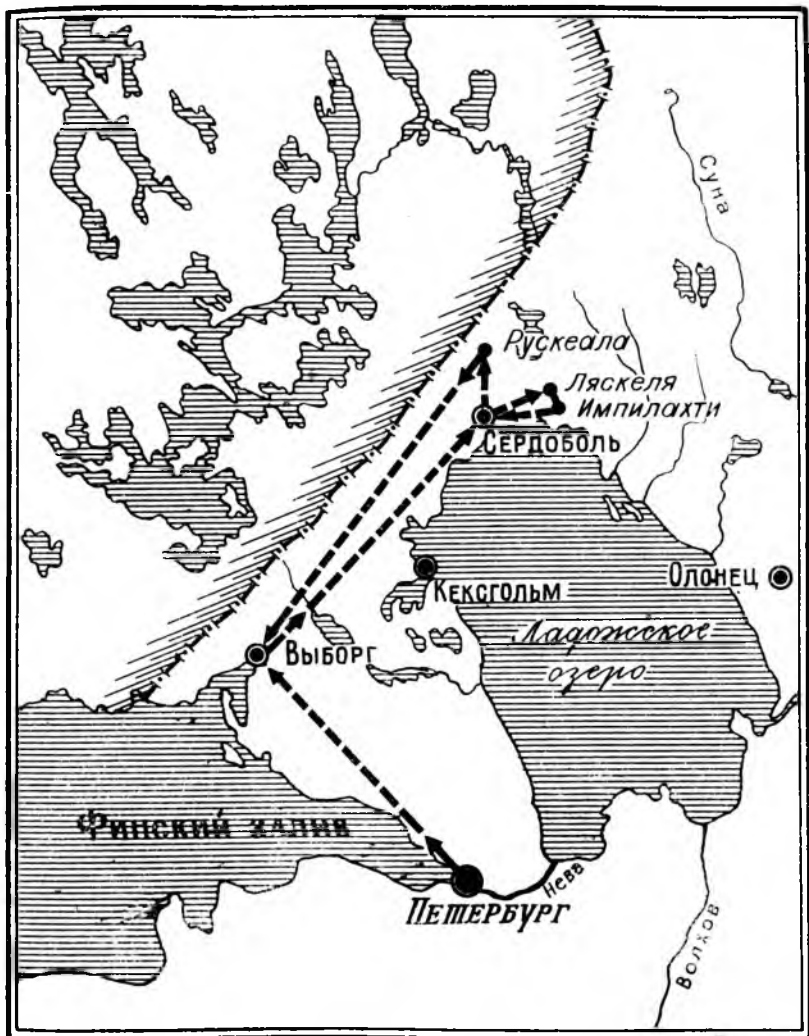

В. М. Севергин.

ние. Он подробно рассказывает о добыче мрамора и разработках гранитных россыпей, о местонахождениях железных руд и других «естественных произведениях», среди которых особо отмечает «карельскую березу, на многие изящные поделки употребляемую». Убежденный в необходимости изучения местных природных богатств, Севергин призывает к тщательным повторным обследованиям, ибо «путешественнику при всем его рачении нельзя всего того открыть, что время и случай показать может». Кстати, этот призыв уже через несколько лет (в 1810 г.) привел в район Питкяранты небольшую разведывательную группу, направленную «некоторыми частными людьми» с целью изучения местного медного прииска и приисков около Суйстамы, Элисенваары и на северо-западном побережье Ладожского озера. По словам руководителя группы Фурмана, «Обозрение Российской Финляндии» оказало ему «много пособия».

Книга Севергина интересна не только своими естественнонаучными разделами. Автор всюду старается установить этнический состав населения, прослеживает сходство и различия между основными народами края. Приехав в Якимваару, он тотчас заносит в дневник запись: «Слобода сия лежит на западном берегу Ладожского озера... Жители суть карелы». В описании Сердоболя: «Жители в сем краю суть финны и карелы». В дальнейших описаниях исследователь сравнивает оба народа по языку, антропологическому облику, материальной культуре и некоторым чертам психического склада. Хотя эти сопоставления весьма наивны, они все же заслуживают внимания как первая попытка сравнительного изучения финнов и карел. Упоминает Севергин и о старинных песнях местного населения, «в коих воспевают о разных родах железа, о стали, о их рождении и пр.». По-видимому, речь идет об эпических песнях типа рун об Илмаринене, одном из героев замечательного эпоса «Калевалы».

Обстоятельно и со знанием дела в книге описано сельское хозяйство — основное, по сообщению путешественника, занятие жителей Карельского Приладожья. Часто встречаясь на своем пути с подсечной системой земледелия, он отмечает: «Земледелие скудное. Всегдашние пашни весьма редки. О высушке болот не радеют, а любят пашни лесные, то есть через выжигание лесов приобретаемые, кои потом, по истощении их, лет на пятнадцать опять оставляют, и когда на них между тем вырастает лес, то оный паки выжигают и землю

Маршрут путешествия В. М. Севергина в 1804 году.

снова в пашни обрабатывают. Зола и уголь служат здесь удобряющими средствами на две и на три жатвы».

Подсобными занятиями были рыболовство и охота: «Все...

почти вообще любят ходить в леса за дичью, коей здесь великое изобилие».

Севергин старается не оставаться только сторонним наблюдателем изучаемых явлений, он стремится давать практические советы: например, он рекомендует практиковать каменные постройки — этим будет экономиться лес; ссылаясь на труды Вольного экономического общества, советует улучшать луга посредством известкования, осушать болота и т. д. И в этом тоже чувствуется традиция русских ученых-путешественников XVIII века с характерным для них стремлением к практическим выводам из наблюдений.

В начале XIX века в Карелии побывал и другой, правда будущий, русский академик, известный статистик, историк и географ — Константин Иванович Арсеньев.

Человек чрезвычайно разносторонний и образованный, К. И. Арсеньев был одним из прогрессивных русских ученых первой половины прошлого столетия. Недаром в 1819 году его курс лекций «Начертание статистики Российского государства», в котором доказывалось преимущество свободного труда над крепостным, порицалась продажность судей и т. п., был объявлен книгой, составляющей «обдуманную систему неверия и правил зловерных и разрушительных в отношении к нравственности, образу мыслей и духу учащихся», а сам Арсеньев предан специально учрежденному университетскому суду.

В Петрозаводск Арсеньев попал еще сравнительно молодым человеком в ноябре грозного 1812 года вместе с преподавателями и студентами Главного педагогического института, эвакуированного в Олонецкую губернию из Петербурга. Позднее в своих воспоминаниях Арсеньев иронически писал: «Все девичьи учебные заведения оставались спокойно на своих местах., а студенты педагогического института, могшие, в крайнем случае, все вооружиться и идти на защиту отечества, снаряжались в путь, обращая тыл неприятелю».

В начале октября студенты и преподаватели института (в числе последних был и Арсеньев) на двух судах двинулись в путь. Однако на Свири их застигли ранние морозы. Река покрылась льдом, и поездку пришлось прервать. Все высадились на берег. В крестьянских избах, вспоминал Арсеньев, были открыты «публичные курсы наук».

Преподаватели читали историю, географию, литературу, эстетику. «Часто в числе слушателей наших были и мужики,

которые прислушивались к нашим толкам, слушали и, разумеется, ничего не понимали».

Наконец в середине ноября, когда установился зимний путь, путешествие было продолжено, и вскоре институт разместили в здании петрозаводской гимназии.

В Карелию Арсеньев попал впервые. И даже за то непродолжительное время, которое он здесь провел, край произвел на него сильное впечатление.

Поездки в окрестности Петрозаводска и материалы по истории и экономике губернии, которые он изучал, привели ученого к выводу, что «Олонецкая губерния заслуживает гораздо более обстоятельнейшее описание, нежели

какое доставлено нам путешествовавшими в оную учеными...» И далее Арсеньев отмечает, что все в Олонецком крае «содельывает страну сию любопытною и внушает в наблюдателя природы охоту к исследованиям». Так, побывав на Суне, он замечает, что это — река, «которой надлежащим образом никто не описывал и которая однако ж принадлежит к любопытным рекам в России по множеству стремнин, в ней находящихся, и по чрезвычайно быстрому ее течению». Интересны впечатления Арсеньева от поездки на водопад Кивач, который он наблюдал, в отличие от других русских путешественников XIX века, в тридцатиградусный мороз. Арсеньев сохранил их на долгие годы и много лет спустя вспоминал: «Мы долго восхищались величественною картиною водопада, бывшего в полном сильном стремлении своем, несмотря на чрезвычайный холод».

К. И. Арсеньев.

В Петрозаводске, по предложению начальника Олонецких горных заводов Армстронга, Арсеньев занялся изучением истории местной металлургической промышленности. «Целые груды материалов были мне доставлены,— писал он.— Разобравши их и вникнувши в существо подлежащего мне труда, я увидел, что на основании этих материалов можно совершить два дела вдруг: составить описание заводов горных и сделать статистический очерк всей Олонецкой губернии».

Итогом работы явились «Описание Олонецких заводов с самого их основания до последних времен, с кратким обзором Олонецкой губернии» (оно было опубликовано в 1830 году в «Трудах минералогического общества») и небольшой статистический очерк, представленный затем в статистический отдел Министерства полиции.

Описание Арсеньева интересно как один из первых очерков об Олонецких заводах. Хотя речь идет преимущественно о производственно-технических вопросах, иллюстрируемых обширным статистическим материалом, автор рассказывает и об истории заводов, и о геологическом строении края, и о поисках железорудных месторождениях с начала XVIII века, когда «многие частные люди, подстрекаемые надеждою будущих прибытков, делали опыты для рассмотрения грунта здешних гор», о способах добывания озерных и болотных руд. Арсеньев был первым, кто по достоинству оценил заслуги известного русского металлурга А. С. Ярцова в строительстве Александровского пушечного завода («изобрел много к наилучшему устройству завода»).

В последних числах января 1813 года Педагогический институт простился с гостеприимным Петрозаводском. Уехал из Карелии и Арсеньев. Он вернулся сюда через много лет, в 1864 году, а в следующем году после тяжелой болезни умер, завещав похоронить себя в Петрозаводске.

В начале 20-х годов XIX века выяснением вопроса о возможности использования месторождений Олонецкого края занялось правительственное учреждение — «Ученый комитет по горной и соляной части». Внимание комитета привлек прежде всего Воицкий рудник, который в XVIII веке трижды закрывался, а затем снова восстанавливался. Последний раз рудник был закрыт в 1794 году. Но именно с Воицким рудни-

ком была связана версия о нахождении в Карелии золотоносных пластов, и это обстоятельство сыграло, по-видимому, решающую роль.

Из Петрозаводска в Петербург затребовали все материалы, связанные с историей рудника. Рассмотрев присланные документы и «приняв в уважение повсюду почти металлоносность Олонецких гор», комитет принял решение «произвести исследование как месторождения Воицкого рудника и окрестностей онога, так и вообще горных того края кряжей». Это заключение поддержало Министерство финансов, затем его утвердил царь, после чего летом 1827 года была снаряжена экспедиция под начальством маркшейдера Граматчикова.

Через Повенец, Масельгу и Выгозеро Граматчиков добрался до деревни Надвоицы. Работы продолжались до наступления зимы, и только тогда экспедиция возвратилась в Петербург. Почти одновременно в этом же районе находилась другая группа, которая под руководством Г. Бутенева вела разведку на реке Кочкоме, у деревни Парандово.

Обе экспедиции работали в трудных условиях. Воицкий рудник был, по словам Граматчикова, «в самом плачевном состоянии». За многие годы простоя шахты залила вода, укрепления сгнили и обрушились. Значительная часть времени ушла на то, чтобы проникнуть в глубь рудника. Бутенев никак не мог заложить шурфы, «ибо вода, начинающая скопляться при самом начале углубления шурфа и отливаемая беспрестанно ведрами, при обнажении пласта глины или глинянного песка, составляет с ним массу весьма вязкую, качающуюся под ногами рабочего и беспрестанно выплывающую с водой из боков шурфа».

В конечном итоге Граматчиков составил «Геогностическое обозрение Воицкого рудника и окрестностей онога» и предложил Ученому комитету свои выводы. Весьма обтекаемая форма их свидетельствовала о том, что автор не желал брать на себя окончательного решения вопроса. С одной стороны, говорилось об отсутствии «видимых точных признаков, обещающих выгодные последствия» для восстановления рудника, с другой,— отмечалось, что выполненные исследования «не истребляют совершенно» надежды на отыскание месторождений полезных ископаемых.

Комитет принял решение в точном соответствии с донесением Граматчикова: разведки рудника прекратить как невыгодные для казны, но вместе с тем рекомендовать частным

лицам продолжать поиски. Заключительная часть этого документа не лишена интереса: «Поскольку рудоискательные партии, руководимые истинами науки, подкрепляемые опытными наблюдениями, при всей деятельности своей и искусстве, не всегда достигают предположенной цели, потому что Природа, вопреки всем усилиям, скрывает сокровища свои от внимательного их исследования и представляет иногда простому случаю раскрыть завесу тайны [комитет.— Е. Э.]... находит полезным предоставлять вольным рудопромышленникам право производить розыскания».

Призыв к «вольным рудопромышленникам» не остался без ответа. Об этом свидетельствуют десятки разведок в 30-40-х годах, да и в последующий период.

Как и прежде, сведения о месторождениях промышленники и купцы получали от местных крестьян, которым платили за это по несколько рублей. Затем они обращались в Горный департамент, где получали специальные «дозвоительные свидетельства» на поиски руд, после чего начинались геологоразведочные работы. Правда, при ближайшем рассмотрении месторождения часто оказывались маломощными и не представляли промышленного интереса.

Впрочем, это и неудивительно, если учесть, что для определения качества месторождений нужен хотя бы минимум технических средств, которыми крестьяне, естественно, не располагали. В этом отношении любопытно следующее свидетельство, относящееся к началу 40-х годов: «...для отыскания руды крестьяне употребляют обыкновенную палку с заостренным концом... и, втыкая ее в землю, узнают, где есть руда, по ощущаемой шероховатости, производимой при втыкании палки кусочками руды, и также по красноте земли, приставшей к палке, пробуя ее языком, и если эта земля имеет кисловатый вкус, то на том месте сдирают мох и находят руду, слой которой бывает различной толщины, от двух до восьми вершков».

И все же, когда в 1854 году ярый поборник развития металлургии в Карелии, начальник Олонецких горных заводов Бутенев составил записку «О нахождении полезных ископаемых в Олонецкой губернии», в которой были названы многочисленные месторождения железных и медных руд, мрамора и других строительных материалов и т. д., картина получалась довольно внушительная.

Во второй четверти века возросло и количество экспедиций, результаты которых выходили за рамки обычных поисковых работ. Это отразилось на характере материалов, публиковавшихся в «Горном журнале»: появляются отчеты о поездках, содержащие определенные обобщения, а не только обозрения рудников или окрестностей тех или иных населенных пунктов. Сюда следует отнести экспедиции Зембицкого, Н. Бутенева, Лопатинского, Полторацкого, но в первую очередь заслуживают упоминания работы Энгельмана и Комарова.

Статья поручика Энгельмана «Взгляд на геолого-геогностический состав Олонецкого горного округа» была написана на основе поездки из Петрозаводска на Тивдийские мраморные ломки в 1836 году. Хотя Энгельман не производил «пробную копь» (о необходимости которой писал в свое время академик В. М. Севергин), так как «мало имел случаев... потому что берега озер и рек большей частью не представляют обнажений», но тем не менее, помимо подробного описания Тивдии в «геогностическом отношении», он много места отводит рассуждениям о «внутреннем строении и рудоносности края», дает краткий обзор озер, климата и флоры, характеризует озерные и болотные руды, медные месторождения. По авторитетному свидетельству академика Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, работа Энгельмана была «наиболее талантливой и наиболее научной из всех исследований Олонецкого края до применения микроскопа к изучению его пород», а приложенная к исследованию «маленькая карта» была в некоторых частях точнее составленной много лет спустя десятиверстной карты Генерального штаба.

Горный инженер штабс-капитан Комаров подвел итоги своего длительного путешествия по Карелии в обширном исследовании «Геогностические примечания к карте Олонецкого горного округа», содержащем многочисленные и подробные описания различных месторождений, рек и озер, соображения о геологическом прошлом Карелии, свидетельствующие не только о его наблюдательности, но и значительных, по тем временам, геологических познаниях. Обстоятельной была и карта, на которую Комаров нанес различными красками 18 разных пород. Обращает на себя внимание упоминание широко известного ныне Костомукшского железорудного месторождения («У Янгозера... диорит заключает жильное месторождение зернистого магнитного железняка. Он нахо-

дится у деревни Костомуксы»), хотя Комаров не придал ему должного значения. Отметим он и месторождение «землисто-го антрацита, известного в торговле под именем черной Олоонецкой земли, около селения Шуньги и у залива Святухи», — речь идет о неоднократно привлекавшем внимание позднейших исследователей шунгите.

Однако все это было, хотя и важной, но все-таки предысторией геологических исследований Карелии. Начало собственной истории относится к концу 50-х годов XIX века и связано с именем академика Григория Петровича Гельмерсена (1803—1885 гг.).

Выдающийся русский геолог Г. П. Гельмерсен в течение четырех лет (1856—1859 гг.) совершал ежегодные поездки по Олоонецкой губернии. К этому времени он был уже академиком (избран в 1850 году), обладателем Демидовской премии Академии наук, полученной за составление геологической карты Европейской части России, общепризнанным авторитетом в вопросах изучения полезных ископаемых, членом многих ученых обществ.

Исследования Гельмерсена в Карелии преследовали в первую очередь практические цели, по-прежнему связанные с выяснением вопроса о рудных богатствах края. Выводы Гарша устарели — они были сделаны более 60 лет тому назад. Уклончивые рекомендации Граматчикова основывались на изучении только Воицкого рудника. С другой стороны, в Горный департамент постоянно поступали заявки на разработки месторождений, да и записку Бутенева нельзя было оставить без внимания. Наконец, в связи с Крымской войной значительно возросли потребности в военных припасах, а Олоонецкие горные заводы поставляли минимальное количество орудий, причем не только потому, что на них стояло устаревшее оборудование, но и по той причине, что они испытывали трудности с сырьем (на Александровский завод, например, руда доставлялась за 200 и более верст).

Программа работ экспедиции Гельмерсена была весьма обширна и рассчитана на несколько лет. Имелось в виду, что исследования должны охватить всю губернию и дать окончательный вывод о рудоносности края. Поэтому предполагалось не только посещение старых рудников, действовавших в XVIII веке, с тем, чтобы, по выражению Гельмерсена, «определить их благонадежность», но и проведение специальных разведочных работ. Наконец, планировалось составить геоло-

Г. П. Гельмерсен.

гическую карту всего горного округа. Это была задача перво-степенной важности, поскольку ученый сразу же установил, что существующие карты «до крайности недостаточны», в том числе и карта, полученная им от Бутенева, «совершенно несогласная с действительностью».

Первая поездка Гельмерсена в Карелию была предпринята в июне 1856 года и носила, по-видимому, рекогносцировочный характер. Далеко от Петрозаводска он не уезжал, ограничившись посещением каменоломни у Каменного бора, рудников близ Суйсари, водопада Кивач, а в городе изучал собранные образцы горных пород и совместно с Бутеневым разрабатывал будущие маршруты.

Собственно исследования начались летом 1857 года, когда Гельмерсен объехал Заонежье. Маршрут третьей экспедиции, в следующем году, проходил через северную часть края (в основном район Выгозера). В этом же году Гельмерсен сопровождал царя Александра II, совершившего поездку на Кивач. Наконец, четвертая, и последняя, поездка летом 1859 года была посвящена исследованию восточного побережья Онежского озера.

По материалам своих экспедиций Гельмерсен опубликовал вначале подробные отчеты (они появились в «Горном журнале» уже в 1860 году), а спустя 22 года, в 1882 году,— монографию «Геологическое и физико-географическое обозрение Олонецкой губернии», в которой в форме пространного дневника дал описание физико-географических особенностей, стратиграфии, тектоники и месторождений полезных ископаемых Олонецкого горного округа и т. д. Правда, в книге были по существу повторены выводы предварительных отчетов и не учитывались результаты исследований 60—70-х годов, в частности А. А. Иностранцева, что вызвало справедливые возражения со стороны последнего. Гельмерсен ограничился тем, что несколько расширил свою первую публикацию, ввел в книгу полностью донесения Гарша, а в приложении опубликовал некоторые анализы пород, сделанные проф. Шмидтом и начинающим тогда ученым, будущим президентом Академии наук А. П. Карпинским.

Место Г. П. Гельмерсена в истории изучения Карелии определяется прежде всего тем, что он первый предпринял систематическое и последовательное изучение центральных районов края, дал обстоятельный и целостный анализ его геологического строения, что уже само по себе представляло значи-

тельный шаг вперед по сравнению с эпизодическими «обозрениями» той или иной местности. Одним из важных итогов экспедиций была составленная ученым геологическая карта отдельных районов Олонецкого горного округа, к которой в дальнейшем прибегали многие исследователи Карелии. Плодотворными оказались и мысли Гельмерсена относительно ледникового периода в истории Северной России.

В ходе экспедиций был внесен ряд поправок в донесения Гарша, закладывались десятки шурфов, по указаниям Гельмерсена проведены многочисленные разведки железных и медных руд (в том числе Койкарского, Кергозерского, Пяльмского, Пудожского и других месторождений). Однако конечный вывод ученого был все-таки отрицательный. Он считал, что все эти месторождения не имеют серьезного промышленного значения и на месте Олонецких скал ни «Благодати» ни «Кривого Рога» открыть не удастся. (Впрочем, как мы увидим дальше, даже авторитетное мнение Гельмерсена не было воспринято как окончательное решение вопроса, тем более, что вскоре оно получило такого серьезного оппонента, как А. А. Иностранцев.)

На протяжении первой половины века несколько раз проводились исследования, связанные с периодически возникавшими дебатами о возможности соединения каналом Онежского озера с Белым морем. Еще в 1800 году эту местность обследовал руководитель строительства Мариинской системы Деволайт. Затем в 1824 году купец из Кеми Антонов представил проект Беломорско-Балтийского канала, дав подробное описание рек и озер той части Карелии, по которой должен был пройти канал. (Интересно, что подлинник проекта был написан на французском языке, и только подпись Антонова выведена русскими буквами. Объясняется это тем, что тогдашний министр путей сообщения, которому был адресован проект, плохо знал русский язык...) В 1833 году для обследования местности направили капитана Казарского, но и его вывод о возможности проведения канала правительство не приняло во внимание.

Наиболее значительные изыскания проводились в 1857 и 1858 годах. Прибывшая из Петербурга экспедиция, которую возглавлял инженер Лебедев, вынесла заключение решительное и категоричное:

«Соединение Онежского озера с Белым морем, требуя огромных сумм, не принесет ожидаемой пользы и не окупится,

особенно при бедности и не населенности края, по которому канал будет проведен... Не только необходимости, но даже пользы устраивать канал нет».

Если геологические исследования в дореформенный период дали определенные положительные результаты, то в области других наук достижения были значительно более скромные.

«В актив» изучения Карелии могут быть отнесены работы 30—40-х годов по определению географического положения ряда населенных пунктов. Так, в 1830 году экспедиция под руководством одного из выдающихся русских полярных исследователей М. Ф. Рейнеке, работавшая в Белом море, определила положение Кеми и некоторых крупных селений. Позднее экспедиция подполковника Лемма определила положение еще 42 пунктов. Материалы Лемма в дальнейшем неоднократно использовались при составлении карт края.

К этому времени относятся и первые собственно ботанические исследования, заключавшиеся в составлении флористических списков. Уже упоминавшийся поручик Энгельман во время своей поездки составил список нескольких десятков растений, которые, по его словам, «всякому наблюдателю встретятся при первом воззрении на природу», описал отдельные виды мхов и лишайников. Другой список растений, тоже очень небольшой, был напечатан в книге К. Бергштрессера «Опыт описания Олонецкой губернии», опубликованной в 1838 году. (Он озаглавлен: «Список растений, собранных в Олонецкой губернии одним прилежным любителем ботаники, г. штаб-лекарем Ольбрихтом и наименованным, большей частью, г. Академиком Тиниусом».).

К первой половине прошлого века относится и начальный период археологических исследований на территории Карелии. Здесь прежде всего следует отметить поездку консерватора Минералогического музея Академии наук К. Гревингга, который во время путешествия в 1848 году обнаружил знаменитые ныне наскальные изображения — петроглифы Бесова Носа. Тогда же в печати появилась небольшая информация об этом открытии, а основные материалы были переданы Гревинггом в Вольное Экономическое общество, где они, однако, так и оставались в рукописи. Только после того, как «Известия Русского географического общества» в 1850 году поместили заметку преподавателя Олонецкой гимназии

П. Шведа о «Бесовых следках», Гревингк сделал доклад в Академии наук «О групповых начертаниях, иссеченных на скалах по восточному берегу Онежского озера», который был напечатан в 1855 году на немецком языке.

Наконец Карелию затронула и деятельность знаменитой археографической экспедиции П. М. Строева, занимавшейся сборианием источников по русской истории. Спутник и помощник Строева Я. И. Бередников весной 1834 года посетил Олонец, где разобрал архив старого уездного суда. Здесь он обнаружил ряд интересных и неиспользованных ранее документов и среди них — переписку о постройке Олонца, о состоянии его деревянных укреплений в XVII веке, многочисленные материалы о расколе на Севере. После Олонца Бередников продолжал свою работу в Петрозаводске.

Интерес к изучению быта, народной поэзии и отчасти языка населения Карелии проявился уже в работах русских ученых и путешественников последней четверти XVIII и первых десятилетий XIX века. Однако филология — особенно финно-угорских народов — еще почти не расчлененная на сложившиеся впоследствии фольклористику, этнографию, собственно языкознание и литературоведение, переживала тогда стадию становления. Углубленное профессиональное исследование, ставшее одним из существенных элементов формирования финноугроведения в России, началось лишь в 20-х годах XIX века. Зачинателями этой работы стали И. А. Шегрен, Э. Лённрот и М. А. Кастрен. Эти финские ученые внесли ощутимый вклад и в русскую науку, в частности своими исследованиями в Карелии.

Иоганн Андреас Шегрен (1794—1855 гг.) был сыном сельского сапожника. Он с большим трудом сумел получить образование (окончил университет в Або) и в 1819 году защитил диссертацию на степень доктора философии. Через 10 лет Шегрен уже адъюнкт Петербургской академии, а с 1844 года — ординарный академик, директор Этнографического музея Академии наук.

Начиная с 1823 года Шегрен совершил несколько путешествий по Карелии, и, хотя его исследования здесь не вылились в особые крупные сочинения, несомненно, что собранный им во время поездок материал был обилен и разнообразен: ссылки на различные факты карельского языка и быта в сочи-

Э. Лённрот.

нениях академика Шегрена весьма часты. Записывал он и народные песни и эпические руны; с последними познакомил, в частности, Ф. Глинку и помог ему перевести несколько отрывков из рун «Калевалы» на русский язык.

Существенна и другая заслуга исследователя — научное открытие вепсов. Шегрен первым посетил места обитания вепсского народа, сделал об этом сообщение в печати. Он работал также и в области истории происхождения прибалтийско-финских народов. Правда, его концепция по этим вопросам не нашла подтверждения в дальнейших исследованиях, однако как одна

из первых попыток она заслуживает упоминания.

Громадную роль в собирании и изучении карельской народной поэзии сыграл Элиас Лённрот (1802—1884 гг.) — замечательный финский ученый, врач по образованию и филолог по призванию. Научный подвиг Лённрота, неоднократно описанный в литературе, состоял в литературном воссоздании карело-финского народного эпоса «Калевалы» и введении этого замечательного поэтического памятника в мировую культуру.

Сейчас уже установлен и не вызывает споров факт, что руны «Калевалы» — поэзия двух родственных народов — карелов и финнов, но в живом бытовании они гораздо лучше сохранились карелами, и именно в Карелии Лённрот записал, а затем включил в свою эпопею наиболее цельные варианты эпических песен, обладавших исключительными поэтическими достоинствами.

За десять лет (с 1832 по 1841 гг.) Лённрот совершил шесть поездок в северную Карелию. Он посетил Вокнаволоку, Бабью Губу, Ладвозеро, Войницы, Юшкозеро, Реболы, Ругозеро и другие пункты; побывал в Ухте (ныне поселок Калевала),

где до сих пор бережно сохраняется, теперь уже засохшая, сосна, под сенью которой, по преданию, он записывал руны от местных сказителей. Лённрот бывал и в южной Карелии, а также в Петрозаводске.

Этнографическое изучение Карелии продолжил Матиас-Александр Кастрен (1813—1852 гг.). Сын деревенского пастора, он получил высшее образование в Гельсингфорском университете. В 1839 году Кастрен отправился в четырехмесячную поездку с целью изучения народной поэзии и этнографии жителей Карелии. Правда, поездка оказалась не вполне удачной, и молодой исследователь сумел побывать только в северной Карелии, в том числе около месяца он провел в Кеми. Этнографические и лингвистические наблюдения, сделанные во время путешествия, были в дальнейшем широко им использованы в ряде работ, в частности в «Заметках о Заволочской Чуди», где он доказал, что этот таинственный народ должен был в языковом отношении принадлежать к прибалтийско-финской группе. В пользу своего мнения Кастрен привел два веских довода — наличие в русских диалектах Поморья прибалтийско-финских заимствований и аналогичное происхождение многих местных топографических названий.

История исследований Карелии в первой половине XIX века была бы не полной без упоминания о той роли, которую сыграли в ней политические ссыльные.

30 июля 1826 года, в соответствии с приговором по делу декабристов, в Петрозаводск был доставлен участник движения Федор Николаевич Глинка, открывший список политических ссыльных в Карелии в XIX веке.

В первой половине минувшего столетия Олонецкий край еще сравнительно редко использовался как место ссылки. Слишком близко он находился от Петербурга, да и местная администрация неоднократно выражала опасение, что ссыльные могут «удобно скрыться» в Финляндии, так как «присмотр за их поведением и поступками невозможен по причине малочисленности местной полиции». Поэтому в 30—50-х годах число политических ссыльных редко превышало 8—10 человек во всей губернии — царское правительство предпочитало ссылать участников революционного движения в Восточную Сибирь или другие отдаленные районы страны, откуда вырваться было практически невозможно. Положение изменилось позднее, во второй половине XIX и особенно в начале XX века, когда в Карелии отбывали ссылку около двух тысяч

человек, что было связано не только с усилением революционного движения, но и с русско-японской войной.

В годы же, о которых здесь идет речь, ссылка была не только относительно малочисленной, но и отличалась своим составом: особо опасных для царизма революционеров в Карелию не отправляли. Почти все ссыльные оставались в Петрозаводске, где за ними устанавливался надзор, что, впрочем, не мешало местной администрации использовать их в качестве чиновников в различных губернских учреждениях. «По долгу службы» им неоднократно приходилось выезжать за пределы города, и именно эти поездки, иногда довольно дальние, давали возможность ознакомиться с краем, его историей, природой и населением. Хотя далеко не всех ссыльных можно назвать исследователями в собственном смысле этого слова, их вклад в познание Карелии бесспорен.

Деятельность первых политических ссыльных в Карелии получила сравнительно полное освещение в литературе. Этим мы обязаны прежде всего профессору В. Г. Базанову, который по справедливости может быть назван не только «первооткрывателем» этой темы, но и ее наиболее внимательным исследователем.

Поэт-декабрист Ф. Н. Глинка провел в Карелии четыре года. Будучи старшим советником Олонецкого губернского правления, он не только имел доступ к многочисленным материалам, относящимся к прошлому и настоящему края (Глинка даже собирался составить «Статистическое описание Олонецкой губернии»), но и мог дополнить их личными впечатлениями, накопленными во время поездок по Карелии. К сожалению, трудно установить, в каких районах края ему удалось побывать, но, судя по некоторым документам, Глинка участвовал в ревизии губернии, проведенной губернатором Лачиновым. Даже в стихотворных произведениях поэта легко найти множество свидетельств того, что он видел край не только из окна губернского правления.

Дика Карелия, дика!
Надутый парус челнока
Меня промчал по сим озерам;
Я проходил по сим хребтам,
Зеленым дебрям и пещерам;
Везде пустыня: здесь и там,
От Саломейского пролива
К семье Свейсарских островов,
До речки с жемчугом игривой,

До дальних северных лесов —
Нигде ни городов, ни башен
Пловец унылый не видал,
Лишь изредка отрывки пашен
Висят на тощих ребрах скал...

Упоминание Выга («Над Выгом зарево горит!»), описание ярмарки в Шуньге, реки Суны («По Суне плыли наши челны») — все это не оставляет сомнения в том, что Карелия была Глинке по-настоящему «ведома».

Оставляя в стороне литературные достоинства поэм и стихотворений, созданных Глинкой в период петрозаводской ссылки — они обстоятельно проанализированы В. Г. Базановым в книгах «Карельские поэмы Федора Глинки» (1945) и «Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века» (1955), — следует отметить их несомненный историко-краеведческий интерес. Речь идет прежде всего о поэмах «Карелия» и «Дева карельских лесов».

Оба произведения, особенно первое (недаром Глинка назвал его «описательное стихотворение»), изобилуют яркими описаниями труда, быта, природы, что делает «Карелию», по справедливому замечанию В. Г. Базанова, своеобразным краеведческим очерком в стихах. Это впечатление усиливалось многочисленными авторскими примечаниями, на которых стоит остановиться специально.

Примечания разнообразны по содержанию. Иногда это объяснения терминов.

Над Выгом зарево горит!
То, знать, пожар?.. Иль блеск зарницы?..
Подъедем ближе — все шумит:
Там плавят медь, варганят крицы.

Поясняя малоизвестное слово «крицы», Глинка пишет: «Крицами называются железные комы; их составляют

Ф. Н. Глинка.

посредством биения молотом из брусков, называемых свинками». Или в другом месте:

И вздулись в озерах валы,
И белым стадом побежали
На дикий наволок лесной...

«Наволоком называется здесь мыс. Сие название показывает, что здешние мысы намыты, или навлечены водою».

В ряде случаев примечания содержат самые разнообразные сведения по истории, этнографии, географии, сельскому хозяйству и т. д. Составляя их, Глинка пользовался статистическими материалами (возможно, теми же, которые были в свое время собраны для Арсеньева), сведениями, почерпнутыми из бесед со старожилами, из древних рукописей и грамот. Так, в одном из примечаний он рассказывает, что крестьяне доставили ему три жалованных грамоты «и дозволили снять с них списки». Эти грамоты хранились от пожаров в железных ящиках или в глиняных сосудах в земле, и «время изгладило уже некоторые выражения». У Глинки были рукописи житий Лазаря Муромского и Александра Свирского, список с древней рукописи по истории Олонца. В сочинении одного из первых карельских краеведов шихтмейстера Тихона Васильева «Историческое краткое сведение о состоянии доселе бывшего и нынешнего положения города Олонца и о прочем» указано, что «сие творение удостоил чтением достопочтенный Господин Кавалер Федор Николаевич Глинка...»

Помимо чисто исторических сведений и общей характеристики края, в которой Глинка, в частности, отмечает, что Карелия мало заселена («ибо на 12 000 000 десятин здесь едва найдется 100 000 и то не совсем постоянных жителей»), но богата «великими запасами лесов, еще не тронутых, руд неископаемых, каменных пород (мрамора, порфира и проч.) высокого достоинства, красивых земель [очевидно, имеются в виду минеральные краски и шунгит.— Е. Э.] и камней, могущих стать наряду с драгоценными...», большой интерес, причем не только краеведческий, представляет свидетельство о производстве местным населением винтовок. В одном из примечаний Глинка пишет:

«Винтовка есть оружие здешнего края. Винтовки делаются в Повенецкой и Беломорской Карелии... Складывают два железных бруска и, с соблюдением внутри пустоты, выковывают ствол, который потом сверлят в особом станке с таким искус-

ством, что нельзя не подивиться мастерству простых поселян в сем деле. Через такое сверление образуется сперва канал, а потом уже, как они говорят, нарезывается внутри винт: отчего и орудие называется винтовкою... Карельская винтовка отличается тем, что требует весьма мало пороху, а именно, иногда не более $\frac{1}{4}$ золотника на заряд; но бьет далеко и бойко (на 30 сажен в цель). Это, разуместь должно, только в самом малом калибре. Выстрел бывает очень незвонкий; иногда не громче звука, издаваемого хлыстом; почему на карельском языке звук винтовки называется вицею, что также означает хлыст. Из сих-то винтовок карельские стрелки бьют белку и рябчика дробною пулькой в голову. Есть и такие винтовки, которые, будучи большого калибра, берут пороху не менее ружейного заряда, но зато бьют на 120 сажен в цель!»

Можно только пожалеть, что историки техники проходят мимо этого любопытного документа.

А вот одно из примечаний, относящихся к сельскому хозяйству и тоже обойденное вниманием специалистов: «В Олонецкой губернии, особенно же в северо-восточной части оной, вовсе нет фруктовых деревьев. Долго не знали здесь даже употребления капусты и картофеля. В городе Петрозаводске крестьянин графа Орлова Петр Накропин в продолжение 40-летнего житья, в качестве городского огородника, первый старался развести сии овощи и теперь успевает даже в выводе дынь и арбузов от семян и получает довольно спаржи в своем огороде». (Между прочим, накропинские огороды на правом берегу реки Лососинки существовали еще в начале XX века, а их владельцы снабжали свежими овощами дома состоятельных петрозаводских жителей.)

Глинка живо интересовался местным фольклором. Он опубликовал несколько карельских рун, записанных в Беломорской Карелии, собирал предания, легенды и поверия, широко используя их в поэмах и примечаниях. На фольклорных мотивах построена «Дева карельских лесов», а в примечаниях к «Карелии» можно найти специальное описание представлений карел о духах.

Нельзя, наконец, не упомянуть о ярких поэтических картинах природы края, удивительно выразительных и живописных:

В Кареле, рано, над лесами,
Сребро и бисеры блестят,
И с желтым златом, полосами,
Оттенки алые горят,

И тихо озера лежат
На рудяных своих постелях.
Уж сосны золотятся днем,
И с красногрудым снегирем
Клесты кричат на острых елях...

Недаром, откликаясь на глинковскую «Карелию», один из журналов отмечал: «Прекрасная в своей дикости природа Карелии, с ее чудными водопадами, с ее дремучими лесами, несчетными озерами и тундрами, изображена в картине великолепной, верной, заманчивой своим разнообразием».

Если учесть, что «Карелия» была издана в 1830 году отдельной книгой и вызвала положительные отзывы прессы (в том числе рецензию Пушкина), мы вправе считать, что Федор Николаевич Глинка больше чем кто-нибудь другой из его предшественников, побывавших в Карелии, способствовал привлечению внимания к Олонецкому краю. Совершенно очевидно, что с поэмами Глинки был знаком значительно более широкий круг читателей, нежели со специальными сообщениями, печатавшимися в научных и ведомственных журналах. Если Державин «открыл» для многих Кивач, то Глинка в этом смысле «открыл» целый край.

Среди политических ссыльных, внесших вклад в изучение Карелии, несомненно заслуживает быть упомянутым и Станислав Афанасьевич Раевский.

Друг М. Ю. Лермонтова, С. А. Раевский попал в Петрозаводск в мае 1837 года за распространение стихотворения «На смерть поэта». В Карелии он пробыл два года, занимая должность чиновника особых поручений при олонецком гражданском губернаторе. В его обязанности входили, в частности, различного рода командировки (например, Раевский занимался расследованием обстоятельств побега заключенного из повенецкой тюрьмы, выяснял наличие раскольников в Даниловском и Лексинском селениях и проч.), благодаря которым он смог лучше узнать край. Раевский принимал деятельное участие в составлении бумаг, «требовавших особого внимания и больших соображений» и проходивших по канцелярии гражданского губернатора и губернскому правлению, и, наконец, что особенно важно, сотрудничал в «Олонецких губернских ведомостях».

Постановление об издании с 1838 года местных газет в губернских и областных городах России было весьма незначительной уступкой правительства общественному мнению,

попыткой создать видимость «гласности» в стране «молчания и немоты» (Герцен). При этом появление «Ведомостей» сопровождалось рядом мер предосторожности, направленных на установление строжайших рамок новой прессы: Особо важные статьи должны были согласовываться с 3-м отделением его императорского величества канцелярии и отнюдь не заключать в себе «никаких могущих произвести напрасную тревогу в умах или же нелепые толки известий, как, например, о неповиновении помещикам и другим законным властям».

Помимо официальной части, газете разрешалось иметь так называемую «неофициальную» часть, для статей исторических, этнографических, литературных и прочих. Эта неофициальная часть в «Олонецких губернских ведомостях» и была поручена С. А. Раевскому.

15 января 1838 года вышел первый номер первой в Карелии газеты, состоявший только из официальных материалов, а с № 22 от 4 июня 1838 года в виде «первого прибавления к Олонецким губернским ведомостям» появилась «неофициальная» часть. Новый отдел газеты открывался статьей «О предметах и цели изучения Прибавления к Олонецким губернским ведомостям», принадлежавшей Раевскому.

Статья представляет собой по существу первый печатный очерк истории, экономики и культуры Карелии, написанный сжато и вместе с тем чрезвычайно ярко. Пафос статьи — в утверждении необходимости изучения Карелии, потому что это поможет увеличить благосостояние страны. «Эти леса, украшая печальной зеленью своею наши скалы, составляют важнейший предмет государственного хозяйства... Озера и реки с изобилием снабжают рыбой,— под водами озер находятся руды... Мраморы здешних гор украшают лучшие здания Петербурга...» Но не только природные богатства должны заинтересовать здесь исследователей. Вслед за Глинкой Раевский призывает обратить внимание на обширное поэтическое наследие, на сохранившиеся песни, поверия, предания, которые надо собирать и записывать с тем, чтобы «привести их в известность». Он пишет о необходимости изучать «областное наречие... сохранившее нам так много старинных слов», и особенно «быт простого народа», представляющий «обильные предметы для наблюдения».

В другой статье, озаглавленной «О простонародной литературе. О собирании русских народных песен, стихов, пословиц и т. п.», Раевский снова пишет о важности полного изда-

ния песен и стихов, для чего нужно, чтобы они «записаны были везде, где это возможно», и сопровождает свой призыв практическими советами — (записывать «слово в слово, все, без изъятия и разбора... сначала со слов, потом проверять с голоса, ибо люди привыкшие петь песни, обыкновенно лучше вспоминают их, когда поют, нежели сказывают», и т. д.

Раевский страстно призывал к исследованию края: «Изучение и описание каждой страны составляет непрременную обязанность образованных ее туземцев, и как благородно участвовать в этом подвиге! Как лестно передать потомству свои наблюдения, может быть произведения лучших минут жизни!» Подлинный патриот и талантливый публицист, Святослав Афанасьевич Раевский по праву занимает место у истоков карельского краеведения.

Очевидно, наиболее значительные записи народного творчества в Карелии в первой половине XIX века были сделаны сосланным в Петрозаводск в конце 1849 года петрашевцем Александром Пантелеймоновичем Баласогло. Здесь он находился под полицейским надзором, что, впрочем, не мешало местным властям использовать его, так же как Глинку и Раевского, в качестве чиновника Олонецкого губернского правления.

О деятельности Баласогло в Петрозаводске не сохранилось почти никаких сведений. Документы местного архива в основном связаны с не вполне ясными обстоятельствами его отъезда зимой 1851 года. Известно, что он несколько раз предпринимал длительные поездки по губернии. Так, в августе 1850 года по поручению губернатора Баласогло ездил для сбора различных статистических сведений и побывал, в частности, в Заонежье. Во время поездок и в Петрозаводске много занимался выявлением различного этнографического материала. В донесении Олонецкому губернатору Писареву «по поводу собранных в Олонецкой губернии статистических и этнографических сведений» (этот документ впервые опубликован В. Г. Базановым) Баласогло сообщает, что, помимо уже представленных ранее 79 народных песен, он составил собрание их «по алфавиту слов» карельского и чудского языков и русских народных слов Олонецкой губернии, записал несколько сказок, собрал обширный исторический и статистический материал. Но, к сожалению, из всех сделанных им записей сохранились только одна былина, три сказки и еще несколько доку-

ментов, в том числе записка «О ловле жемчуга в реке Повенчанке». Остальные бумаги исчезли бесследно. Их опечатали и отправили вместе с автором в Петербург, где Баласогло был заключен в Петропавловскую крепость. В описи, сделанной еще в Петрозаводске, значатся «два чемодана бумаг», но судьба их неизвестна.

ГЛАВА VII. СНОВА „ОПИСАНИЯ“

Во второй четверти XIX века период «первоначального накопления» знаний в науке был в основном уже пройден. Развитие частных, в том числе общественных наук, пришедшее на смену слабо расчлененным географии и натуральной истории XVIII столетия, ставило новые задачи. Разные исследователи понимали и решали их по-своему, с различной степенью глубины, но многие из них уже чувствовали необходимость обобщить имеющиеся данные под углом зрения какой-либо конкретной отрасли знания — экономики, статистики, истории, этнографии и т. п. Вместе с тем, заметный рост объема информации заставлял ограничивать задачи и в географическом отношении. Так появились многочисленные «описания» отдельных губерний России, а среди них и Олонецкой губернии — Карелии.

«Описания» Карелии 30—50-х гг. XIX века внешне напоминают «описания» XVIII столетия: в них заметно стремление включить в ткань повествования многие, если не все, аспекты жизни края — его природу, историю, хозяйство и быт населения; они сходны и по характеру использования источников и сведений — в дело шли ведомственные документы, исторические известия, рассказы старожилов и личные наблюдения. Но этим, пожалуй, и исчерпывается сходство. Появившиеся в 30-е и 40-е годы XIX столетия сочинения суше, мельче и приземленнее. Это может показаться странным, но идейной преемственности не возникло; авторы «описаний» Карелии второй четверти XIX века даже не использовали в своих

работах сочинений предшественников — исследователей, посетивших край в XVIII веке, в том числе и материалы Н. Я. Озерецковского оставили без внимания.

Среди этих новых описаний Карелии далеко не все имеют научную ценность. Так, например, изданное в 1853 году «Военно-статистическое обозрение Олонецкой губернии», составленное капитаном генерального штаба А. Э. Циммерманом, не содержит каких-либо оригинальных сведений, хотя, как говорится в предисловии к нему, оно выполнено «по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте». Пожалуй, не многим интереснее «Записки об Олонецкой губернии», написанные учителем Петрозаводского уездного училища А. Андреевым и изданные в 1855 году. Однако и такого рода работы в какой-то мере способствовали распространению сведений о крае.

К числу наиболее значительных «описаний», созданных в этот период, относятся сочинения К. Ф. Бергштрессера, В. А. Дашкова и И. И. Пушкарева.

Имя Карла Федоровича Бергштрессера в свое время было известно и даже популярно. Еще очень молодым он проявил интерес к экономической науке и со временем стал серьезным знатоком этого предмета.

В течение нескольких лет Бергштрессер преподавал в Петрозаводской гимназии, затем он становится чиновником по ведомству Министерства государственных имуществ — долгое время управляет Астраханскими соляными промыслами и т. п. Его служебная карьера сложилась ординарно: продвигаясь по чиновной лестнице, он получал очередные повышения и награды и умер (в 1874 г. в Тамани) в чине действительного статского советника.

Но Бергштрессер был не просто педантичным чиновником, а человеком умным, образованным и размышляющим автором ряда серьезных научных трудов, в которых особое место заняла карельская тема. С нее, собственно, все и началось, когда в 1835 году в «Земледельческой газете» Бергштрессер напечатал статью «Осушка болот в Олонецкой губернии». К этой теме он вернулся и впоследствии, когда уже стариком работал над брошюрой об использовании торфа в качестве топлива. Но самым любопытным его произведением о Карелии явилась книга, изданная в 1838 году и названная

автором «Опыт описания Олонецкой губернии». Эту книгу с интересом читали современники Бергштрессера. Не осталась она незамеченной и в ученых кругах — по рецензии П. Кеплена (впоследствии известного академика) автору был присужден почетный отзыв Академии наук.

Угол зрения, под которым Бергштрессер описывает Олонецкую губернию, мы теперь назвали бы экономгеографическими. Автор касается почти всех вопросов — от рельефа местности до описания уездных городов — повсюду обнаруживает один и тот же, чисто утилитарный, подход к описываемому. Автора совершенно не привлекают красоты природы (вспомним, как поэтично описывали водопады и Г. Р. Державин и Н. Я. Озерецковский), но о лесах он пишет пространно и с удовольствием по той причине, что «Доход, поступающий ежегодно с лесов в казну, простирается до 200 000 руб. Поэтому должно почесть леса главнейшею частью богатства губернии». А, кроме того, «богатства эти тем важнее, что леса здешние из весьма многих мест по судоходным и сплавным рекам могут быть доставлены в С.-Петербург, Архангельск и Онегу, где всегда найдут выгодный сбыт». К описанию животного мира края, его полезных ископаемых, рек и озер Бергштрессер подходит не как естествоиспытатель, а скорее как управляющий, прикидывающий, какую выгоду можно извлечь из эксплуатации естественных богатств доверенного его попечительству имения.

Все, заслуживающее упоминания, он упоминает, все, привлекающие внимание, включает в свой трактат. Но с особой заинтересованностью пишет о полезных ископаемых, подробно перечисляет их: золото (Воицкий рудник), медные руды, аметисты, жемчуг (не ископаемое, но все равно драгоценность), мрамор, известь, минеральные краски, огнеупорная глина, целебные воды, кристаллическая поваренная соль в Каргопольском уезде. Одним словом, Бергштрессер описал все традиционные объекты, привлекавшие внимание исследователей и до него. И все же наиболее интересной для Бергштрессера, его излюбленной темой была экономика сельского хозяйства. Автор заметил, что в крае существовали две системы земледелия — полевая и подсечная — и выяснил значение каждой из них.

Источники XVI—XVII веков — писцовые и переписные книги, как отмечает известный советский историк В. Н. Бернадский, фиксируют такие урожаи на культурных полях, которые могли дать крестьянам пропитание максимум на полгода. Между тем, нет никаких оснований предполагать значительный ввоз сюда хлеба из других областей государства. Историк предположил, что недостающую часть хлеба крестьяне получали благодаря разработке подсечных участков. Сведения Бергштрессера как раз и подтверждают эту догадку: «Недостаток удобренных полей,— пишет он,— крестьяне несколько вознаграждают посевами на лесосеках или так называемых палах, с которых получают почти половину своего урожая».

Бергштрессер кратко, но выразительно охарактеризовал весь круг земледельческих работ олонецкого крестьянина, их последовательность, сроки, приемы труда, местные сельскохозяйственные орудия. Ученый подсчитал, что 30% всех посевных площадей в губернии занято под рожью, 0,5% — под пшеницей, 42% — под овсом, 10% — под ячменем, 5% — под репой, 1,25% — под картофелем, 10% — подо льном и 0,75% — под коноплей. Он отметил относительно низкие урожаи (особенно колосовых) и рассчитал периодичность повторения неурожайных лет: «Почти всякий третий год бывает неурожайный», одной этой фразой раскрыв трагизм положения большинства обитателей края.

Деревня беднела. Бергштрессер это понимал, но в соответствии с официальной классовой точкой зрения пытался приписать «лености и нерадению» отдельных крестьян. И все же как объективный исследователь он вынужден был констатировать наличие целых районов, например, «во многих местах Повенецкого уезда», где люди вынуждены питаться хлебом, состоящим более чем наполовину из толченой сосновой коры, мха или соломы.

В поисках примера, подражая которому крестьянин мог бы выбраться из нужды, Бергштрессер обращается к изучению экономически крепких кулацких хозяйств. С удовольствием пишет он о хозяйстве А. И. Дубалова, промышленявшего также торговлей и подрядами в Петербурге. Но понять социальную природу кулачества Бергштрессер был, конечно, не в состоянии. Весь его рецепт свелся к тому, что крестьянам следует жить большими семейными общинами, специализируя своих членов в разных видах деятельности: «Всего выгоднее для здешних крестьян жить большими семействами, чтобы зани-

маться разными родами промышленности, тогда одни, занявшись земледелием, обеспечивают пропитание, другие же звериною, птичьей и рыбной ловлями приобретают доход для общих потребностей, а третьи, живя постоянно по промыслам в городах, присылают деньги на уплату податей; в случае неудачи в одном занятии поддерживает другое, и всегда такое семейство может быть обеспечено». Внешне это соответствовало действительности, но существо процесса, состоявшее в начавшемся экономическом и социальном расслоении деревни, осталось скрытым от наблюдателя.

Бергштрессер в общем сочувственно отозвался об олонечких крестьянах, отмечая их «хорошие природные дарования»; упомянул о некоторых деталях материальной культуры — об особенностях местных поселений, домостроительства, о пристрастии к вышиванию, об отдельных обычаях. Однако, поскольку, как мы уже говорили, этнографическая сторона быта местных жителей его почти не интересовала, он обращался к ней, так сказать, по обязанности. Эти сюжеты затронул другой писатель, о котором следует рассказать отдельно.

Василий Андреевич Дашков (1819—1896) родился в Рязанской губернии. Получив хорошее домашнее воспитание и окончив курс в Московском университете, Дашков делает «блистательную» служебную карьеру. И это не удивительно — Дашков принадлежал к древнему российскому дворянскому роду. Еще не старым человеком он получил высший гражданский чин — действительного тайного советника.

Но в его биографии есть и другая сторона, у него были и другие интересы. Дашков воспитывался в деревне, а потом в Москве, где в то время были сильны русофильские (и славянофильские) настроения. Благодаря этому в нем пробудился острый интерес к истории, культуре и быту славянских народов (и в первую очередь русского), который привел студента Дашкова в 1836—1840 годы в Карелию, в Петрозаводск, где в ту пору Олонецким губернатором был его дядя. Интерес к жизни и быту народа со временем превратился в страстное увлечение этнографией.

В 1867 году в Москве была устроена Русская этнографическая выставка, в организации (и финансировании) которой Дашков принял деятельное участие. По его инициативе материалы этой выставки были переданы в Румянцевский музей

и послужили ядром для созданного в его рамках Дашковско-го этнографического музея. В коллекцию вошло 288 художественно выполненных манекенов, изображающих представителей разных народов России и сопредельных славянских стран; около 450 различных народных костюмов; около 1200 разнообразных предметов быта и т. д. Для обработки исследования этого материала Дашков сумел привлечь талантливого ученого — В. Ф. Миллера (впоследствии академика), который составил и в 1887—1895 годы выпустил в свет четыре тома под общим заглавием «Систематическое описание Дашковского этнографического музея». Став директором Московского публичного и Румянцевского музеев, Дашков сумел сплотить вокруг себя группу молодых этнографов, выпускавших «Сборники антропологических и этнографических статей о России и странах, ей прилежащих», которые как и журнал «Этнографическое обозрение», издавались на его средства.

Сам Дашков писал не много. Его единственное крупное сочинение — «Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении», изданное дважды — в 1841 году в «Журнале министерства внутренних дел» (№ 11, 12) и в 1842 году — в Петербурге отдельной книгой.

Дашков провел в Олонецкой губернии два года (не считая приездов в бытность студентом на летние каникулы). Это время он посвятил сбору фактических данных о губернии. Источники, из которых он черпал эти материалы, разнообразны. Как родственник губернатора он имел доступ ко всем документам; отчасти учел он и труды своих литературных предшественников (так, работа К. Ф. Бергштрессера была ему известна). Однако многое из того, что вошло в его книгу, Дашков наблюдал сам и в результате обогатил свое сочинение, что называется, зарисовками с натуры.

Несмотря на то, что у него были предшественники, Дашков, по-видимому, все же ощущал себя научным первооткрывателем края. Поэтому он включил в свое описание почти все традиционные разделы, присутствующие обычно в сочинениях этого жанра: географическое положение, административное деление, сведения по местной истории, характеристика природы и т. п.

Повинуясь требованиям выработанного до него стандарта, Дашков в то же время стремился превзойти своих предше-

**ОПИСАНИЕ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ ВЪ
ИСТОРИЧЕСКОМЪ, СТАТИСТИЧЕСКОМЪ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕ-
НІИХЪ.**

(Описание.)

Представитъ общее обзоръ
края, и разсмотритъ его теперь и

**І.
АРХАНГЕЛЬСКІЕ КАРЕЛЫ).**

Изъ русской истории Карелы под
1143 году казны, по словесамъ г-на
ша на Фин. другое финское на

О П Ы Т Ъ

ОПИСАНИЯ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ.

СТАТИСТИЧЕСКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

КАРЕЛИИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Данные, заключенныя въ предлагаемомъ очеркѣ, собраны
слѣдующимъ образомъ:

1) О народонаселеніи, по сословіямъ, возрастамъ, вѣрностно-
занятію и грамотности, извлечены изъ листовъ, посредствомъ
которыхъ произведено народноисчисленіе въ уѣздѣ Архангел-
ской губернии

2) Число строений, разнаго свойства, судось «изъ тѣхъ же ли-
стовъ».

ПОВѢДКА

ОБОНЕЖЬЕ И КОРЕЛУ.

СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КОРЕЛЫ.

Общая площадь.

7.353 души муж. пола, женщ.
го 16.703 души. По сословіямъ
государственныхъ крестьянъ
имѣютъ имѣній чинцовъ 6 чел.,
и 34, сѣновой 9 ч. и душо-

КЕМСКІЙ УЕЗДЪ.

Во 1852 году).

Уездъ в пространствѣ.

Архангельской

Возникъ
году съ
Онеж.
озеромъ
Киево-
страи
роты,
Грэн

Самыя
малыя, по
малыя
Они ет

Отдельные издания XIX века о Карелии.

стенников полностью описания. Он сообщает сведения о социальном и национальном составе населения губернии, о хозяйстве и промыслах крестьян, особо отмечает отходничество и лесозаготовки, высокое развитие в крае судостроения (в 1834 году одно из таких судов [галиотов.— В. П.] доходило до Америки); подробно характеризует состояние различных домашних крестьянских промыслов, торговли, путей сообщения и т. д. Автор составил хорошие поездные описания и, так сказать, нарисовал «портреты» городов губернии — Петрозаводска, Олонца, Пудожа, Повенца, Каргополя, Лодейного Поля и Вытегры. Кратко изложена им и история местных металлургических казенных и частных заводов. Интересно, что именно в записи Дашкова мы впервые встречаем местное предание (впоследствии много раз пересказанное другими авторами) о приезде в Петрозаводск, на Александровский завод, А. В. Суворова — факт, действительно имевший место.

Все эти разнообразные данные по большей части заслуживают доверия. И тем не менее, читая книгу Дашкова (написанную добротной прозой, а местами даже живо и изящно), невозможно отделаться от двух ощущений, предостерегающих от безоглядной веры автору. Первое состоит в том, что книга написана с позиции, так сказать, «просвященного дилетантизма»: описания автора нередко довольно поверхностны. Второе — обусловлено его классовой позицией. Молодой барин, будущий действительный тайный советник явно преувеличивает, когда говорит, что в Олонецкой губернии «зажиточные крестьяне» встречаются «весьма часто». Критически следует оценивать и такие его заявления: «где прежде с трудом пробирался пешеходец, там теперь смело можно ехать в экипаже». Олонецкий крестьянин временами казался Дашкову «грубым»; рязанскому помещику с университетским образованием было трудно примириться с его «гордо-вежливыми поклонами», с «нежеланием отвечать на сделанные ему вопросы».

Но есть в книге раздел, есть такой аспект наблюдений, где автор действительно — первооткрыватель и где можно верить почти каждому его слову. Этот раздел посвящен этнографии.

Этнография как наука переживала в ту пору период своего становления. Ее предмет, метод и теория еще не были выработаны. И Дашков — в полном соответствии с духом времени и уровнем развития науки — понимал под этнографией

знания о фольклоре, преданиях, верованиях, обычаях, то есть о духовной культуре, хотя отметил и ряд важных деталей, относящихся к области культуры материальной. Дашков выступил как этнограф-«полевик», этнограф-собираатель.

Из любопытных деталей материальной культуры Дашкову бросились в глаза средства защиты от комаров — кукели и ручная однополосная нарта — керезка, заимствованная у лопарей.

Опровергая свои собственные утверждения о богатстве и благоденствии местных жителей, автор так описывает их пищу: «рыба да лепешки, перемешанные с древесною корою, составляют обыкновенное кушанье крестьян... Мне случалось быть в самых отдаленных местах губернии, в дикой Карелии. Там по дорогам верстовых столбов нет, а всегда можно узнать, как близко селение, по обнаженным соснам, с которых кора снята жителями для употребления в пищу. Чем ближе селения, тем более таких деревьев».

Очень ценны сведения об обрядовой жизни крестьян. Дашков подробно описал местный свадебный обряд — сватовство, состав действующих лиц церемонии, «княжеский» стол у жениха, обрядовую баню и т. п., отметив немало интересных деталей, например, обычай обвертывать жениха рыболовной сетью. Заслуживает упоминания записанный Дашковым обряд, сохранившийся от давних языческих времен, — общественные (целой деревней) поминания предков.

Дашков опубликовал в своей книге более двадцати текстов русских народных свадебных, лирических и хороводных песен, а также причитаний. Кроме того, он обратил внимание на некоторые местные предания, относящиеся к весьма ранним этапам истории. Среди них — поэтическая легенда о Девичьем острове: «На Онеге есть остров в пяти верстах от села Деревянного, называемый Девичьим. Предание говорит, что название это получил он во время литовских набегов. Толпа неприятелей, ограбив соседние деревни и схватив одну девушку, связала ее в лодке и отправилась праздновать на вышеуказанный остров. В то время как литовцы предавались пиршеству, пленница их, качая лодку, заставила ее отплыть от острова. Литовцы не обращали на то внимания, полагая, что добыче их спастись невозможно; между тем лодку принесло к берегу, и девица спаслась. Предание не говорит, что сделалось потом с шумною толпою; присоединяет только, будто на острове находятся клады, зарытые некогда литовца-

ми». О мужестве, смелости и решительности карельских крестьян повествуют и другие предания, записанные Дашковым.

И наконец, Дашков одним из первых отметил отдельные диалектные особенности олонецкого наречия русского языка, а также, хотя и кратко, сообщил о некоторых бросающихся в глаза грамматических чертах карельского языка и опубликовал список из 84 карельских слов с их переводами.

Определяя роль Дашкова в ряду исследователей Карелии, перечитывая его книгу, невольно убеждаешься в том, что ему удалось осветить такие стороны местной жизни, которые до него оставались в тени, а его труд является первым специальным описанием по этнографии края. Яркие жизненные зарисовки крестьянского быта, довольно точное воспроизведение фольклорных текстов, неподдельный интерес к народной жизни, добротный, выразительный стиль изложения, — вот что составляет достоинство его сочинения.

Иван Ильич Пушкарев (1808—1848) не бывал в Карелии, а свое сочинение об Олонецкой губернии составил, опираясь почти исключительно на письменные источники. Но обойти молчанием труд И. И. Пушкарева невозможно: он интересен как литературный памятник эпохи и важный источник сведений о Карелии, а его автор — как представитель определенного слоя тогдашней русской интеллигенции.

Пушкарев происходил из обедневших дворян Симбирской губернии. Окончив гимназию, он рано познал бессмысленный труд и скудный быт мелкого чиновника. Юноша увлекается поэзией, но жизнь мелкого провинциального чиновника, как он считает, не дает раскрыться его таланту. Он оставляет службу в Симбирске и, полный честолюбивых надежд, едет в Петербург (1834 г.). Когда увлечение поэзией проходит, им овладевает другая страсть — к научной работе.

В 1836 г. Пушкарев становится членом-корреспондентом статистического отдела Министерства внутренних дел. Его трудолюбие и продуктивность поразительны. С некоторых пор в его голове созревает грандиозный замысел: он задумал — не больше и не меньше — как составить погубернское историко-географическое описание всей России! Пушкарев привлекает к этой работе И. М. Геденова, который, впрочем, сосредоточивается преимущественно на издательских делах. В 1844 году Пушкарев выпускает первую книгу первого тома

намеченной серии (ее общее название «Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношениях») — «Новгородская губерния»; в 1845 году из печати выходят вторая и третья книги первого тома — «Архангельская губерния» и, особенно для нас интересная, «Олонецкая губерния». В том же году (но вне серии) печатается «Краткое историческо-статистическое описание Санкт-Петербургской губернии». И наконец в 1846 году выходит в свет «Описание Вологодской губернии», но на этом публикации прекращаются; Пушкирев заболевает и более не в состоянии продолжать работу.

По своему профессиональному уровню «Олонецкая губерния» Пушкирева выгодно отличается от «описаний» его предшественников. Положенные в ее основу источники — это различные материалы статистического отделения Министерства внутренних дел и иных государственных архивохранилищ, к которым автор по своему служебному положению имел доступ; это печатные источники и сведения, полученные от местных корреспондентов. Помимо богатства использованных данных, сочинение Пушкирева имеет то неоспоримое достоинство, что он открыто указал, откуда заимствовал те или иные сведения.

Пушкирев своей книгой не открыл нового жанра научной прозы, не внес чего-либо свежего в методологию составления погубернского описания, одним словом, он шел по уже проторенному пути. Но он уточнял данные, собранные другими, исправлял допущенные ими неточности, суммировал выявленные факты, а главное — стремился уже известные сведения осветить с позиций входившей тогда в моду статистики.

Во времена Пушкирева статистика была еще чисто описательной наукой, ее математический аппарат укладывался в рамки первых четырех действий арифметики, а статистическая служба в стране, насаждавшаяся сверху, должна была служить интересам правящего класса. Пушкирев в общем был с этим солидарен. Но, разделяя иллюзию многих современников, будто правительство намерено принять меры к улучшению народной жизни, он старался «проливать свет на стояние и истинные потребности народа» и делал это умело и старательно.

Главный предмет описания «Олонецкая губерния» — хозяйственная жизнь сельского населения губернии. Здесь Пушкирев знаток, и к каждому его сообщению стоит присмотреться и историку, и этнографу, и социологу. Пушкирев не ограничи-

вался лишь качественной характеристикой, ему хочется, где это возможно, дополнить ее количественными показателями. Если К. Ф. Бергштрессер указывал на примерное равенство полевых и подсечных участков, то Пушкиреву это кажется недостаточным, и он уточняет: «Пахотной земли в губернии (по генеральному межеванию) 256 496 дес., под старыми полями 185 851 дес., а под лесосеками или палами около 70 645 дес.». Соотношение, как видим, несколько иное. Бергштрессер довольствовался сообщениями «компетентных лиц», а Пушкирев не поленился подсчитать сам.

Автор избегает каких-либо выводов из приводимого им материала, он предельно эмпиричен, сообщая читателю только факты. Но факты кричащие... Чего стоит, скажем, такое сообщение, помещенное после описания общей картины урожайности сельскохозяйственных культур: на душу населения приходится не более 1 четверика¹ зерновых в год, «Реза составляет у крестьян — после хлеба и рыбы — важнейшую пищу». Падает животноводство: Пушкирев помещает таблицу численности скота в губернии в 1842—1844 годах, из которой видно, что сокращается поголовье лошадей, крупного рогатого скота и овец.

Пушкирев приводит внушительные суммы налогов, взимаемых с населения (590 тыс. руб.), различных сборов — на содержание почт, дорог, мостов, полиции и т. д.

Приписные крестьяне к тому же обязаны были выполнять работы для металлургических заводов, а ведь «для исправления одной работы или урока потребно времени от 6 до 15 дней».

Способы добывания крестьянами денег на уплату податей и покупку привозного хлеба практиковались разные. В Шелтозерской и Рыборецкой волостях крестьяне занимались каменотесным промыслом, в Толвуйской — плотницким, в Кижской — столярным, в северной части Повенецкого уезда — изготовлением канатов и веревок, свитых из бересты, и т. п. Многие бедняки работали в сезон на водном транспорте — на реках Свири и Ояти. Зажиточная, кулацкая, часть деревни и городского мещанства вкладывала имеющиеся средства в мелкую кустарную промышленность.

С нуждою справлялись не все крестьяне, многим не удавалось свести концы с концами. И вот результат: «Нищих зимою

¹ 1 четверик — 26,2 литра.

является в городах много... преимущественно из финляндцев и корелов...»

Убийственны содержащиеся в книге Пушкарева показатели состояния просвещения и медицинского обслуживания. Единственной губернской библиотекой состоявшей из 955 томов, могли пользоваться только чиновники. Издавалась газета — «Олонецкие губернские ведомости», имевшая всего 55 подписчиков. Работало несколько средних школ, в которых училось менее 2 тысяч детей чиновников, духовенства и лишь несколько крестьянских ребятишек. «Всех врачей в губернии, определенных от правительства, 12».

Три разных сочинения, три автора и три судьбы. Эти люди вряд ли встречались в жизни. Разные пути привели их к карельской теме. С неодинаковых позиций и точек зрения описали они Карелию. Однако, вместе взятые, они составили определенный этап в истории изучения края.

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА

Пореформенный период в истории России проходит под знаком бурного развития капитализма. В течение нескольких десятилетий в стране осуществлялись огромные социально-экономические сдвиги, освободительное движение вступило в новый, разночинский, этап.

Развитие капиталистического хозяйства, рост больших городов, создание новых путей и средств сообщения — все это повышало спрос на кадры подготовленных специалистов, способствовало дальнейшему развитию науки. Помимо восьми действовавших университетов, возникает ряд высших технических учебных заведений, научных обществ и учреждений. Характерной чертой второй половины века стал могучий подъем естественных наук.

Хотя окраинные районы страны все эти изменения затрагивали в значительно меньшей степени, нежели промышленный центр, тем не менее и здесь наблюдались существенные перемены. В частности, в Карелии они сказывались не только в растущем расслоении крестьянства и росте отходничества, но и в расширении объема лесозаготовок, строительстве новых лесопильных заводов. С начала 60-х годов было установлено регулярное пароходное сообщение между Петербургом и Петрозаводском, а несколько позднее открылись линии Петрозаводск—Повенец и Вознесенье—Пудож. В последней трети века портовыми селениями стали Сорока, Кемь, Ковда и Кереть, что способствовало развитию экспорта леса за границу.

Во второй половине XIX века значительно активизируются и научные исследования края. С полным основанием известный русский ученый Е. В. Барсов писал: «Олонецкая губерния справедливо в последнее время стала обращать на себя внимание людей науки. Начиная от недр земных до верха человеческого сознания и от граней холмов вековых до бесчисленного разнообразия животной жизни, здесь все представляет глубокий интерес для изучения».

С 60-х годов Карелию почти каждый год посещают различные экспедиции. Диапазон их действий значительно расширяется и углубляется. В орбиту исследований попадают почти не затронутые ранее Повенецкий и Пудожский уезды, районы Карельского Беломорья. Теперь уже не только геологи изучают край (хотя геологических исследований по-прежнему проводится больше, чем других), но эпизодические в прошлом поездки этнографов, фольклористов, зоологов и представителей других наук становятся регулярными. В «Олонецких губернских ведомостях», в разделе местной хроники, все время печатаются информации о «прибытии партии ученых», «ученых экспедиций» и отдельных исследователей.

Существенно меняется и характер исследований. А. А. Иностранцев кладет начало подлинно научному изучению недр Карелии, П. Н. Рыбников открывает здесь неисчерпаемую сокровищницу народного творчества, К. Ф. Кеслер ведет углубленные исследования ихтиофауны края, И. С. Поляков занимается комплексным изучением природы и культуры. Наряду с отдельными статьями появляются и обширные монографии, написанные на уровне современной науки.

Большую роль в организации научных исследований на территории Карелии во второй половине прошлого века сыграли различные научные общества, и прежде всего Санкт-петербургское общество естествоиспытателей и Русское географическое общество.

Общество естествоиспытателей было создано при Петербургском университете в конце 1868 года. В его состав входили крупнейшие русские ученые. Три отделения Общества — минералогии и геологии, ботаники, зоологии — проводили публичные лекции, устраивали собрания, на которых обсуждались научные сообщения и доклады, регулярно выпускали объемистые ученые труды. Усилиями первого президента Общества, ректора Петербургского университета профессора

Карла Федоровича Кесслера и сменившего его на этом посту известного русского ученого-ботаника и общественного деятеля Андрея Николаевича Бекетова удалось создать необходимую базу для систематической организации экспедиций и экскурсий. Их задача, как записано в уставе Общества, заключалась в том, чтобы осуществлять «ученые исследования и собирание естественно-исторических предметов». При этом имелось в виду изучение, в первую очередь, совершенно конкретного района. Один из пунктов устава, определяющий цели Общества, гласит: «...содействовать исследованию природы России, преимущественно в полосе ее, лежащей в бассейнах Балтийского и Белого моря и Ледовитого океана».

Начиная с весны 1869 года, когда отправилась в путь первая комплексная экспедиция к Белому морю (в ее составе были два зоолога — В. Э. Иверсен и Ф. Ф. Яржинский, ботаник А. Ф. Соколов и геолог А. А. Иностранцев), исследователи, командируемые Обществом естествоиспытателей, почти ежегодно посещали Олонецкую и Архангельскую губернии.

Неоднократно бывали в Карелии и посланцы Русского географического общества, которое координировало усилия географов, этнографов, картографов и геодезистов.

Географическое общество имело значительно более широкий территориальный диапазон исследований. Расширение границ России и необходимость хозяйственного освоения ее огромных пространств вызвали многочисленные экспедиции в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию. Эти исследования, как и экспедиции за пределы государства, поглощали много средств и потому районы Европейской России и Русского Севера привлекали меньше внимания руководителей Общества. Но все же ряд экспедиций был организован, причем особенно активную деятельность в Карелии развернуло этнографическое отделение.

Несколько экспедиций в Олонецкую губернию направили Русское минералогическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Московское археологическое общество, Финляндское общество естествоиспытателей, отдельные министерства и ведомства.

Нельзя не отметить также роли Олонецкого губернского статистического комитета и Общества изучения Олонецкой губернии. Статкомитет, помимо своей прямой обязанности — сбора статистических сведений, организовал ряд экспедиций по выявлению различных исторических материалов и экспона-

тов для созданного в Петрозаводске музея и естественно-научных исследований. На одном из заседаний в 1862 году Статкомитет справедливо отметил, что «все существующие карты Олонецкой губернии отличаются замечательной неверностью и неполностью», но исправить положение дел ему не удалось, хотя была даже организована специальная экспедиция с этой целью. И еще много лет спустя исследователи будут дружно сетовать на грубейшие ошибки в картах Олонецкого края.

Общество изучения Олонецкой губернии, созданное уже в XX веке (в 1913 году), считало своей обязанностью разностороннее изучение края и популяризацию работ предыдущих исследователей: «труды почтеннейших ученых не должны забываться, и вложенные в них капиталы ума и знаний должны приносить проценты, а не лежать мертвым грузом». Общество издавало журнал, который выходил восемь раз в год. Почетными членами Общества состояли академики А. П. Карпинский и Ф. Н. Чернышев, профессор А. А. Иностранцев. Однако деятельность Общества была непродолжительной и существенных результатов ему добиться не удалось.

Наконец во второй половине XIX века значительно увеличилось количество путешественников, не ставивших своей целью специальные научные исследования. Одни были наслышаны о красоте северной природы и водопаде Кивач, других привлекала в Карелию богатая охота, третьих — возможность увидеть и услышать замечательных народных сказителей. После возвращения они не писали ученых трактатов, но многие выступали в печати с путевыми заметками, а иногда и с целыми книгами, содержащими множество живых наблюдений и впечатлений о жизни местного населения, его труде и быте, о городах края, о радостях и трудностях своих поездок. Эта литература довольно обширна и представляет несомненный интерес, тем более, что в числе авторов такие писатели, как М. Пришвин, С. Максимов, К. Случевский.

В этой книге речь идет о «приезжих» исследователях Карелии. Но нельзя не упомянуть и о том, что многим из них большую помощь оказывали карельские краеведы — К. Гинтер, А. Бордзынский, Н. Шайжин, И. Благовещенский и другие, отлично знавшие край и немало сделавшие для его изучения.

Значительный вклад в изучение Карелии во второй половине XIX — начале XX века внесли политические ссыльные. Из

ссылных разночинского периода прежде всего должен быть упомянут Павел Николаевич Рыбников, живший в Петрозаводске с 1859 по 1866 год. Пользуясь относительной свободой передвижения (он был долгое время секретарем губернского статистического комитета), П. Н. Рыбников сыграл выдающуюся роль в собирании и изучении местного народного творчества, сделав его достоянием русской и мировой фольклористики. Как секретарь статкомитета, он во многом содействовал организации экспедиций, помогал приезжавшим в Карелию исследователям. В эти же годы в ссылке в Архангельске находил-

Н. С. Шайжин.

ся этнограф Павел Платонович Чубинский, изучавший, в частности, жизнь и быт карел беломорской Карелии. Небольшими ботаническими исследованиями в Повенце занималась отбывавшая здесь ссылку Евдокия Семеновна Ивановская, будущая жена писателя В. Г. Короленко.

На рубеже XX века, в эпоху нового, пролетарского, периода освободительного движения, Карелия стала местом, где отбывали ссылку многие большевики и в их числе соратник В. И. Ленина, будущий активный участник Октябрьской революции и социалистического строительства, Константин Сергеевич Еремеев. В повестях, статьях и очерках, написанных на материале жизни крестьян и рабочих края, он поднимался до широких социальных обобщений и разоблачения сущности эксплуататорского строя. В 1904—1905 годах в карельском селе Ведлозере, а затем в Олонце находился в ссылке известный ныне ученый академик Станислав Густавович Струмилин, в воспоминаниях которого немало интересных деталей

С. Г. Струмили́н.

о жизни местного населения. В годы революционного подъема секретарем Поморского отделения Архангельского общества изучения Русского Севера был сосланный в Сумский Посад Александр Александрович Каменев, в дальнейшем председатель Поморского Совета, зверски убитый интервентами в Кемии в 1918 году. А. А. Каменев опубликовал ряд статей о Поморском крае, в которых горячо защищал интересы рыбаков-поморов.

Интерес к жизни и судьбе народа, гневное обличение его угнетателей — отличительная черта всего краеведческого наследия политических ссыльных, находившихся в Карелии.

Таким образом, со второй половины прошлого столетия не только изменяется характер исследований, но и существенно расширяется круг его участников.

Немалую роль в том, что количество научных экспедиции и путешественников с начала 60-х годов возросло, сыграло пароходное сообщение между Петербургом и Петрозаводском.

Летом 1860 года компания Петербургско-Волжского пароходства после долгих размышлений, вызванных неуверенностью в том, что новая линия будет в достаточной степени обеспечена пассажирами и грузами, направила в Петрозаводск пароход «Новая Ладога». На первых порах пароход не столько перевозил пассажиров, сколько буксировал баржи, груженные продукцией Александровского завода в Петрозаводске. Но уже вскоре стало ясно, что опасения компании безосновательны, и с 1862 года были установлены регулярные

еженедельные рейсы Петербург — Петрозаводск, которые осуществлялись тремя пароходами. Навигацию открывали обычно во второй половине мая и заканчивали в начале ноября.

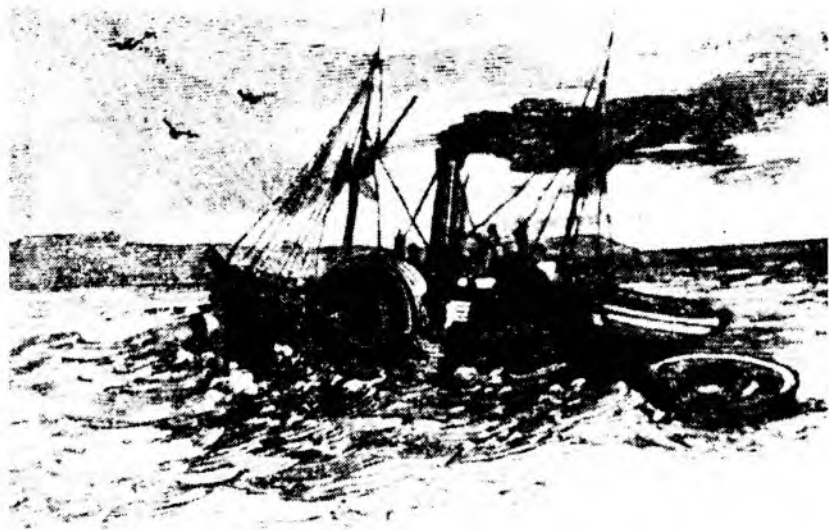
Правда, путешествие пароходом, особенно в первые годы, редко обходилось без приключений. Самым сложным участком пути считалась река Свирь. При подходе к ней на борт брали специальных лоцманов, но и это не всегда обеспечивало благополучный исход, ибо

сами лоцманы поначалу не очень твердо представляли себе, как миновать многочисленные подводные камни. Показавшего недостаточное знание дела немедленно высаживали на берег, и пароход стоял, пока не удавалось найти более удачливое проводника. Академик Я. К. Грот, совершивший поездку вскоре после открытия пароходного сообщения (он приезжал в Петрозаводск для сбора сведений о пребывании Г. Р. Державина в Олонецкой губернии), писал: «Один из лоцманов навел нас на камень, по которому корма парохода прокатилась со стуком, напугавшем все наше общество. Виновник тотчас был заменен...» Аварии случались и в дальнейшем, и не только на Свири, но и на Онежском озере. 40 лет спустя после Грота этой же дорогой ехал писатель М. Пришвин. В книге «В краю непуганых птиц» он писал о двух пароходах, потерпевших аварии после одного или двух рейсов.

И все же с введением пароходного сообщения добираться до Карелии стало значительно проще и удобнее (при бла-

А. А. Каменев.

Пароход на Онежском озере.

гополучном плавании на это уходило не многим более двух суток), и естественно, что большинство путешественников отдавало предпочтение водному пути.

Одной из первых крупных экспедиций в Карелию в 60-х годах была экспедиция профессора Петербургского университета Карла Федоровича Кесслера.

Выдающийся русский зоолог К. Ф. Кесслер был к этому времени уже сложившимся ученым, с чрезвычайно широким кругом научных интересов. Он начинал свои научные исследования как орнитолог, затем много работал в области ихтиологии, занимался пресмыкающимися и земноводными. Человек чрезвычайно энергичный, Кесслер явился организатором и участником многих экспедиций и ко времени приезда в Карелию имел не только десятки трудов, но и опыт путешествий по Украине, северному побережью Черного моря и Крыму.

В Карелию Кесслера привели два обстоятельства. Незадолго до поездки он закончил большое исследование «Описание рыб, которые встречаются в Петербургской губернии» и теперь предполагал заняться изучением ихтиофауны бассейна Онежского озера. Выбор объекта исследования опреде-

лялся тем, что в изучении рыб и рыболовного промысла в Онежском озере были сделаны только первые шаги. Лаксман и Озерецковский оставили самые общие сообщения описательного характера, а Бергштрессер и Дашков, хотя и предприняли попытки систематизации имеющихся сведений, однако, не будучи специалистами, сделали это довольно примитивно. Поэтому Кесслер с полным правом писал, что ко времени его экспедиции о рыбах Онежского озера «не имелось почти ровно никаких сведений».

Другая причина, побудившая ученого предпринять путешествие в Карелию, связана с тем, что в начале 60-х годов шведский зоолог профессор Свен Ловен выдвинул гипотезу о существовании позднеледникового морского пролива, соединявшего Балтийское и Белое моря. Основным аргументом Ловена заключался в том, что некоторые морские формы ракообразных и червей, свойственные Ледовитому океану и не встречающиеся в Атлантике, были обнаружены им в озерах Средней Швеции, а позднее были найдены в Балтийском море и в больших озерах Финляндии. Шведский ученый пришел к выводу, что эта холодолюбивая фауна могла попасть сюда только из Арктического океана, причем единственным возможным объяснением такого проникновения он считал наличие пролива, возникшего после отступления ледника с территорий, занимаемых ныне Белым морем, Онежским и Ладожским озерами. В дальнейшем, по мнению Ловена, этот пролив постепенно уменьшался в объеме и отделился от океана. Озера, оставшиеся на его месте, со временем стали пресными, а реликтовые ракообразные приспособились к новым условиям.

Гипотеза шведского исследователя вызвала огромный интерес в научном мире. Привлекла она и внимание К. Ф. Кесслера, который решил выяснить, существуют ли арктические формы ракообразных в озерах Карелии и прежде всего, в Онежском озере, самом крупном из озер, близких к Белому морю. В 1864 году он отправил на Онежское озеро для предварительного знакомства с его фауной препаратора зоологического кабинета Петербургского университета Богдановича. В ноябре 1865 года Кесслер выступил с докладом на собрании Русского энтомологического общества, в котором осветил сущность гипотезы Ловена и настаивал на необходимости исследования в этом плане северных озер страны.

К. Ф. Кеслер.

В решении данного вопроса ученый видел вторую задачу своей поездки, которую он начал в июле 1866 года. Отправным пунктом экспедиции было Вознесенье. Здесь к Кесслеру присоединился преподаватель географии и естественной истории в мужской и женской гимназиях Петрозаводска А. Ф. Борздынский, сопровождавший его затем до конца путешествия. Борздынский был не только хорошим учителем (стремясь сделать преподавание своих предметов более наглядным, он, например, ставил на занятиях химические опыты, что было в те времена большим нововведением), но и в отличие от своих коллег выступал в Петрозаводске с публичными лекциями по анатомии и физиологии. После экспедиции он написал большую статью «Естественно-исторические заметки из путешествия по Олонецкой губернии», из которой видно, что автор был знающим и наблюдательным человеком. Петрозаводский учитель оказался очень полезным участником исследований (Кесслер называет его «неутомимый спутник в экскурсиях и путешествиях»).

Из Вознесенья через Шелтозеро Кесслер и Борздынский приехали в Петрозаводск. Ознакомившись с окрестностями города и совершив непродолжительные поездки в Кондопогу и Косалму, путешественники отправились на Тивдийские мраморные ломки, затем в Лижму, Повенец, Шуньгу, Палеостровский монастырь, Кижы, Ялгубу. Кроме Онежского озера, они исследовали озеро Сандал, Укшезеро, Кончезеро и другие крупные водоемы края.

В начале августа Кесслер и Борздынский вернулись в Петрозаводск, и заключительную часть поездки Кесслер должен был проделать один, поскольку Борздынскому предстояло приступить к работе в гимназии. Однако в связи со вспыхнувшей в городе эпидемией занятия были отложены, и путешествие, на этот раз по западному берегу озера — от Петрозаводска до Вознесенья, они все же закончили вместе.

Научные результаты экспедиции были изложены Кесслером в большой монографии «Материалы для познания Онежского озера и Обонежского края», изданный в 1868 году в Санкт-Петербурге и посвященный первому съезду русских естествоиспытателей.

Основное внимание исследователя привлекали рыбы, их пища и паразитофауна — этим вопросам посвящена большая часть исследования. Ученый обнаружил в Онежском озере 44 вида рыб, дал их обстоятельное описание и изучил

распространение в различных частях озера. Это было первое научное описание ихтиофауны крупнейшего водоема края.

По мнению Кесслера, и Онежское озеро и другие большие озера и реки Карелии весьма перспективны для развития рыболовного промысла. Ученый обращает особое внимание на ценность некоторых пород и на первое место ставит палию — «замечательную и крупную рыбу», существование которой в озере «до самого последнего времени оставалось неизвестным».

Кесслер подробно останавливается на способах ловли рыб, на общем состоянии рыболовства, приводит любопытные примеры поимки четырехпудовых щук и двухпудовых налимов. Отмечая тенденцию к сокращению рыболовства («во многих местах Обонежья жалуются на уменьшение количества рыбы»), ученый объясняет это тем, что не предпринимается никаких мер к сохранению рыбных запасов. В частности, большой вред рыбоводству наносит сплав леса, о чем подробно пишет Борздынский, отмечающий, что с этим мнением «согласился г. профессор Кесслер». При сплаве бревен к лесопильням, находящимся в устьях рек, стволы не очищают от коры; после распиловки кору бросают в воду, и она уносится в заливы. «Там, пропитанная смолой и соками, древесная кора падает ко дну... Летом от теплой воды кора начинает разлагаться; из соков лубяного слоя образуется много слизистых, кислых веществ; к ним присоединяются смолистые вещества и масла, и все это, смешавшись с водой, делает ее неудобною для жизни организмов и разрушительною для их нежного тела». Отсюда исследователи делают вывод: необходимо «обязать лесопромышленников сплавливать по рекам лес, очищенный от коры в местах рубки». Кесслер пишет и о других мерах, направленных на сохранение рыбных запасов. Он предлагает прекратить вылов рыбной молодежи, не перегораживать реки плотинами, отлавливать колюшку (ее в Онежском озере «несметное количество»), уничтожающую икру ценных рыбных пород и т. д.

Обнаружил ученый в Онежском озере и тех реликтовых ракообразных, о которых писал Ловен, хотя и после этого он не решился активно выступить в поддержку теории шведского ученого, считая, что гипотеза о существовании морского пролива требует более всесторонних исследований. Кстати, Борздынский высказался по этому поводу более определенно. Он не только считал, что открытия Кесслера «придали

предположению Ловена еще большую силу», но и пытался привлечь дополнительные аргументы в его пользу, почерпнутые из анализа геологического строения местности.¹

В заключительном разделе книги — «Ознакомление с Онежским краем и его фауной» — Кесслер приводит интересные сведения о состоянии сельского хозяйства, о торговле (в частности, он подробно описывает Шунгскую ярмарку), об отхожих промыслах («Из одной Шунгской волости, в которой числится около 2800 душ, не менее 500 человек постоянно проживают в Санкт-Петербурге, где занимаются различными промыслами и ремеслами, многие, между прочим, переплетным мастерством... Из Толвуйской волости Заонежья предпочтительно выходят столяры, из Кижской волости кирпичники и плотники, из Рыборецкой — каменотесы, доходящие до Риги»), об избах и хозяйственных пристройках в местных селениях. Значительное внимание уделено фауне местных лесов и охотничьему промыслу.

Большую помощь Кесслеру оказали П. Н. Рыбников и местный краевед А. К. Гинтер. В частности, со слов Гинтера в «Материалах для познания Онежского озера и Обонежского края» приведено описание некоторых видов пиявок. От него же Кесслер получил список 658 видов бабочек, собранных краеведом в Олонецкой губернии.

Карл Федорович Кесслер, который по справедливости считается «отцом русской ихтиологии», положил начало исследованиям гидрофауны Карелии. Но мы должны воздать дол-

¹ Стремление проверить достоверность Ловеновской гипотезы и в дальнейшем привлекало в Карелию многих исследователей. Несколько лет спустя после экспедиции Кесслера зоолог Ф. Ф. Яржинский нашел не только в Онежском озере, но и в Пальзере, Выгозере и Сегозере реликтовых ракообразных, упоминавшихся шведским исследователем, и после возвращения из этой поездки выступил со статьей «Факты и индукции в защиту теории Ловена». Л. Зверинцев, обращаясь с просьбой в Географическое общество о выделении средства для изучения озер Олонецкого края, «по большей мере еще никем не исследованных», аргументировал свою просьбу тем, что такие исследования «представляют глубочайший интерес, так как способствуют разобраться в открытом вопросе о том, было ли некогда соединение обоих бассейнов (т. е. Белого и Балтийского морей.— Е. Э.), или нет». В поддержку взглядов Ловена выступал А. А. Иностранцев, возражал против них И. С. Поляков. В дальнейшем в обсуждении вопроса приняли участие зоологи, ихтиологи и, хотя дискуссия продолжается до сих пор, сторонников существования Беломорско-Балтийского пролива, по-видимому, больше, чем его противников.

жное и Кесслеру — президенту Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей.

Отделение зоологии, с которым он был наиболее близко связан, оказалось самым активным организатором исследований Карелии. Недаром в своей книге Кесслер писал: «...со времени моего путешествия меня сильно заинтересовал и самый край, и его обитатели, так что я всегда буду следить с живым участием за всем, что делается в Обонежье и на пользу Обонежья». Неоднократно отправлялись экспедиции в район Беломорья, где в 1881 году при активном участии Кесслера была создана Соловецкая биологическая станция. Сюда несколько раз приезжал известный зоолог, профессор Петербургского университета Николай Петрович Вагнер в сопровождении студентов, специализировавшихся в области зоологии, здесь проводились многочисленные исследования морской фауны. Правда, станция на Соловецких островах просуществовала недолго и в конечном итоге была вытеснена монастырем, но она сыграла большую роль в изучении Белого моря.

Изучение ихтиофауны Онежского озера продолжила экспедиция Н. Я. Данилевского (1870 год), автора многотомного исследования «Состояние рыболовства в России». Поскольку Данилевский занимался изучением состояния рыболовства в масштабах всей страны, озерам Карелии он уделил сравнительно немного места, хотя Онежскому озеру посвятил около 50 страниц.

В отличие от Кесслера, Данилевский мало интересовался описанием рыб, но зато очень подробно характеризует орудия лова и общее промысловое значение озера. По его мнению, «из общего числа онежских рыб только с небольшим 20 пород могут считаться составляющими предмет народного пропитания, а промысловое значение не более 13». Помимо официальных статистических материалов, характеризующих промысел на озере (размеры улова, сбыт продукции и т. д.), Данилевский использовал сведения, полученные от самих рыбаков. Многолетний опыт, по-видимому, приучил его относиться к этому источнику осторожно, поскольку «рыбаки любят преувеличивать как размеры уловов, так и величину рыб».

Значительный шаг вперед по сравнению с Данилевским сделал Н. Н. Пушкарев. Экспедиция Пушкарева продолжалась сравнительно недолго (август — сентябрь 1895 года), но за это

время он объехал часть западного побережья Онежского озера, от Петрозаводска через Кижы до Повенца, и восточный берег, от Повенца до Пудожской губы, включая реку Водлу от Пудожа до устья. Собранный материал был дополнен литературными сведениями и опубликован в 1900 году в обстоятельной монографии «Рыболовство на Онежском озере».

Большое внимание, уделяемое исследователями Карелии во второй половине XIX века рыболовству, объясняется ростом этого промысла, что в значительной мере связано все с тем же пароходным сообщением с Петербургом. Перед промысловиками открывалась возможность сравнительно быстрого и удобного сообщения с крупным рынком сбыта. Поэтому промысел практически начинался перед прибытием первого парохода и заканчивался с уходом последнего. Если раньше рыбу доставляли в Петербург в специальных живорыбных лодках (о них сообщает Данилевский), то теперь — пароходами, куда ее загружали в ящиках со льдом. Это было быстрее, а главное — значительно дешевле. В результате объем промыслов вырос, по подсчетам Пушкарева, примерно в полтора раза.

Сравнительно кратко остановившись на описании рыб бассейна Онежского озера (этот раздел книги основан преимущественно на исследованиях Кесслера, хотя в них внесены некоторые уточнения), Пушкарев уделяет главное внимание собственно рыболовству. Он подробно исследует нужды и перспективы онежского рыбного промысла, выдвигает ряд предложений, касающихся уменьшения загрязнения вод, введения новых рыболовных орудий, улучшения конструкции лодок. Пушкарев пишет, что необходимо ознакомить рыбаков с более совершенными приемами лова, с его, так сказать, научной организацией, основанной на знании биологии рыб и топографии озерного дна.

Наконец важной задачей Пушкарев считает дальнейшие зоологические исследования, поскольку очевидна «неполнота наших сведений по фауне Онега вообще и сбивчивость некоторых данных о населяющих его рыбах — в частности... Особенно желательным при этом является выяснение вопроса о степени богатства Онега планктоном».¹

¹ Возможно, что именно поэтому сразу после Пушкарева планктон озера, в частности Петрозаводской губы, изучал направленный сюда Обществом естествоиспытателей А. Линко.

Экспедиция Н. Н. Пушкарева была последним крупным исследованием ихтиофауны и рыболовного промысла в Онежском озере в дореволюционный период.

Медленнее развивалось гидрографическое изучение водоемов Карелии.

Материалы Н. Я. Озерецковского, положившего начало изучению озер края, долгое время оставались в сущности единственным трудом по местному озероведению. Правда, мелкие озера обследовались и после Озерецковского, главным образом в связи с изысканием рудных залежей, но это мало меняло положение дела, как не решало проблемы и появление описаний Бергштрессера и Дашкова, хотя они и дали более или менее систематизированные сведения по озерам Олонецкой губернии. Все публикации носили сугубо описательный характер, не было достоверных карт даже по крупным озерам. (К. Ф. Кесслер писал: «Мне не пришлось видеть ни одной карты, на которой острова Онежского озера были бы верно обозначены».) Отсутствие элементарной изученности Онежского озера препятствовало развитию судоходства и было причиной неоднократных катастроф. Между тем, исследование водоемов было одной из важнейших сторон изучения края, в котором, как теперь установлено, 61100 озер, с площадью зеркала около 18 тысяч квадратных километров, и 23 600 рек.¹

Естественно, что первым объектом исследования должно было стать (и стало) Онежское озеро.

В 1870 году в путешествие по озеру отправился великий князь Алексей Александрович, которого сопровождали министр путей сообщения генерал Посьет, академик А. Ф. Миддендорф, зоологи В. И. Ульянов и Ф. Ф. Яржинский. По распоряжению Посьета офицеры пароходов «Онего» и «Ижора» измеряли глубины Онежского озера. В то же время Олонецкое земство вошло с ходатайством в морское министерство об организации гидрографических работ. Вскоре была сформирована группа под руководством известного исследователя Ладожского озера полковника А. П. Андреева, и с 1874 года началось многолетнее и систематическое изучение водоема, продолжавшееся двадцать лет и завершившееся уже под руководством Ф. К. Дриженко,

¹ До самого последнего времени считалось, что в Карелии около 44 тысяч озер и 11 200 рек.

который опубликовал в 1896 году подробный отчет о работах экспедиции. (Кстати одним из ее участников был известный в дальнейшем исследователь Арктики, а в те годы еще молодой мичман А. И. Вилькицкий.)

Как видно из отчета Дриженко, итогом исследований были атлас морских карт, лоция с гидрографическим описанием озера, представленные в Министерство путей сообщения проекты освещения и ограждения озера. Таким образом, впервые были установлены правильные размеры и форма озера, а острова заняли на картах соответствующие им места. (К сожалению, многие материалы экспедиции, хранившиеся в архиве Главного гидрографического управления, в том числе не опубликованная лоция, погибли во время пожара в Ярославле в 1918 году.)

В августе 1897 года совершил первую поездку на Онежское озеро один из крупнейших его исследователей профессор С. А. Советов, опубликовавший в 1917 году книгу «Онежское озеро, опыт физико-географической монографии», содержащую подробное описание морфологии, климата, температуры воды, характеристику изменений уровня озера, ледяного покрова.

Хуже обстояло дело с изучением других водоемов края, хотя определенные результаты были достигнуты и здесь.

В 1904 году С. Н. Соколов по поручению Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии занимался физико-географическими исследованиями в Повенецком уезде. В частности, он заинтересовался местными озерами, которые, по его выражению, «представляют выдающийся интерес для лимнологов».

Поскольку карта военно-топографического отдела Генерального штаба, которой обычно пользовались путешественники, мало отличалась от карты генерального межевания 1786 года, Соколов скопировал карты земства, лесничеств, отдельных лесных участков и озер и, перепроверив их личными наблюдениями, составил орографическую карту уезда, за которую был удостоен серебряной медали Русского географического общества.

Карта Соколова решительно отличалась от карты Генерального штаба. «Целые озерные области,— писал исследователь,— отходят на моей карте к другим бассейнам, очертание и местоположение озер совершенно иное; иное направление и местоположение многих рек и, кроме того, на моей карте

нанесено много рек и озер, которых нет на карте военно-топографического отдела Главного штаба». Все названия Соколов записывал со слов местных жителей (в большинстве — карел), тогда как обычно на картах названия переводились на русский язык.

Помимо карты, следует упомянуть интересные описания некоторых озер (особенно подробно Сегозера) и населенных пунктов, в частности Сегежи.

Соколов иллюстрировал свои статьи («Об исследовании Повенецкого уезда» и «Озера Повенецкого уезда») многочисленными фотографиями. Среди них есть и фотография Сегежи. Интересно описание Сегежи: «Эта деревня, если ее можно так назвать... состоит из одного дома, обитателем которого является корел, известный под именем Иуды, с семейством. Благодаря выгодному положению его дома на большой сплавной реке и благодаря обилию окружающей местности зверями, птицами и рыбой, а также заливными лугами, его семейство всегда обеспечено всем необходимым и не терпит большой нужды. Единственное неудобство этого селения — это почти полное отсутствие к нему дорог».

Впрочем, Сегежа не была исключением. Как отмечает Соколов, Повенецкий уезд по территории больше Швейцарии, а по населению в 126 раз меньше: вместе с Повенцом в нем всего 26 тысяч жителей.

После экспедиции Соколова Географическое общество решило приступить к систематическому изучению озер Карелии. Выполнение этого плана несколько задержалось, и начало его осуществления положила экспедиция В. Ф. Пиотровского и Б. П. Дитмара, прибывшая в Петрозаводск летом 1911 года. В течение двух лет Пиотровский и Дитмар обследовали ряд озер Кончезерской группы — Кончезеро, Укшезеро, Падозеро, Габозеро и другие. Они провели съемки, промеры, барометрические наблюдения. Их исследование «К лимнологии Петрозаводского уезда Олонецкой губернии» было отмечено малой золотой медалью Русского географического общества.

Таким образом, общий объем лимнологических исследований был сравнительно невелик. Крупный специалист в области озероведения академик Л. С. Берг, отмечая в 1922 году, что озера страны изучены недостаточно, с полным основанием писал: «Так обстоит дело, например, с некоторыми частями Олонецкой губернии — положение, в котором в настоя-

щее время находятся разве только некоторые области Тибета или Центральной Африки».

К концу XIX — началу XX века относится ряд исследований энергетических возможностей карельских рек. Первые работы в этом направлении велись на реке Суне, куда было направлено несколько экспедиций. Руководитель одной из них (1901 года) инженер А. Н. Митинский, утверждавший, что «сила Кивача, Пор-Порога и Гирваса может быть утилизирована», представил конкретный план создания установки в 500—1000 лошадиных сил для передачи энергии в Петрозаводск (в столице губернии электричества в это время еще не было). Но предложение Митинского не встретило поддержки, так как его реализация была признана слишком дорогостоящей. Не имели реальных последствий и проводившиеся в 1912 году инженером А. Н. Преженцевым исследования рек Кеми и Сегежи.

Исследователи флоры Карелии во второй половине XIX века находились, пожалуй, в наиболее трудном положении: они не получили почти никакого научного наследия от предшествующего периода. Поэтому те изыскания, которые проводились в пореформенные десятилетия, носили преимущественно разведывательный характер и заключались, как правило, в составлении флористических списков растений различных районов края. При этом территория исследований была ограничена южной и средней Карелией, северные же районы оставались почти не затронутыми.

Первоначально широкие экспедиционные планы были у отделения ботаники Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Сразу же после возникновения Общества в Беломорскую Карелию отправился А. Ф. Соколов, собравший в 1869 году большую коллекцию «семенных» растений, лишайников и морских водорослей. Летом 1870 года на Карельский перешеек был командирован И. Ф. Шмальгаузен. Однако затем дело приостановилось. Несколько экспедиций в Карелию, намеченных на 70-е годы, были отменены, а вслед за тем в течение долгого времени они даже и не планировались.

Первая крупная работа по флоре Карелии, появившаяся в «Трудах общества естествоиспытателей», относится к 1880 году. Это были «Материалы к флоре Обонежского края» А. К. Гинтера.

Об Александре Карловиче Гинтере следует сказать особо. Скромный провизор при аптеке Александровского завода в Петрозаводске, затем смотритель госпиталя и, наконец, окружной лесничий при горнозаводских дачах Олонецкой губернии, человек, страстно влюбленный в северную природу, он в течение 20 лет совершал регулярные поездки по Карелии, отдавая дань своим ботаническим, энтомологическим и орнитологическим увлечениям. Многие экспонаты созданного в 1873 году в Петрозаводске музея (он назывался «Олонецкий естественно-промышленный и историко-этнографический музей» и Гинтер заведывал им с 1889 года), среди которых были гербарии, коллекция насекомых, насчитывавшая более 1000 экземпляров, коллекции яиц лесных и болотных птиц, минералов и орудий каменного века, были собраны им лично или приобретены на собственные скромные средства. Гинтер отлично знал край, и недаром многие исследователи и путешественники поминают его добрым словом — он не только помогал советами, но и охотно делился собственными наблюдениями. Научные заслуги Гинтера были отмечены избранием его действительным членом Общества естествоиспытателей и Энтомологического общества.

Начиная с 1863 года, когда по поручению Олонецкого губернского статистического комитета Гинтер предпринял ряд поездок в окрестности Петрозаводска и по островам Онежского озера, и до смерти в 1889 году продолжал свои исследования этот замечательный карельский краевед. Характерно, что в некрологе, написанном другим видным карельским краеведом И. И. Благовещенским, наряду с научными заслугами Гинтера, отмечалось, что «благодаря основанным на научных данных указаниям Гинтера не по один год удалось предотвратить разорительные последствия от появления червей и насекомых, вредивших сельскохозяйственным растениям (например, в 1871, 1876, 1880—1883 и 1887 годах)¹».

Первые итоги своих работ Гинтер опубликовал в 1867 году. Уже тогда в одном из отчетов он, в частности, писал: «Сколько скрытых сокровищ еще находится в нашей Олонецкой губернии, ожидая вызова к жизни... Как мало сделано еще для ботаники и зоологии, вижу я теперь из трудов Финляндского общества естествоиспытателей, которые насчитывают

¹ К сожалению, Благовещенский не сообщает о существовании предложений Гинтера.

в нашей губернии только 142 вида явнотрачных растений, а я, напротив того, в окрестностях Петрозаводска нашел уже 286 видов».

Постепенно расширяя район исследований, Гинтер объехал все Обонежье. В ходе поездок он собирал различные коллекции, но основная цель заключалась в ботанических изысканиях. Гинтер не только составлял общий флористический список, но интересовался лечебными растениями, используемыми народной медициной, записывал поверья, связанные с теми или иными растениями. Вот одно из них: «Особенно красивый вид мха,

так называемые королевские кудри, слывет волшебным средством между прекрасным полом в народе; девушки, которые найдут и носят его, будут счастливыми, т. е. выйдут скоро замуж. К несчастью это волшебное средство встречается не часто».

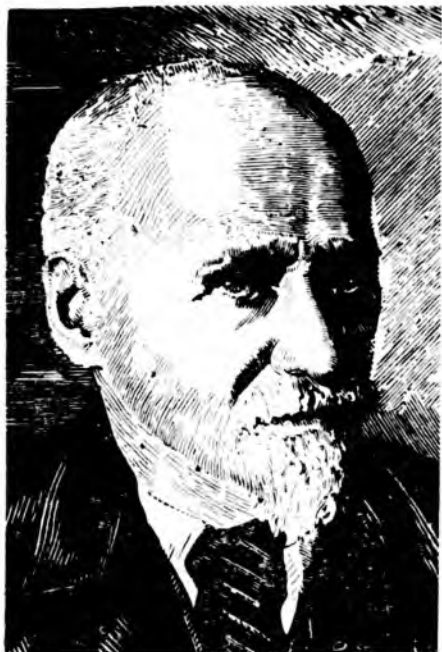
Во время поездки в Повенец Гинтер познакомился с отбывавшей там ссылку Е. С. Ивановской. Собранный ею в окрестностях Повенца гербарий из 75 растений был в дальнейшем снабжен определителем, сделанным известным ботаником Х. Я. Гоби и опубликован в качестве дополнения к исследованию Гинтера.

Итогом экспедиций Гинтера явились уже упомянутые «Материалы к флоре Обонежского края», в которых приводится первый более или менее полный список высших сосудистых растений Обонежья, насчитывавший 619 видов.

Для изучения флоры Карелии Гинтер сделал больше, чем все предшествующие исследователи вместе взятые. Его список, в частности, значительно полнее, чем списки финских

Е. С. Ивановская.

В. Л. Комаров.

ученых, несколько раз приезжавших в эти годы в Олонецкую губернию для «исследования специально царства растений и вообще по естествоиспытанию». Правда, следует отметить, что финские ботаники интересовались прежде всего северо-западной частью края, примыкавшей к Финляндии, а растительностью Обонежья они занимались значительно меньше.

В начале XX века Общество естествоиспытателей организовало ботаническую экспедицию в Повенецкий уезд. В июне 1901 года туда выехал на два месяца Е. И. Исполатов, цель поездки которого заключалась в исследовании местной флоры.

В нескольких статьях, опубликованных после путешествия, Исполатов привел список важнейших растений (и их карельские названия), относящихся к группе, которую именует как «флора первобытная, возникшая независимо от воздействия человека» (леса, болота, воды, побережья рек и озер, скалы и т. д.). Ботанико-географический обзор перемежается многочисленными описаниями природы, жизни и быта населения.

Через несколько лет после экспедиции Исполатова Общество естествоиспытателей организовало исследование флоры берегов Онежского озера, от Петрозаводска до Повенца (их подробно описал участник экспедиции Э. К. Безайс). Поездка продолжалась, как обычно, около двух месяцев, в течение которых систематически описывались все растения побережья. Любопытно, что, приехав в Карелию, участники исследований вначале «делали пробные экскурсии по окрестностям

Петрозаводска под руководством В. Л. Комарова», который знакомил их с местной флорой.

Будущий президент Академии наук СССР, а в те годы — приват-доцент кафедры ботаники Петербургского университета, Владимир Леонтьевич Комаров в 1906—1909 годы неоднократно приезжал в Карелию со студентами для изучения растительности побережья Онежского озера. В 1907 году ученый принимал активное участие в обсуждении вопроса о переводе Бородинской биологической станции, находившейся тогда на Вологодском озере, в Олонецкую губернию. Комаров присоединился к группе зоологов, считавших, что необходимо организовать стационарные исследования озер карельского края. Однако тогда этот проект был отвергнут из-за отсутствия средств и трудностей сообщения с Петербургом. Его удалось осуществить только через 20 лет, когда Бородинская биологическая станция по предложению правительства Советской Карелии, поддержанному Академией наук СССР была переведена в Кончезеро.

Изучение зоогеографии Карелии во второй половине XIX века связано с именем Ивана Семеновича Полякова (1846—1887 гг.) — одной из самых колоритных фигур среди исследователей края.

Сибиряк, сын простого казака и крестьянки-бурятки, Поляков был человеком на редкость одаренным. После окончания приходского училища в Иркутске он попал в солдаты, был денщиком у П. А. Кропоткина — тогда казачьего офицера, а в дальнейшем известного географа и путешественника. Там же, в Сибири, Поляков приобрел начальные навыки исследовательской работы, участвуя вместе с Кропоткиным в экспедициях в Восточные Саяны и Нерчинский край, где собирал гербарии растений и коллекции каменных орудий первобытных людей.

В 1870 году Поляков переехал в Петербург. Здесь он надолго связал свою судьбу с зоологическим музеем Академии наук, где был сначала консерватором, а затем, после защиты магистерской диссертации — ученым хранителем.

В функции консерватора входило и пополнение музейных экспонатов, что предполагало участие в соответствующих экспедициях. Зимой 1871 года Поляков обратился в Географическое общество с предложением организовать экспедицию по

изучению Ладожского озера с очень широкой программой исследований. Однако при обсуждении его доклада эта идея не встретила поддержки. Большинство присутствующих, в том числе председатель отделения физической географии, будущий президент Общества, известный русский ученый Петр Петрович Семенов-Тяньшанский, предложили молодому исследователю другой маршрут — Олонецкий край, в частности Онежское озеро, «так как берега его гораздо менее известны во всех отношениях». Поляков не возражал, и было принято постановление: «Ввиду неисследованности Онежского края и ввиду интереса предполагаемых исследований, выдать г. Полякову денежное пособие в размере около 500 рублэй для производства означенных исследований в Олонецком крае».

Программа экспедиции была чрезвычайно обширна. Она включала наблюдения над перелетом птиц, зависимостью перелета от погоды, выяснение мест остановок птиц и условий охоты; сбор сведений по млекопитающим; при переездах по озеру — наблюдения над температурой воды и направлениями ветра. Все зоогеографические исследования должны были проводиться с учетом роли промыслов и их экономического значения для населения. Наконец предполагался сбор этнографических материалов.

14 апреля 1871 года Поляков покинул Петербург и вернулся только поздней осенью. Начав исследования с южного побережья Онежского озера, он продолжил и завершил их на восточном берегу, мотивируя выбор маршрута тем, что «из ближайших к нам местностей это одна из наименее известных в естественно-историческом и физико-географическом отношениях».

Через год, в 1873 году, ученый предпринял вторую экспедицию, маршрут который проходил по южным районам Олонецкой губернии. Результаты поездок были, по словам П. П. Семенова-Тяньшанского, «настолько же богаты, насколько и многосторонни».

Поляков обнаружил в обследованном районе 36 видов млекопитающих, до 140 видов птиц, привез десятки чучел, скелеты птиц и зверей, около 20 видов заспиртованных рыб, а также составленные во время путешествия определители мелких млекопитающих и пресмыкающихся и обширные этнографические материалы. Особый интерес представляла добытая «сверх программы» большая коллекция каменных орудий.

Когда Поляков выступил на заседании отделения этнографии Географического общества с докладом о результатах своей поездки, отделение «выразило свое полное одобрение исследователю за неутомимые изыскания его и труды».

На материалах обеих экспедиций Поляков написал ряд работ, отмеченных золотой медалью Русского географического общества. Среди них — первое в литературе обстоятельное физико-географическое описание юго-восточной части Олонецкой губернии, в котором Поляков уделяет большое внимание и вопросам геологии этого района. Очень интересна статья «Взгляд на экономическое состояние и современный быт жителей, в связи с природой и развитием культуры на севере» и др.

С точки зрения изучения ранее мало исследованных районов большое значение имели материалы, собранные ученым в Пудожском крае. В отличие от других путешественников, которые обычно ограничивались посещением Пудожа и редко забирались в глубь уезда, Поляков отправился в окрестности Водлозера и провел здесь более трех недель. Результатом экспедиции явилось описание рыб и птиц Водлозера, флоры и особенно фауны пудожских лесов, которой ученый, в соответствии с программой исследований, уделял особенно большое внимание. Как и у многих путешественников, у Полякова в центре описаний фауны — медведь, который «нередко ночует в глухих корбах, завтракает на муравейниках и черничниках в сосняках, отдыхает на овсах и обедает за счет скудных стад здешних поселян».

Большой интерес современников вызвала статья Полякова «Следы каменного века на юго-востоке Олонецкой губернии», в которой он попытался нарисовать широкую картину жизни и труда первобытных обитателей края, «представивших на выставку человеческой любознательности следы своего искусства и трудолюбия».

Ученому удалось собрать богатую по тем временам коллекцию орудий первобытных людей. Особенно изобиловала находками пашня около деревни близ озера Кумбас, хотя «по своей близости она всегда была доступна деревенским юношам, которые, розыскивая в ней горшочные черепки и плоские кремневые обломки, а также стрелы, бросали их в воду». Немало интересных свидетельств древности нашел путешественник и на берегах Тудозера и Кенозера.

На основе своих изысканий Поляков вступил в полемику с Н. Ф. Бутеневым, отрицавшим наличие крупных поселений первобытных людей в Олонецкой губернии, ссылаясь на то, что в крае не обнаружено значительных скоплений каменных орудий, а глиняных сосудов, равно как и костяных, роговых или бронзовых орудий, и вовсе не найдено. Поляков не только доказал ошибочность взгляда Бутенева, но в значительной степени стимулировал дальнейшие поиски.

Археологические изыскания Полякова, как и более поздние исследования Е. В. Барсова, А. А. Иностранцева, Д. П. Европеуса, по словам крупного советского археолога А. Я. Брюсова, «имели большое значение в том смысле, что показали насыщенность древними памятниками области больших северо-западных озер, показали все своеобразие каменных орудий Севера..., подготовили почву для археологических работ на Севере, и в частности, в Карелии».

Собранные Поляковым в Карелии материалы были настолько обильны, что в печати еще долго появлялись его статьи и заметки, написанные на основе этих двух олонецких экспедиций. Последний раз ученый посетил Олонецкую губернию в 1880 году. Поездка была непродолжительной, и почти никаких сведений о ней не сохранилось. Известно только, что ее маршрут проходил в основном по Вытегорскому уезду. Можно предположить, что она была связана со сбором материала по южной части губернии и на основании ее Поляков написал последнюю работу, относящуюся к Олонецкому краю и опубликованную в 1886 году незадолго до смерти исследователя.

Наиболее значительных результатов в изучении Карелии, как и в первой половине XIX века, добились геологи. Достижения их в значительной степени связаны с именем основателя карельской геологии, профессора Петербургского университета Александра Александровича Иностранцева (1843—1919 гг.).

А. А. Иностранцев был коренным петербуржцем. Здесь он закончил гимназию, здесь поступил на физико-математический факультет университета. Уже на старших курсах определились его научные интересы, и он стал специализироваться в области минералогии и геологии. Оставшись в университете в должности хранителя минералогического кабинета, молодой

А. А. Иностранцев.

ученый по совету своего учителя профессора Гофмана избирает в качестве темы кандидатской диссертации «Петрографический очерк острова Валамо». Эта работа впервые приводит его в Карелию. В конце 1867 года диссертация была защищена.

Интерес к геологии Олонецкого края Иностранцев пронес через всю жизнь. Он неоднократно приезжал сюда и когда готовил докторскую диссертацию «Геологические исследования на севере России в 1869 и 1870 гг.», и после того, как стал известным ученым, профессором геологии, членом-корреспондентом Академии наук. В Карелию Иностранцев привозил своих многочисленных учеников (кстати, здесь была со своим учителем и первая женщина-геолог Е. В. Соломко), заражая их своей увлеченностью Русским Севером, и редкий из них в своих работах не отдал дань этому краю. Здесь под руководством своего профессора студенты получали знания и навыки практической работы. Перед их глазами всегда был ученый, проявлявший, как вспоминал позднее Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, «такую неутомимость, бодрость духа и интерес к наблюдаемому, которые невольно заставляли учеников забывать об усталости и вселяли в них истинную любовь к геологической работе».

С Карелией связаны десятки статей и специальных исследований Иностранцева, в том числе крупнейшее из них «Геологический очерк Повенецкого уезда Олонецкой губернии и его рудных месторождений», удостоенное золотой медали Географического общества и переизданное позднее в Лейпциге.

В 1869 году Иностранцев принял участие в первой экспедиции отделения геологии Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, исследуя побережье Белого моря, от Онеги до Сумпосада, и закончив свою поездку в Повенце. На следующий год он продолжил исследования на территории между Белым морем и Онежским озером. Это были его первые крупные самостоятельные работы, результаты которых изложены в уже упомянутой докторской диссертации.

В «Геологических исследованиях на севере России» Иностранцев дал первое в литературе обстоятельное геологическое описание Соловецких островов, древнейших (архейских) образований северной Карелии, внес ряд существенных исправлений в геологическую карту этого района.

В 1783 году земское собрание Повенецкого уезда обрати-

лось в Общество естествоиспытателей с просьбой «приступить к изучению уезда в геологическом отношении». Общество поручило эти работы Иностранцеву, вернувшемуся к тому времени из продолжительной заграничной командировки. Ученый сразу же принялся за дело. Быстро завершив необходимые подготовительные работы, он летом того же года, в сопровождении кандидата Петербургского университета Е. И. Слупского (изучавшего позднее южный и юго-западный берег Онежского озера), отправился в Повенец. В 1874 году исследования были продолжены, а еще через два года увидела свет книга объемом свыше 700 страниц — «Геологический очерк Повенецкого уезда Олонецкой губернии и его рудных месторождений».

Повенецкий уезд — обширная, составляющая около одной трети всей Олонецкой губернии территория — оставался к этому времени почти неисследованным. Лишь Гельмерсен побывал в южной части уезда да сам Иностранцев во время предыдущей экспедиции мог бегло познакомиться с этим краем. В значительной степени это объяснялось огромными трудностями поездки по лесным и болотистым дебрям почти пустынной местности. Здесь часто не было не только удобных, но, по выражению Иностранцева, «даже каких бы то ни было дорог», а географические карты, как, впрочем, и в других районах Карелии, страдали «коренными неверностями». Передвигаться приходилось обычно пешком — возможность достать лошадей была крайне редкой, да и верховая езда доставляла мало удовольствия: «овода мешают пользоваться лошадьми, так как немилосердно кусают их; лошади при этом бьются, бросаются в лес, чтобы о ветви деревьев сбросить с себя этих насекомых». Несмотря на все эти и многие другие трудности Иностранцев во время повенецких экспедиций за сравнительно короткий срок (от начала первой поездки до выхода в свет книги прошло всего около четырех лет) проделал огромную работу по сбору материала и его изучению. А. А. Иностранцев первым из русских геологов применил метод микроскопического исследования горных пород. Треть собранных в 125 местах образцов диорита была подвергнута им микроскопическому анализу, не говоря уже о тщательной обработке в лабораторных условиях остального материала (все-го он исследовал 465 шлифов). В книге были описаны почти все главнейшие горные породы Карелии, их генезис, взаимоотношения и процессы метаморфизма.

Особое внимание Иностранцев уделял рудным месторождениям, справедливо отмечая, что изучение их представляет «уже помимо их практического значения, бесспорно, и высокий научный интерес». Заключительная часть работы (глава VII — «Оруденелость края») целиком посвящена полезным ископаемым. При этом речь идет не просто о перечислении месторождений, как поступали многочисленные предшественники ученого. Иностранцев озабочен необходимостью научной постановки проблемы, желанием дать практикам научные ориентиры поисков. Он изучает условия залегания медных и железных руд, ищет связи оруденения с распространением и метаморфизацией диоритов, определяет наиболее значительные месторождения и возможные районы залегания этих полезных ископаемых, дает ряд практических указаний.

Оценивая возможности использования металлургической базы Повенецкого уезда, Иностранцев не обошел вниманием озерные и болотные руды, многочисленные анализы которых он приложил в виде особой таблицы в конце книги. Кстати, критикуя категорический вывод Гельмерсена о «неблагонадежности олонецких рудных месторождений», Иностранцев считает его необоснованным не только потому, что «не нашел никаких научных данных для подобного заключения», но и потому, что Гельмерсен запасов озерных руд вообще не учитывал. Между тем, по мнению ученого, это материал, вполне удовлетворительный для выплавки хорошего чугуна, а огромные запасы, легкость добычи и опыт местного населения дают озерной руде определенное преимущество.

Подвергнув озерные железные руды микроскопическому исследованию, Иностранцев выдвинул и новую теорию их происхождения. По его мнению, вносимая в озера текучими водами, реками и ручьями углекислая закись железа в соприкосновении с озерным песком окисляется, осаждаясь на песчинках в виде корочек бурого железняка.

С именем Иностранцева связана постановка многих вопросов истории далекого прошлого Олонецкого края. В частности, выводы ученого сыграли определенную роль в последующем обсуждении проблемы о межледниковом и послеледниковом распространении моря на территории Карелии. (Иностранцев решительно выступил в защиту гипотезы С. Ловена). Ему принадлежит и принятая в основном современной наукой схема образования Онежско-Беломорского водораздела, сущность которой сводится к следующему. После отступления

последнего ледника эпохи великого оледенения, покрывавшего всю северную половину Европейской России, талые воды его соединили бассейны Белого моря и Онежского озера в один морской водоем. Последующее поднятие земной коры привело сначала к появлению двух островов — наивысших точек Масельгского хребта и окрестностей Сумозера. Позднее к ним присоединился третий остров, район Воицкого рудника. Дальнейшей стадией было образование архипелага со все возрастающим числом островов, и наконец наступила полная изоляция вод Белого моря и Онежского озера.

Конечно, Иностранцев был прежде всего геолог, и по образованию, и по основным научным интересам. Однако как исследователь Русского Севера он оставил заметный след и в другой, на первый взгляд мало связанной с геологией области, — археологии. Впрочем, археологические интересы были для Иностранцева вполне закономерны, ибо он считал, что эта область знаний должна привлекать и историка и натуралиста: «Натуралист, разбирающий историю земли и имеющий обширный том этой истории, переходя от древних ее периодов к новым, встречает, наконец, и те слои, в которых погребен доисторический человек вместе с памятниками его быта. Здесь натуралист, точно так же как историк, может дать звено, но связующее уже историю земли с историей человечества, а следовательно, один другому будет идти навстречу...» Наконец натуралист на основе изучения остатков животных и растений может представить флору и фауну той эпохи.

В 1877 году, во время одной из геологических экскурсий недалеко от южного побережья Ладожского озера, Иностранцев случайно нашел обломок костяного наконечника гарпуна, явно принадлежавшего первобытному человеку. Продолжив поиски, он вскоре обнаружил череп древнего жителя этих мест. Теперь уже не оставалось сомнений в необходимости специальных исследований. Вскоре была собрана обширная коллекция каменных и костяных орудий, костей первобытного человека, несколько целых черепов, костей животных и рыб, множество предметов домашнего обихода, дававших возможность восстановить быт доисторических обитателей этих мест.

К изучению обнаруженных материалов Иностранцев привлек многих видных ученых, профессоров Петербургского и Московского университетов — Д. И. Анучина, А. П. Богданова, К. Ф. Касслера, И. Ф. Шмальгаузена, археологов, палеозоо-

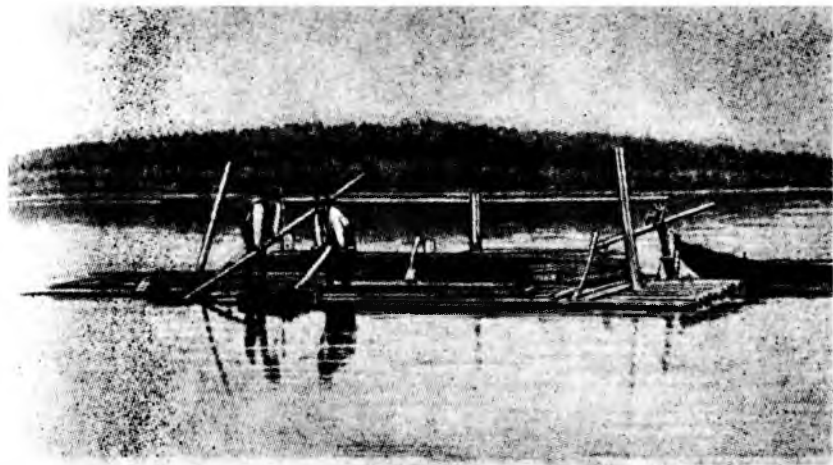
логов, палеоботаников. Итогом этой работы явилось опубликованное в 1882 году обширное исследование «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера» — отличный пример комплексного рассмотрения проблемы. Разностороннему раскрытию жизни доисторического человека в книге предшествует выяснение геологического строения территории, климатических и географических условий, растительного и животного мира того времени. В частности, авторы описывают 39 видов растений, 44 вида млекопитающих, птиц и рыб — современников доисторического человека.

Что же касается собственно археологической стороны, то это замечательное исследование занимает почетное место среди работ, посвященных доисторическому прошлому Русского Севера. Иностранцев не просто собрал и ввел в научный оборот громадный материал, хотя уже одно это было очень ценно, если учесть, что археологи тогда располагали крайне ограниченными данными. В книге восстановлены условия жизни и быта доисторических обитателей этих мест, определены их антропологические черты, выявлена специфика орудий труда. Многие из того, что было сделано Иностранцевым в «Доисторическом человеке», не утратило значения до настоящего времени.

Исследования Александра Александровича Иностранцева во многом определили пути дальнейшего, более углубленного изучения геологии Карелии. Академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг с полным основанием считал, что со времени исследований Иностранцева началась новая эра в изучении горных пород Олонецкого края.

В 70-х годах снова активизировались разведочные работы, несколько сократившиеся в предшествующем десятилетии после экспедиции Гельмерсена. Это объяснялось, конечно, не столько более оптимистическими выводами Иностранцева, хотя, очевидно, и они сыграли свою роль, сколько значительным повышением цен на чугун в связи с ростом промышленности в Петербурге. В местной прессе все чаще появляются сообщения об открытии новых месторождений, отмечается, что «число желающих заняться горными промыслами... значительно увеличилось за последнее время». Только с 1863 по 1874 год было подано свыше 900 заявок, в том числе на железные руды (горные, болотные и озерные) — 833, на огнеупорные глины — 17, на минеральные краски — 14 и т. д.

Наиболее достоверными, как и прежде, были заявки на

Добыча озерной руды.

озерные и болотные руды. Очевидно, поэтому в «Памятных книжках» даже публиковались конкретные практические советы желающим заняться подобного рода изысканиями, например: «чем озеро меньше и мельче, тем оно благонадежнее»; «руды близлежащих озер имеют сходство между собой»; «те озера, которые лежат при истоке или верховье реки, всегда содержат руду лучшего качества, чем те, которые соединяются с реками в конце их течения» и т. п.

Особое внимание в эти годы привлекло месторождение на северном берегу Онежского озера, сведения о котором были разноречивы и неопределенны, хотя известно оно было давно. Его называли «черной олонецкой землей», шунгитом, а иногда и антрацитом. Месторождением заинтересовалось Морское министерство — уголь был необходим и возможность добывать его вблизи Петербурга представлялась чрезвычайно заманчивой.

В июле 1877 года для изучения этого вопроса на военном пароходе «Ладога» в Заонежье прибыл горный инженер Мещеринов, который вскоре доложил своему начальству о «довольно удовлетворительных результатах исследования». Уголь испытали в топках «Ладоги» и развели им пары. Вслед за Мещериновым была отправлена новая экспедиция в составе горных инженеров Таскина и Конткевича. Они составили геоло-

гическую карту района Шунгского погоста и выполнили ряд исследований, результаты которых Конткевич изложил впоследствии в специальной статье «Описание месторождения антрацита близ села Шунги, в Повенецком уезде Олонецкой губернии».

Конткевич определил запасы месторождения в 37,5 миллиона пудов, но о возможностях его промышленного использования отозвался отрицательно, ссылаясь на неудовлетворительный результат проведенных опытов отапливания шунгитом паровых котлов. Однако эти выводы, по-видимому, не убедили военное ведомство, и после непродолжительного перерыва исследования возобновились. Экспедиции сменяли одна другую, образцы шунгита вывозились для изучения в Петербург, но вопрос оставался открытым. В одном из последних дореволюционных исследований известный геолог П. А. Борисов писал: «Остаются до сих пор не выясненными окончательно свойства антрацитовидного вещества, как горючего ископаемого, и его применение для металлургических процессов».

В последней трети века продолжались геологические исследования, и не связанные непосредственно с изучением месторождений полезных ископаемых.

Важный вклад в геологическое изучение Карелии внес горный инженер Б. З. Коленко, который летом 1879 года по поручению Минералогического общества занимался геологическими исследованиями в Заонежье. Первоначально он исследовал группу Клименецких островов, а затем, начав с Толзуи, — собственно Заонежье. Сложную проблему передвижения (как и другие путешественники, он столкнулся с отсутствием дорог) Коленко разрешил довольно удачно: из береговых пунктов он отправлялся в глубь полуострова и возвращался через неделю другим путем обратно, чтобы отправить с пароходом собранные образцы пород в Петрозаводск. Так ему удалось накопить огромный материал, который после завершения экспедиции он увез в Петербург.

Итогом исследования Коленко явился обширный «Геологический очерк Заонежья» — первая обстоятельная работа по геологии этого района Карелии, написанная на значительном и тщательно обработанном материале. Попутно отметим, что книга Коленко заслуживает и внимания этнографов; она содержит интересные наблюдения, относящиеся к жизни и быту местного населения.

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг.

Непосредственным продолжателем Иностранцева в деле геологического изучения Карелии стал его ближайший ученик, будущий академик, Франц Юльевич Левинсон-Лессинг (1861—1939 гг.).

Еще обучаясь в Петербургском университете, Левинсон-Лессинг несколько раз принимал участие в геологических экскурсиях в Олонецкую губернию, организованных Иностранцевым для студентов-геологов. Эти поездки в столь привлекательный для геолога край, влияние учителя, у которого именно здесь были излюбленные области геологических исследований, определили интересы молодого человека, делавшего первые шаги в науку. В мае 1883 года Левинсон-Лессинг окончил университет по естественному разряду физико-математического факультета и в том же году, по совету Иностранцева, поехал в Карелию, где собрал материал для своей первой печатной работы «О вариолитах Ялгубы», принесшей ему широкую известность в научных кругах.

Карелии посвящено и его основное исследование этих лет (магистерская диссертация) «Олонецкая диабазовая формация», явившееся результатом двух продолжительных экспедиций, в 1885 и 1886 годах.

Труден был путь молодого геолога. Сотни верст прошел он пешком по лесам и болотам края в сопровождении своего постоянного спутника, ялгубского крестьянина Абрама Лобанова, ставшего усердным и исполнительным помощником исследователя. Правда, в одном отношении Левинсон-Лессингу было легче, чем его учителю: он путешествовал по более заселенному Петрозаводскому уезду, и местное население охотно оказывало ему помощь, о чем ученый потом не раз с благодарностью вспоминал.

Маршрут экспедиций проходил через северную и северо-западную часть уезда, единственного района Карелии, в котором встречаются древнейшие изверженные горные породы — диабазы. Выехав из Петрозаводска, Левинсон-Лессинг шаг за шагом обследовал обширную территорию, изучая все выходы кристаллических пород до границ Повенецкого уезда и далее на запад — до Видан. По мнению ученого, на этой территории существовало несколько центров извержения, причем значительная часть лав извергалась под водой. В дальнейшем палеовулканический ландшафт, по выражению Левинсон-Лессинга, был почти полностью «замаскирован» прошедшим по этим местам ледником. Это очень затрудняло работу

исследователя, важнейшей задачей которого была реконструкция вулканической деятельности далекого прошлого (протерозойской эры), в результате которой сформировались изверженные породы изучаемого района.

Олонецкая диабазовая формация» — первое в литературе исследование, посвященное диабазам Карелии — получила высокую оценку ученых, отмечавших ее большое теоретическое значение для решения проблемы образования в земной коре изверженных пород. Книга представляла и несомненный практический интерес, поскольку диабаз — ценный строительный материал.

В том же 1888 году, когда Левинсон-Лессинг завершил свои исследования в Карелии работой «Об олонецкой черной почве», которой он знес лепту и в изучение шунгита, на Валаам приехал горный инженер Михаил Николаевич Миклухо-Маклай (брат знаменитого путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая). Это была его первая геологическая экспедиция в Олонецкий край.

Летом следующего, 1889, года Миклухо-Маклай отправился в Кемский уезд, где исследовал бассейн рек Кеми и Ковды. Убедившись в том, что эти районы очень интересны для геологического изучения, Миклухо-Маклай обратился в феврале 1892 года в Петербургское минералогическое общество, членом которого он состоял, с предложением организовать экспедиции в Петрозаводский и Кемский уезды. Предложение было принято, и летом 1892 года исследователь продолжил свои работы на севере олонецкого края. В результате этой деятельности была значительно изменена геологическая карта

В. М. Тимофеев
(фотография 1909 года).

П. А. Борисов.

Другим районом экспедиций ученого стал Олонецкий уезд, также, по его словам, «мало, или лучше сказать, совсем не исследованный в геологическом отношении». Здесь составление геологической карты было главной целью работ, обобщенных в монографии «Геологический очерк Олонецкого уезда и островов Ладожского озера, расположенных вокруг Валаама».

Миклухо-Маклай подробно описал бассейны Олонки, Тулоксы, Видлицы и других рек, отметил места залежей болотных железных руд, что для Олонецкого уезда, в котором нет озер-рудников, а болота занимают большие площади, было осо-

бенно важно, составил геологическую карту.

Не остался исследователь и в стороне от дискуссии о позднеледниковом Беломорско-Балтийском морском проливе. По его мнению, «предполагавшееся соединение Белого моря с водами Балтийского моря вполне вероятно».

Ряд экспедиций в конце прошлого и начале нынешнего века связан с исследованием рудоносности озер Карелии. Одной из наиболее значительных среди них была экспедиция горного инженера Лебедзинского, который в течение нескольких лет, начиная с 1892 года, изучал Выгозеро, Сямозеро и ряд других водоемов. Лебедзинский был убежден в возможности использования этих месторождений. Он отмечает огромные рудные богатства Выгозера, «на которые доньше никто не обращал внимания», а между тем запас руд в нем достигает 700 миллионов пудов, причем, что очень существенно, обогащение озера рудой продолжается непрерывно. В сво-

ем отчете Лебедзинский писал: «Повенецкий уезд с его массой рудоносных озер, сгруппированных при самых благоприятных условиях, при массе лесного материала, является центром, где может быть создан горный округ».

В 1907—1908 годах начали свои изыскания в области геологии Карелии два молодых исследователя, в дальнейшем ставшие профессорами Ленинградского университета и крупными советскими учеными—Владимир Максимилианович Тимофеев и Петр Алексеевич Борисов.

В. М. Тимофеев, уроженец Петрозаводска, обратился к изучению горных пород Карелии еще будучи студентом, когда в 1908 году отделение геологии и минералогии Общества естествоиспытателей по предложению А. А. Иностранцева направило его в период летних каникул для геологических исследований в Заонежье. С этого времени, без малого три десятилетия, ученый проводил здесь геологические изыскания. Уже первые его работы о вариолитах и халцедонах острова Суйсари привлекли внимание крупнейших русских геологов, высоко оценивших труды молодого исследователя Олонецкого края.

П. А. Борисов также был питомцем Петербургского университета. Последовав совету своего учителя А. А. Иностранцева, он начал изучение геологии Карелии с тех самых мест, которые сорок лет назад были описаны в «Геологическом очерке Повенецкого уезда». Постепенно расширяя территорию исследований и обобщая накопленный ранее материал, П. А. Борисов опубликовал в 1910 году первый сводный обзор по геологии и полезным ископаемым Олонецкой губернии и первую сводную геологическую карту края, как бы подведя этим итог дореволюционным геологическим исследованиям Карелии.

Г Л А В А IX.

ЖИВАЯ СТАРИНА И ЖИВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Вторая половина XIX века в истории России отмечена событиями эпохального значения и масштаба, которые не могли не сказаться на повышении и расширении интереса к животрепещущим социальным проблемам.

Передовая русская интеллигенция — и прежде всего ее революционно-демократическое крыло, разделявшее идеи и принципы Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и А. И. Герцена — живо реагировала на все перипетии общественной жизни, более или менее верно нащупывая ее главные проблемы. Среди них особенно остро стояли вопросы будущего страны, роли народных масс и личности в истории, отношения интеллигенции к трудящимся и в первую очередь к крестьянству.

Все эти проблемы бурно обсуждались в легальной и нелегальной печати, в философских трактатах и произведениях изящной словесности. Они сложились как центральные темы всей русской реалистической литературы, выступая то явно и бесстрашно, то подспудно и приглушенно.

Русская наука в лице ее лучших представителей тоже не стояла в стороне от борьбы. Да это было и невозможно, так как в ожесточенной полемике все направления общественной мысли должны были так или иначе привлекать в качестве аргументов фактические данные. В теоретических спорах, в практических исследованиях, приобретающих подчас политическое звучание, мужало и крепло передовое демократиче-

ское направление русской науки, и в частности этнографии и фольклористики.

Среди множества русских исследователей — этнографов и фольклористов — Карелии второй половины XIX столетия мы легко различаем представителей демократического крыла (П. Н. Рыбников, А. Я. Ефименко), либеральных ученых (А. Ф. Гильфердинг, П. П. Чубинский, Н. Н. и В. Н. Харузины, В. Н. Майнов), а также тех, кто, отдав в юности дань либерализму, исповедовал в дальнейшем вполне реакционные воззрения (Е. В. Барсов). По-разному они воспринимали тогдашнюю карельскую действительность, по-разному оценивали ее. Некоторым из них посчастливилось сделать в Карелии крупные открытия, хотя мало кому удалось верно понять их смысл и значение.

«Шел 1860-61 год... В аудиторию [историко-филологического факультета Московского университета.— В. П.], где собрался наш четвертый курс, кем-то была принесена вновь отпечатанная книга и роздана всем присутствующим от имени бывшего студента Рыбникова; не более трех лет назад он был среди нас... Слышно было, что он живет в Петрозаводске — и вот не успели мы окончить курса, как он напоминал о себе, прислав целый объемистый том своих трудов, которым суждено было внести оживление в изучение народной словесности». (Из воспоминаний Л. Поливанова.)

Книга, о которой идет речь,— это «Песни, собранные Рыбниковым», том I. Автор ее в ту пору не просто жил в Петрозаводске, а отбывал там срок политической ссылки. Если книга произвела огромное впечатление в ученом мире, то и сама личность автора — политического ссыльного — вызвала к себе сочувственный интерес. О нем знали. Герцен в «Колоколе» еще в 1859 году гневно протестовал против его высылки в Олонецкий край.

Кто такой Рыбников? Почему он оказался репрессирован царским правительством? В чем состояло его научное открытие в Карелии? Ответ на эти три вопроса поможет понять, почему его деятельность принято оценивать очень высоко.

Павел Николаевич Рыбников (1831—1885 гг.) родился в Москве в купеческой семье. Он рано лишился отца и воспитывался матерью. Семья жила на скудные средства и нередко нуждалась в самом необходимом.

С 1844 по 1850 годы Рыбников учился в московской гимназии, которую окончил с серебряной медалью и отличным знанием иностранных языков. Казалось бы, это открывало прямой путь в университет, но в 1851 году Рыбников уезжает вместе с Н. П. Боткиным и К. Т. Солдатенковым (которому он, видимо, служил переводчиком) в заграничное путешествие и возвращается лишь в 1854 году. В том же году Рыбников поступает в университет.

Жил скромно, зарабатывал частными уроками. Учился упорно, со страстью и с удовольствием. И было у кого учиться. В университете в ту пору преподавали Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, О. М. Бодянский... Постепенно определяется направление литературных интересов студента: он углубленно изучает современную ему русскую реалистическую литературу. Не случайно для своего учебного реферата на втором курсе Рыбников избирает тему о гоголевских «Мертвых душах».

На факультете была группа лиц, близких Рыбникову по духу, настроению и образу мышления. Это участники студенческого революционного кружка, носившего полушутливое-полуконспиративное наименование «вертепа». В него входили М. Свириденко (его за ярко выраженный радикализм среди своих величали «Царедавенко»), А. Котляревский, А. Козлов и другие. Рыбников считался среди них признанным лидером. Кружок находился под негласным надзором полиции. «Вертепники» считали себя социалистами и развивали идеи, близкие взглядам русских революционных демократов, увлекались философией Фейербаха, социологией Прудона, с волнением читали пламенные статьи Герцена, нетерпеливо ожидали появления очередной книжки «Современника».

Известно, что Рыбников поддерживал знакомство и со славянофилами, в частности, с А. С. Хомяковым и К. С. Аксаковым, искавшими контактов с молодежью. Но очень сомнительно, чтобы это знакомство сколько-нибудь сильно повлияло на мировоззрение будущего исследователя Севера. В одном из писем Рыбников подчеркнул, что он расходился в убеждениях с А. С. Хомяковым. Вместе с тем встречи со славянофилами могли как-то косвенно способствовать укреплению его интереса к изучению устной народной поэзии.

Учение в университете подошло к концу. В 1859 году Рыбников отправляется в Черниговскую губернию как корреспондент «Вестника промышленности» для изучения и описания

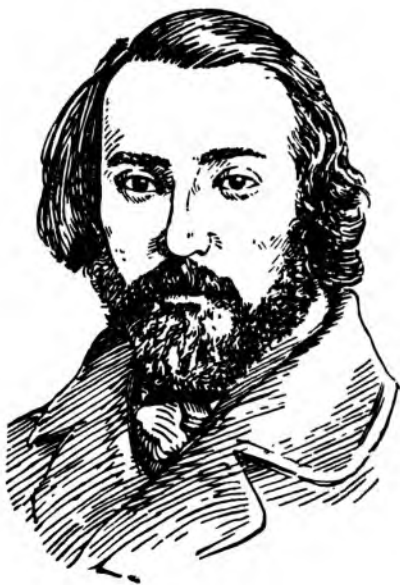
местных хозяйственных условий. Такая работа позволяла лучше узнать жизнь народа, установить необходимые связи с людьми из его среды, приобрести влияние, вести революционную пропаганду, то есть практически осуществлять ту программу, которая теоретически вырабатывалась в революционных студенческих кружках.

Важным средством выяснения настроений и революционных возможностей народа было изучение его быта и устного творчества. На этом Рыбников и сосредоточил свою деятельность. Но он не просто изучал быт народа, а стремился выявить наиболее оппозиционно настроенные группировки, не только записывал песни и местные предания, а старался отыскать среди них такие, которые бы выражали идею социального протеста (известна запись песни о Пугачеве). Чтобы легче сблизиться с крестьянами, ремесленниками, словом, с простым людом, Рыбников путешествовал пешком в «русском платье» и с котомкой за плечами.

За все это в том же году он и был арестован и выслан под надзор полиции в Петрозаводск.

Более шести лет прожил Рыбников в Петрозаводске. По свидетельству современника, «это был высокий, стройный, сильный, очень красивый мужчина». Добавим, что он отличался сильным характером и стойкостью убеждений.

Служа чиновником в различных губернских учреждениях и стараясь не давать повода для политических и административных придинок («каждый шаг ступая бережно», по его собственному выражению), Рыбников продолжал начатое дело «хождения в народ». Все это было сопряжено с постоянными

П. Н. Рыбников.

препятствиями: «Вы в Москве полагаете, что я по крайней мере здесь свободно разгуливаю, где хочу и как хочу. Между тем до последнего времени всякое мое путешествие было соединено с большими трудностями, а три первых и даже отчасти пятое оставили за собой неприятности. В Каргополе в ту же поездку (летом 1860 года) я собрал бы многое, да меня воротили». И тем не менее Рыбников сумел без малого два десятка служебных командировок в значительной мере превратить в научные экспедиции.

Деятельность поднадзорного ссыльного распространялась на многие стороны местной жизни. Он собрал и доставил в Императорское археологическое общество большие коллекции старинных рукописей и каменных орудий, содействовал открытию в Петрозаводске публичной библиотеки и заботился о соответствующем подборе для нее книг и журналов демократического и прогрессивного направления, опубликовал в «Олонецких губернских ведомостях» многочисленные статьи — о разведении льна, о спросе на газеты и журналы, об обычаях и верованиях местных крестьян и т. п., неоднократно выступал в печати с научными трудами в области экономики, археологии и диалектологии.

Понимая, что положение народа может быть улучшено лишь в результате радикального изменения всего социального строя в стране, Рыбников все же старается, насколько это в его силах, помогать хотя бы отдельным людям. Он добивается, чтобы слепых певцов («калик») не прогоняли с шунгской ярмарки, чтобы сказителю К. И. Романову из Кижского погоста назначили небольшое денежное пособие, выступает в суде в качестве адвоката по делу старика-карела, церковного сторожа, которому грозила смертная казнь, и доказывает его невиновность и т. д.

И все же важнейшим делом Рыбникова в Карелии, его научным подвигом стало открытие им живого бытования здесь русского былинного эпоса. Он и сам понимал это и вспоминал об обстоятельствах своего открытия с трепетом и волнением. Однажды Рыбников отправился на лодке из Петрозаводска в Пудож. Непогода заставила его заночевать на острове в 12 верстах от начала пути, и здесь он впервые услышал пение былины:

Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира
Собиралось пированьице — почестен пир

На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей
И на всю паленицу удалюю.

Впечатление было потрясающим: «Много я впоследствии слышал редких былин, помню древние превосходные напевы; пели их певцы с отличным голосом и мастерскою дикцею, а по правде скажу, не чувствовал уже никогда того свежего впечатления, которое произвели плохие варианты былин, пропетые разбитым голосом старика Леонтья на Шуй-наволоке».

Рыбников сразу же сумел понять и оценить огромное научное и общественное значение установленного факта. Всеи предшествующей жизнью он был подготовлен к такой оценке: «Нужна была вся тяжкая моя школа, горячая любовь к народу и ответное расположение с его стороны, чтобы в короткий срок, узнавая чутьем местность и людей, собрать такие редкости». Он буквально бросился на поиски певцов и сказителей былин и других эпических произведений устной народной поэзии. Всюду, где представлялась возможность, он записывал тексты «с голоса» и под диктовку певцов — в закоптелых курных крестьянских избах, на почтовой станции, в лодке по пути из одного селения в другое... Рыбников прослушал около 30 певцов и сказителей и записал от них более 200 текстов. Им открыты для науки и введены в число выдающихся представителей национальной культуры прекрасные знатоки и исполнители былин Т. Г. Рябинин, А. Сорокин, В. П. Щеголенок...

Исследователь работал с жаром, с упоением. «Материалы для целого I-го тома и части второго были собраны в течение каких-нибудь 9 или 10 недель», — сообщал он в одном из писем. Воля, напористость, увлеченность делом заставляли торопиться и с публикацией. В 1861 году выходит в свет первый том его «Песен», в 1862 году — второй, в 1864 году — третий и в 1867 году — четвертый. Пришло признание: исследования ссыльного были отмечены Демидовской премией.

Накапливался опыт, кое-что предстало перед молодым ученым в ином свете. Как и прежде, он знал и не раз убеждался в том, «как трудно добиться каких-нибудь верных сведений от народа «барину», и тем более чиновнику», но теперь он понимал, что преодолевать это недоверие следует не переодезанием в армяк и смазные сапоги, а иначе: «Глазное дело не в платье: надо носить в себе уважение к самостоятельности религиозных верований народа, к особенностям

его быта, тяжкому труду земледельца, работника и ремесленника и отбросить в сторону некоторые кабинетные предрассудки и барские замашки. Тогда крестьянин не откажется признать своего брата и в человеке, получившем университетское образование, и охотно расскажет ему, что нужно».

Был ли Рыбников только собирателем фольклора? Нет, конечно. В его намерения входило осуществить и теоретическое исследование русского былинного эпоса. К сожалению, этот замысел ему не удалось реализовать. Но и в тех материалах (статьях, письмах), которыми мы располагаем, отчетливо вырисовываются некоторые основополагающие идеи, которыми он руководствовался при подходе к народному творчеству. Отношения Рыбникова к народу отнюдь не исчерпывались сочувствием к его угнетенному положению и представлением о нем, как о «младшем страдающем брате». В народе Рыбников видел мощную силу, а в его отдельном представителе — личность. Этой личности, по Рыбникову, присущи искренность, прямота, твердость характера в быту и общественной жизни. Олонецкий крестьянин, осознав «что гнет сверху превосходит всякую меру,

...схватит шалыгу придорожную,
И видит князь Владимир стольно-киевский,
Что пришла беда неминучая».

Былины, таким образом, воспринимались исследователем не только как обломки старины, но и как форма исторического мышления народа, как способ осуществления связи времен — истории и современности. Видимо, из этого исходил Рыбников, когда писал о необходимости изучения, как мы теперь сказали бы, репертуара отдельных сказителей, выяснения в их творчестве общего, традиционного («народного»), и личного («особенного»). Последняя мысль, развитая другими исследователями, стала важным методическим принципом целого направления в русской и даже советской фольклористике.

Что касается отдельных метких и нередко глубоких наблюдений Рыбникова над жизнью эпоса, то их трудно даже перечислить — так их много. Упомянем лишь для примера о том, что он разработал и применил методику точного (дословного) воспроизведения фольклорного текста (до него даже знаменитые филологи позволяли себе «править» тексты при публикации, «сводить» их по произволу в искусственные варианты и т. п.); он установил факт бытования русских былин

среди карельского населения края; он указал на ряд особенностей языка и стиля былинной поэзии и пр.

Публикация «Песен» произвела сенсацию. О них писали газеты и «толстые» журналы, завзятые борзописцы и серьезные ученые. Появление «Песен», по свидетельству академика А. Н. Пыпина, вызвало «изумление, а потом у иных недоумение и даже недоверие». О былинах тогда знали мало (сборник Кирши Данилова, составленный в 30-е годы XVIII века, да несколько фрагментарных записей, опубликованных П. В. Киреевским). А тут выясняется, что вблизи Петербурга, в Карелии, открыта целая «Исландия русского эпоса»!

Было от чего прийти в замешательство. Подозревали мистификацию. Недоверчивый и педантичный филолог И. И. Срезневский, привыкший к строгой документальности древних текстов, принял меры к тщательной проверке достоверности рыбниковских записей. Добросовестность собирателя, конечно, подтвердилась, и за Рыбниковым прочно утвердилась слава первооткрывателя былинного эпоса на Севере нашей страны.

Деятельность исследователя в Карелии приобрела не узко местный, не краеведческий, а общенациональный характер. Это был подвиг человека, проторявшего в науке новую столбовую дорожку.

Деятельность Александра Федоровича Гильфердинга принято связывать с открытием П. Н. Рыбникова. И это справедливо: Гильфердинг продолжил начатое Рыбниковым собирание русского эпоса, усовершенствовал ряд методических приемов этой работы. Он требовал полной точности при записи фольклорного текста «с голоса», считал необходимым интересоваться личностью певца, сказителя и располагать записанные тексты «по певцам», а не «по сюжетам». Тем самым собиратель стремился прояснить вопрос о соотношении традиционного и личного начал в процессе исполнения и сбережения эпоса; коснулся вопроса о местных «школах» певцов и сказителей былин. Гильфердинг взял за правило сопровождать записи текстов краткими этнографическими характеристиками быта певцов. Наконец, ему мы обязаны немалым числом тонких наблюдений над языком и размером былин, а также небезынтесными соображениями теоретического характера.

Все это так. И хотя, как видим, диапазон вопросов, волновавших исследователя, довольно широк, а сами эти вопросы обсуждались им на высоком профессиональном уровне, все же в сравнении с Рыбниковым Гильфердинг явно проигрывает: и как ученый, и как личность он, конечно, мельче Рыбникова.

А. Ф. Гильфердинг родился в 1831 году в семье высокопоставленного чиновника. В 1848—1852 годы он учился на историко-филологическом факультете Московского университета по окончании которого, защитив магистерскую диссертацию, поступил на службу в министерство иностранных дел. В 1856 году получил назначение на должность русского консула в Боснии, а также был избран членом-корреспондентом Академии наук. В 1861 году Гильфердинг перешел на службу в государственную канцелярию. В 1867 году он становится председателем Петербургского отделения Славянского благотворительного комитета. Вскоре же его избирают председателем этнографического отделения Русского географического общества. Летом 1871 года Гильфердинг предпринимает свою первую поездку в Олонецкую губернию для изучения былинного эпоса — «по следам» П. Н. Рыбникова. Летом следующего года он отправляется туда снова, но вскоре из Каргополя приходит известие о его внезапной смерти.

Таковы внешние факты биографии ученого. Но для нас важно знать, с каким идейным багажом поехал Гильфердинг в Карелию, какие ставил перед собой задачи, на что обратил внимание и к каким пришел выводам.

Еще в студенческие годы Гильфердинг познакомился и подружился с виднейшими московскими славянофилами — А. С. Хомяковым, К. С. Аксаковым, П. В. и И. В. Киреевскими и другими — и многое от них воспринял. В нем причудливо уживалось искреннее сочувствие угнетенному народу с верностью славянофильской, даже панславистской идеологии и верноподданическими чувствами. Все научное творчество этого, несомненно одаренного, человека протекало в русле славянофильской исторической и социологической концепции. Поэтому его языковедческие, исторические и этнографические работы не раз подвергались критике слева, со стороны революционных демократов. Один из лингвистических опытов Гильфердинга, преувеличивавшего близость славянских языков к санскриту, был сравнительно еще мягко раскритикован Н. Г. Чернышевским; другая — уже этнографическая —

книга («Поездка по Герцоговине, Боснии и Старой Сербии», изданная в 1859 и 1860 годах) вызвала появление довольно сурового отзыва на страницах «Современника», в котором автор порицался за панславистски-реакционное понимание славянского вопроса.

Поездка Гильфердинга в Олонецкий край, одобренная П. Н. Рыбниковым, не имела заранее разработанной четкой программы, а рисовалась ученому поначалу как научная рекогносцировка. Вероятно, больше всего его интересовали общественный быт русских крестьян, сохранение крестьянской общины и ее возможная роль в даль-

нейшем социальном развитии России. Но ученый лелеял и узкий замысел — попытаться собрать, что окажется возможным, из эпической поэзии. Последнее удалось блестяще. За два месяца невероятно напряженной работы Гильфердинг побывал в Сенной Губе, Кижях, Толвуе и других местностях Заонежья, в Повенце, Масельге, Данилове, Пудоже, Сумозере, на Водлозере, в Кенозере, Моше, Каргополе. Он прослушал 70 певцов и записал от них более 300 текстов былин. По возвращении из поездки ученый написал и опубликовал свою широко известную статью «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», а также подготовил к изданию добытые в экспедиции фольклорные материалы, вышедшие в свет под названием «Онежские былины» в 1873 году, уже после его смерти. Размышляя о встречах с северным крестьянством, Гильфердинг писал о своем «тяжелом и, вместе с тем, отрадном» впечатлении: «Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видывал»,

А. Ф. Гильфердинг.

«Это народ-труженик в полном смысле слова». Нелегки, как отметил исследователь, природные условия Севера, крестьянам приходится терпеть произвол чиновников-бюрократов, высокие налоги: «Крестьянин этих мест рад и доволен, если совокупными усилиями семьи он, по тамошнему выражению, «огорюет» как-нибудь подати и не умрет с голоду». Но в условиях постоянной борьбы с природой, в трудностях социальной жизни выковываются самобытные, сильные характеры, способные к восприятию героического, «богатырского», былинного настроения и образа мышления, так как это отвечает их собственному мироощущению. Гильфердингу почудилось, что олонецкое крестьянство «до сих пор живет в эпохе первобытной борьбы с невзгодами враждебной природы», «вполне под господством эпического мирозерцания». Отвечая на вопрос, почему былинный эпос сохранился именно на Севере, в Карелии, Гильфердинг пришел к выводу, что «этих причин две — свобода и глушь».

В итоге сложилась определенная система представлений, в которой отразились как реальные наблюдения ученого в Олонецком крае, так и ряд предвзятых и ошибочных положений. Гильфердинг, конечно, сильно преувеличил архаизм быта и мировоззрения северных крестьян, как преувеличил он значение «свободы и глуши». Мировоззрение крестьянина сложно и подчас противоречиво. Оно, конечно, может включать в себя и «эпический» элемент, но в нем преобладают реалистические черты, а подчас берут верх идеи социального протеста и т. п.

Высоко оценивая положительный вклад Гильфердинга в исследование края, мы прежде всего обращаемся к его «Онежским былинам», которые недаром выдержали уже четыре издания. Мы ценим и то искреннее сочувствие, которое он испытывал к народу Карелии и его бедственному положению. Что же касается, наконец, его теоретических рассуждений, то мы стараемся отыскивать в них не ошибки и промахи, которые теперь очевидны, а искры верных мыслей и остроумных догадок.

Еще один исследователь Карелии, деятельность которого стоит в связи с работами П. Н. Рыбникова, а поначалу им и направлялась,—Елпидифор Васильевич Барсов—родился в 1836 году в селе Логиново Череповецкого уезда Новгород-

ской губернии в семье священника. Образование он получил первоначально в духовном училище, после чего продолжал его в Петербургской духовной академии, где даже участвовал в студенческом демократическом движении. Однако демократизм Барсова очень быстро выветрился, его политические идеалы даже в лучшие периоды жизни никогда не шли дальше ординарного либерализма, а общие философские представления вполне укладывались в рамки официального православного христианства.

Но в 1861 году, когда Барсов приехал в Петрозаводск на должность учителя логики, психологии и немецкого языка в местной духовной семинарии и сблизился с П. Н. Рыбниковым, он еще не успел растерять настроений студенческой поры, и этого запаса ему хватило для того, чтобы определить свои интересы и начать научную работу в значительной мере в верном направлении. Он становится членом губернского статистического комитета, вокруг которого группировались местные краеведы из числа чиновников и учителей, а вскоре и сам принимается за разработку отдельных тем по истории, этнографии и археологии края.

Диапазон научных увлечений Барсова отнюдь не узок. Он интересуется историей, ранними (средневековыми) историческими документами, содержащими сведения о заселении края славянами, исследует письменные памятники о движении раскольников, собирает народные предания о Петре I, производит археологические сборы и раскопки (совместно с финским ученым Д. Европеусом).

И тем не менее уже на ранних этапах научной деятельности Барсова в его работах отчетливо видна ограниченность, а нередко и реакционность исходных мировоззренческих позиций, препятствовавшая успеху его исследований. Это сказывалось даже на выборе тем для разработки: «Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае» (1862 г.), «Преподобные обонежские пустынножители» (1867—1868 гг.)... Такие темы, конечно, встречали полное одобрение епархиального начальства, особенно потому, что Барсов, ничтоже сумняшеся, приписывал «святым» основателям северных монастырей решающую роль как в освоении края, так и в «просвещении» его жителей. Поэтому в работах Барсова главный интерес для современного читателя представляет их фактическая основа, а не интерпретации и рассуждения.

В заслугу Барсову следует, таким образом, поставить его собирательскую деятельность. Он был тонким знатоком и ценителем памятников древнерусской письменности. К чести его следует сказать, что всю свою жизнь он жил на скромное жалованье, из которого бóльшую часть тратил на приобретение древних рукописей. Его собрание рукописей, хранящееся теперь в Государственном историческом музее в Москве,— одна из богатейших личных коллекций.

Но Барсов вошел в историю отечественной науки как собиратель не только произведений древней письменности, но и устного народного творчества, интерес к которому, надо полагать, возник у него не без влияния П. Н. Рыбникова. Важнейшим событием, положившим начало новому увлечению, стало знакомство Барсова с изумительной народной поэссой — Ириной Андреевной Федосовой, знаменитой заонежской вопленицей и исполнительницей былин, песен и т. п. Вот как описывает он свою первую встречу с ней: «Я отыскал ее и расспрашивал о причитаниях... Благодаря посредничеству моего хозяина [у него собиратель снимал квартиру.— В. П.], который по старому знакомству уверил ее, что я человек неопасный, она откровенно призналась, что знает очень многое, что с молодости ей честь и место в большом углу, что на свадьбах ли песни запоет — старики запляшут, на похоронах ли завопит — каменный заплачет: голос был такой вольный и нежный».

С того момента началась работа собирателя с Федосовой, содержащая в себе два новых для тогдашней фольклористики момента: впервые серьезному и основательному изучению подвергся малоизвестный жанр русской народной поэзии — причитания (элегические импровизации, не имеющие устойчивого текста и создаваемые женщинами в связи с печальными, скорбными событиями жизни); исследователь впервые попытался изучить фольклорный репертуар одного человека — Федосовой (правда, ему далеко не удалось исчерпать этот источник).

По мере увеличения числа записей собиратель все более убеждался в их ценности и необходимости публикации. Впоследствии Барсов жаловался, что его увлечение записями фольклора вызвало насмешки сослуживцев и неприязненное отношение начальства. С другой стороны, и официальная академическая наука не сразу и не безоговорочно признала пользу его занятий. Летом 1868 года собиратель побывал

в Петербурге у академика И. И. Срезневского и показал ему рукопись I и II томов, изданных позднее под названием «Причитания северного края». «Литературный антиквар» (прозвище, данное Срезневскому академиком Ягичем) отнесся к работе Барсова резко отрицательно и даже пренебрежительно. Собиратель был в отчаянии и чуть не сжег рукопись.

В 1870 году по приглашению Румянцевского музея Барсов переезжает в Москву, где занимает должность библиотекаря русского и славянского отделения и заведующего отделом древних рукописей. Несколько позднее он становится библиотекарем Чертковской библиотеки и ученым секретарем Общества изучения истории и древностей российских при Московском университете (МОИДР).

В Москве издание «Причитаний» продвинулось: МОИДР ассигнует Барсову заимообразно 500 руб. для издания I тома с условием, чтобы на выручку от его продажи тотчас же приступить к печатанию II тома. I том действительно вышел в 1872 году, а печатание II тома задержалось еще на шесть лет. Барсов был никудышным коммерсантом, выручки почти никакой не получил и с трудом разделался с долгами. Материалы третьего тома были опубликованы в 1885 году в двух книжках «Чтений» МОИДРа.

Барсов не сумел (да и не был в состоянии) верно проанализировать, оценить и понять значение того прекрасного материала, обладателем которого он волею случая стал. Исследователь, правда, сделал немало интересных частных наблюдений. Он справедливо заметил, что в своем творчестве И. А. Федосова «указывает окружающим на нравственный долг поддержки», ратует за «нравственные правила жизни», «открыто высказывает думы и чувства, симпатии и антипатии, вызванные таким или другим положением семейной или общественной жизни» и т. д. Но понять творчество Федосовой как систему социальных и эстетических взглядов северного крестьянства, как мировоззрение целого класса с его положительными демократическими устремлениями и, вместе с тем, с присущими ему чертами ограниченности — эта задача была Барсову не по плечу.

И все же как собиратель Барсов заслуживает полного одобрения. Публикация «Причитаний» стала важным событием в истории не только изучения Карелии, но и всей русской культуры. Теперь доказано, что в них черпал материал для своей поэтической работы А. Н. Некрасов. О творчестве Федо-

совой много раз восторженно писал А. М. Горький. И недаром, как вспоминал впоследствии В. Д. Бонч-Бруевич, В. И. Ленин, который назвал барсовское предисловие ко II тому «Причитаний» «слабенькой статейкой», заметил: «Он [Барсов.— В. П.] сделал хорошее дело, собрав все это». Правда, В. И. Ленин тут же добавил: «Но очень может быть, что самое важное, затаенное, ему, как барину, и не сказали».

«Я работал на Севере без устали и доказал свою любовь к русскому народу». Эти слова принадлежат крупному украинскому этнографу Павлу Платоновичу Чубинскому. К ним следует только добавить, что, работая на Севере, Чубинский доказал свою любовь и уважение не только к русскому, но и карельскому народу. Об этом стоит сказать особо.

П. П. Чубинский родился в 1839 году на Украине в небогатой дворянской семье. Уже в юношеские годы он проявил большой интерес к народному быту и поэтическому творчеству. Недаром, окончив курс по юридическому факультету Петербургского университета (1861 г.), для магистерской диссертации Чубинский избрал редкостную по тем временам тему и назвал свой труд «Очерками народных юридических обычаев и понятий в Малороссии».

По выходе из университета Чубинский был весьма демократически настроенным юношей и не скрывал своих взглядов. Этого оказалось достаточным, чтобы его обвинили в «украинофильстве», объявили «опасным и неисправимым агитатором» и выслали в административном порядке в Архангельскую губернию. Так начался северный период биографии Чубинского.

Молодому человеку, готовившему себя к научной карьере, пришлось сделаться чиновником в губернском бюрократическом аппарате, служить следователем, редактировать местную газету («Архангельские губернские ведомости»), а позднее стать чиновником для особых поручений. И все же Чубинский сумел найти в себе силы противостоять деморализующему воздействию затхлой атмосферы чиновничьего быта, сохранить себя как активную личность и научного деятеля. С одной стороны, этому способствовало сближение с супругами П. С. и А. Я. Ефименко, с которыми его связали общие научные интересы, с другой — ему удалось включиться в работу местного статистического комитета, в то время единственного

в губернии учреждения научного профиля, работу которого он некоторое время возглавлял.

Чубинский стремился установить контакты и с прогрессивными научными силами в столицах. В результате мы видим его фамилию в числе членов-корреспондентов Московского общества сельского хозяйства, членов-сотрудников Вольного экономического и Русского географического обществ, действительных членов Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Научная работа Чубинского на Севере приобрела весьма широкий размах. Хотя по должности ему приходилось сосредоточиваться преимущественно на исследовании экономико-статистических данных и демографических материалов, все же его почти никогда не покидало желание собирать сведения и этнографического, и фольклорного, и народно-юридического характера. Огромен был и территориальный охват его научных занятий: по личной инициативе и поручению некоторых научных обществ (особенно Русского географического общества, связи с которым у него были особенно тесными и плодотворными) Чубинский объехал ряд северных губерний России и собрал обильный материал о быте местного населения, его юридических обычаях, хозяйственных занятиях, промыслах, естественном движении населения и т. п. Результатом одной из таких поездок и явился «Статистическо-экономический очерк Корелы», опубликованный в сборнике «Трудов Архангельского статистического комитета» 1866 г., книга 2). Сборник посвящался столетию со дня смерти М. В. Ломоносова, и Чубинский был самым деятельным участником организации чествования памяти великого русского ученого.

Северный период в жизни Чубинского длился около семи лет. В 1869 году ему разрешают возвратиться на Украину, где он становится организатором юго-западного отдела Русского географического общества и руководителем знаменитой в истории отечественной науки фольклорно-этнографической экспедиции «в Западно-Русский край».

Деятельность Чубинского, возвратившегося из ссылки, сильно омрачилась тяжелыми политическими условиями, в которых ему приходилось жить: началась газетная травля, посыпались обвинения в «сепаратизме», закрыли юго-западный отдел Общества. Чубинский почел за благо уехать в Петербург, где поступил на скромную должность делопроизводителя в Министерстве путей сообщения и, не оставляя надежд на

лучшее будущее, старался продолжать свою научную работу. Однако начавшаяся тяжелая болезнь прерывает не только научную работу Чубинского, но и его жизнь. Он умер в 1884 году в возрасте 45 лет.

Чубинский никогда не был ни последовательным демократом, ни тем более революционером. Временами его взгляды окрашивались в заурядные буржуазно-либеральные тона, и это, конечно, не могло не сказаться на его научной деятельности. Не случайно он склонялся к чисто эмпирическому описанию действительности, к собиранию фактов, и недостаточно внимания уделял их теоретическим обобщениям. Но при всем том в науке Чубинский всегда старался придерживаться прогрессивных позиций, а факты, собранные им, почти всегда (за редким исключением) заслуживают полного доверия.

Небольшая работа Чубинского о карелах привлекает внимание по трем причинам. Во-первых, она посвящена описанию хозяйства, быта и культуры северных карелов, а эта часть карельского народа, как известно, была изучена слабо. Во-вторых, Чубинский подошел к этнографии с опытом и навыками юриста и статистика, а это наложило отпечаток точности и строгости на его методику сбора и оформления материала. Он не ограничил круг своих источников, как это делали многие исследователи и до и после него, результатами только личных наблюдений, а существенно дополнял их данными специальных анкет («листочков») и сведениями, почерпнутыми из первичных официальных документов. Наконец, в-третьих, сочинения Чубинского проникнуты горячим сочувствием бедственному положению карельских крестьян.

Читатель получает ясное представление о расселении северных карелов, структуре населения: «По сословиям народонаселение распределяется так: государственных крестьян 8035 м. и 8538 ж., отставных нижних чинов 6 человек, солдатских жен, дочерей и вдов 34, сыновей 9 ч. и духовенства 32 муж. и 49 жен.». Карелы обитали в многочисленных, но мелких деревнях. Из общего числа деревень, равного 170, в 101 деревне число дворов было от 1 до 10, в 61 — от 11 до 50, и лишь 8 поселений насчитывало от 51 до 150 дворов.

Чубинский описывает расположение деревень, отмечая их тяготение к рекам и озерам, точно воспроизводит облик карельских жилищ, населенных большими неразделенными семьями («Средним числом на каждый двор приходится 7,12

наличных душ»); сообщает немало интересного об одежде, пище, внешнем облике карелов. Исследователь не упускает случая рассказать о карельской свадьбе и других обрядах, фиксирует различные поверья, приметы, юридические обычаи.

И все же основное внимание ученого приковано к хозяйственному положению обитателей края. Он пишет об их крайнем малоземелье (менее 1 десятины культурной пашни на душу населения), указывает на страшную бесхлебицу, вызванную правительственным запретом вести подсечное земледелие, отмечает беспородность и невероятно низкую продуктивность домашнего скота. Подробно раскрывая состояние карельской «промышленности», то есть крестьянских промыслов, таких как охота («звероловство» и «птицеловство»), рыболовство, извозничество, «кузнечное мастерство» (на весь край всего 8 кузниц) и т. д., Чубинский приходит к неопровержимому выводу о резком и всеобщем упадке хозяйства обследованного района и обнищании его жителей: «Корелу нельзя не признать положительно бедною. За уплатою 42487 руб. 61 $\frac{1}{4}$ коп. податей и сборов остается у кореляков от промысловых и торговых доходов 54758 руб. 67 $\frac{1}{4}$ коп., хлеба недостает... 110792 пуда, на покупку которого, полагая, что он куплен в Кемии и в поморских деревнях по 1 р. 10 коп. за пуд и перевезен самими кореляками, нужно издержать 121871 руб. Таким образом, на остающиеся от промыслов и заработков деньги они могут купить едва половину необходимого на продовольствие хлеба». «В Кореле нищенствующих в летнее время до 800 человек, а зимою до 1500 человек, которые расходятся для испрашивания милостыни в Кемь, в поморские селения, в ближайшие места Олонецкой губернии и Финляндии».

Что и говорить: мрачная картина, страшные цифры, тяжелая судьба, но это были факты, и именно их собрал и обнародовал Чубинский.

Ученый обладал зорким взглядом и умел подмечать такое, чего не видели другие наблюдатели. Так, он отметил любопытную бытовую черту северных карелов — занятие разносной торговлей в Финляндии: «В прежнее время почти вся молодежь с половины августа уходила в Финляндию, рассыпалась по селениям и деревням финляндским и производила там торг большею частью на деньги, именуя себя купцами. Сумка этого торговца заключает в себе товару на

сумму от 30 до 200 руб.». «В настоящее время занимаются разносной торговлей 655 человек». Понятно, что вся масса карельских коробейников находилась в кабале у трех-четырех кулаков-торговцев, о чем также есть сведения у Чубинского.

Безотрадную картину материального быта северных карелов ученый дополняет данными об отсталости их духовной культуры: на 1000 жителей приходится лишь 13 грамотных и т. п.

Чубинский проникся симпатией и уважением к карельскому народу. Он пишет о карелах очень тепло, отмечая их честность, постоянство, мягкий и спокойный нрав: «Характера кореляки спокойного, несколько даже апатичны, но их нельзя упрекнуть в лени. Они точно так же трудятся, как и русские, если не больше, и бедность их ничуть не доказывает их лени».

Чубинский недолго пробыл среди карелов, но его встреча с этим народом не оказалась бесплодной и принесла пользу науке.

Александра Яковлевна Ефименко (Старовская) — первая в России женщина почетный доктор русской истории, профессор Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге, специалист в области русской и украинской истории и этнографии — также отдала дань изучению этнографии Карелии. Проявленный ею интерес к северной теме естествен: по рождению она северянка (родилась в селе Варзуге Архангельской губернии в 1848 году). После окончания гимназии в Архангельске поселилась в Холмогорах, где в течение нескольких лет работала учительницей.

Важной переломной вехой в жизни этого человека стало замужество, принесшее не только личное счастье, но и открывшее перед молодой женщиной совершенно новые перспективы интеллектуального развития. Она вышла замуж за Петра Саввича Ефименко политического ссыльного, высланного уже второй раз (первоначально он отбывал ссылку в Перми) за активную революционную пропагандистскую и организаторскую деятельность в Харькове и Москве. В студенческие годы П. С. Ефименко входил в рыбниковский кружок «вертепников», он и в ссылке не сложил оружия. Умный, талантливый, деятельный, обаятельный молодой ученый-демократ легко сумел вовлечь жену в сферу своих научных и общест-

венных интересов. Первоначально под руководством мужа, а затем и самостоятельно А. Я. Ефименко стала разрабатывать различные вопросы социальной истории и этнографии Севера, в частности истории крестьянской общины.

В 1879 году П. С. Ефименко с семьей разрешили возвратиться на Украину. Семья жила в Харькове. П. С. Ефименко занимался здесь наукой в гораздо меньшей мере, чем на Севере, но А. Я. Ефименко продолжала свои исследования очень интенсивно, подвергая изучению теперь уже украинские сюжеты. В 1907 году она возглавила кафедру русской истории на Высших женских курсах в Петербурге, где преподавала до начала гражданской войны. Бытовая неустроенность первых месяцев революции побудила А. Я. Ефименко (ей было уже 69 лет) выехать на Украину, где она была убита петлюровскими бандитами.

В 1877 году в Петербурге вышла в свет книга «Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии», на титульном листе которой стоит имя составительницы — Александры Ефименко. История появления этой книги такова. В 60—80-е годы заметно возрос интерес к изучению обычного права разных народов. Этот интерес был вызван как потребностями развития научного знания, так и чисто практическими и политическими причинами. Правительство надеялось, что такого рода знания помогут приспособить политику к правовой практике для более успешного управления массами в условиях надвигающегося кризиса эксплуататорской системы. Прогрессивные ученые и оппозиционные партии искали в обычном праве отражение реальных требований и чаяний народов.

Как уже говорилось, одним из пионеров серьезного изучения обычного права стал П. П. Чубинский. По его примеру этими проблемами заинтересовался П. С. Ефименко, который опубликовал в губернской газете и разослал по почте разным лицам из числа местной интеллигенции вопросник для собирания сведений об обычном праве народов, населявших Архангельскую губернию и некоторые сопредельные районы. На его призыв откликнулись многие корреспонденты, и в короткий срок в распоряжении исследователя оказались обширные материалы. П. С. Ефименко принялся за их изучение и в итоге написал ряд трудов об обычном праве русского населения губернии. Однако за пределами его работ остались сведения об обычном праве нерусских народов края. За об-

работку этих данных и взялась А. Я. Ефименко. В результате появилась названная выше книга, в которой широко использованы и тексты документов (записи дел и приговоров волостных судов).

А. Я. Ефименко интересовалась ролью «общинного начала» в жизни северных карелов. Факты показали, что из возможных форм общинного землевладения и землепользования у карелов сохранились лишь слабые пережитки в виде совместного использования лесных выгонов и аренды у общества отдельных лесных же пожен (сенокосов). С известной натяжкой это начало можно было усмотреть и в обычае общественной помощи при постройке дома (в заготовке и вывозке строевого леса). Исследовательница ошиблась, увидев «артельное начало» в организации карельской разносной торговли (коробейничества), которая в действительности основывалась на капиталистических началах.

Вслед за Чубинским Ефименко пишет об ужасном состоянии хозяйства карелов, к которому привели различные правительственные запреты, вызвавшие упадок традиционных занятий населения — подсечного земледелия, железоделательных промыслов и разносной торговли: «Немного, вероятно, есть местностей в русском государстве, жители которых находились бы в более тяжелом экономическом положении». Народ догадывался о причинах своих бедствий и соответственно реагировал на них: «Карелы относятся к чиновникам... крайне недружелюбно и держат себя с достоинством».

Характеризуя установившиеся у карелов нормы брачных отношений, Ефименко отмечает: «Случаи, когда бы брак заключался против воли жениха и невесты, по насильственному принуждению, очень редки». Автор подробно повествует об обрядовой стороне карельской свадьбы, и здесь этнограф подчас берет верх над правоведом. Ефименко, однако, не забывает подчеркнуть, что степень полноты обряда на свадьбе стоит в прямой зависимости от материальных возможностей роднящихся семей: полный обряд соблюдают лишь сравнительно зажиточные семьи, а бедняки стремятся его упростить и сократить.

У карелов «большая» неразделенная семья и широкий круг родственников играли важную роль в выборе жениха или невесты. Церковное венчание как санкция возникновения новой семьи не приобрело еще решающего значения: «У карелов венчанье не считается безусловно необходимым

для заключения брачного союза. Часто венчаются спустя некоторое время после свадьбы... Если церковный обряд совершается позже, то он не сопровождается никакими церемониями. Находящиеся в сожительстве вдвоем прикатываются к священнику на лыжах (так как это самый употребительный способ передвижения) и просят их повенчать... затем венчаются и таким же образом отправляются обратно».

А. Я. Ефименко указывает на неравное, зависимое положение женщины как в браке, так и вообще в жизни, что также санкционировалось обычаем: «Женский труд вообще ценится ниже мужского, хотя женщины нередко работают не только не хуже, но даже лучше и скорее».

Исследовательница не могла, конечно, пройти мимо отражения в обычном праве отношений собственности. Она констатирует решающее значение «права сильного», захваченного местными кулаками, рассказывает об обычаях, связанных с наследованием, подчеркивает традиционную, освященную обычаем честность карелов. В поле ее зрения попадают и некоторые весьма архаические обычаи, например, обычай, принятый при распределении охотничьей добычи: на часть добычи имеет право претендовать даже не принимавший непосредственного участия в охоте, а лишь сопровождавший охотника до места начала преследования животного. Отношения собственности отличались интересной формой внешнего выражения: «Каждый корел имеет свое собственное клеймо, которым помечает свое имущество, преимущественно скот — оленей, овец... За неграмотностью корелы употребляют свои клейма вместо подписей под всеми решениями, приговорами, сделками, договорами».

В практике найма и оплаты труда тоже отчетливо видны отношения хозяина и работника. Автор приводит яркие и точные факты об эксплуатации богатыми поморами-кулаками карелов то на морских промыслах, то как простых наемных работников.

В описании карелов Ефименко придерживается позиции, исключаяющей какое бы то ни было проявление национализма. Напротив, обнаружив в одной из книг о Севере гнусное и безответственное заявление о карелах, Ефименко считает своим долгом с фактами в руках уличить лжеца и сказать об этом народе правдивые и добрые слова.

«Широка и велика ты, Русь, и беда до какой степени ты еще не изведена!» Это восклицание человека, о днях и трудах которого дальше пойдет речь, может служить девизом всей его недолгой жизни, отданной тому, чтобы «изведать», познать быт и нравы народов родной страны, в том числе и Карелии.

О биографии Владимира Николаевича Майнова мы располагаем весьма скудными сведениями. Он родился в 1845 году. Окончил курс в Александровском лицее. Преподавал французский язык сначала в гимназии, позднее — в Гельсингфорском университете, а потом и в одном из кадетских корпусов. Увлекался этнографией, состоял действительным членом Русского географического общества, много путешествовал с научными целями. Ездил во Францию на всемирную антропологическую выставку. Оставил довольно большое научное наследство в виде книг и статей по антропологии и этнографии. Выступал в печати как популяризатор научных знаний и как беллетрист под псевдонимом В. Корниевский. Умер в 1888 году.

Еще совсем молодым человеком Майнов по поручению Русского географического общества приступил к изучению антропологии и этнографии мордовского народа. Вооруженный антропометрическим циркулем и тетрадью для записей, он путешествует по мордовским селам, сближается с народом и узнает многое из его обрядовой жизни, юридических обычаев и т. п. С этой поры определились этнографические интересы Майнова как финноугроведа и слависта — в научном плане, как популяризатора этнографических знаний и публициста — в общественном.

Политические и социальные взгляды ученого не отличались ясностью и определенностью, но, судя по его трудам, а также по тому, что он старался публиковать их в прогрессивных органах, можно предполагать, что в целом он тяготел к либерально-народническим представлениям и понятиям.

К карельско-вепсской теме Майнов обращался несколько раз. Им написаны этнографические очерки о вепсах «Приоятская чужь», о карелах и вепсах «Несторова Весь и корельские дети» и др. Однако наибольший интерес представляет его книга «Поездка в Обонежье и Корелу», изданная в 1874 году и уже через три года потребовавшая переиздания. Книга написана в жанре путевого очерка, автор непринужденно рассказывает о своих впечатлениях от путешествия. Майнов вла-

дел бойким пером, но нередко злоупотреблял «красотами стиля», и публицист-очеркист в нем побеждал этнографа.

Маршрут майновской поездки 1873 года не отличался оригинальностью: Петербург—река Нева—река Свирь—Петрозаводск—Тивдия—Повенец—Данилов—Паданы—река Повенец—Шуньга—Петрозаводск. Путешественнику, видимо, хотелось показать, что в этом суровом, но прекрасном крае все плохо, все в упадке, все деградирует. Он поставил своей задачей привлечь к нему внимание общественности и таким путем принудить администрацию активнее взяться за оказание местному населению помощи. Надежда, понятно, несбыточная, но документ получился яркий, «стреляющий», полный обличающих фактов и упреков

Обонежье и Корела, по впечатлению Майнова, это даже для культурного российского общества—«неведомая страна», а для местных жителей—«самим богом проклятый край». Все слои населения недовольны своим положением. От крестьян «слышим жалобы, жалобы и жалобы». «Если бедны крестьяне русские... в Повенецком уезде, то про кореляков и толковать нечего, хлеб достается им гораздо труднее». Скверно, скушно, мелочно живет захолустное уездное чиновничество. «Каким образом весь Повенец не вымер от скуки безысходной,— это для меня решительно непонятно». Людей преследуют за их религиозные убеждения—Майнов подробно рассказывает о разорении Даниловского и Лексинского старообрядческих скитов, сообщает современные ему факты произвола по отношению к старообрядцам. Одно преимущество края—отсутствие помещичьего землевладения. Майнов говорит об этом словами своего собеседника-крестьянина: «...Одним... бедны мы—помещиками, да тем-то мы и богаты». Но вместо помещиков здесь обосновалось великое множество мелких и крупных эксплуататоров нового типа: кабала, в которой «держит... окрестное население лесопромышленник», «гораздо безысходнее кабалы крепостного права».

Майнов отмечает тяжкие, кричащие противоречия народной жизни, демонстрируя их на конкретных примерах. Он видит «бесчисленное множество кабаков», говорит о разращении самими условиями деятельности и быта рабочих-судовщиков и мальчиков-поводырей, состоящих в услужении у слепцов-калик, пишет о закабалении крестьян скупщиками пушнины. Он убежден в полезности и прогрессивности, скажем, введения пароходного сообщения на реках и озерах,

но в то же время не может не возмутиться тем, что это лишает заработка тысячи крестьян-отходников.

Путешественник с сочувствием описывает русских и карельских крестьян, их постоянный, но неблагодарный труд на подсеке и на сплаве. Его привлекают их здоровые нравственные качества — удаль и ловкость в опасном труде. Вместе с тем он не может оставаться равнодушным к их невежеству, антисанитарии быта («Оспа здесь в [Паданах.— В. П.] царствует полновластно»), безразличию к ценности человеческой жизни.

Тезис «все плохо» применен автором и к описанию местных природных богатств, которые им охарактеризованы не столько по собственным наблюдениям, сколько по различным литературным источникам: «Всех сортов олонецкого мрамора известно до сих пор 31», но он не разрабатывается; «При... важном торгово-промышленном значении Онежское озеро в морском отношении находится в самом первобытном состоянии». Природные богатства лежат втуне, выгодные природные условия не используются — таков вывод наблюдателя.

Майнов пытался понять причины происходящего. Одну из главнейших он усматривал в бюрократизме государственного аппарата, главным образом его петербургского звена. Писатель негодует по поводу каждого проявления бюрократизма. Даже в попытках администрации составлять различные ведомственные документы на карельском языке Майнов зорко приметил дух типичного бюрократизма, так как чиновники отнеслись к этой работе столь равнодушно, что в итоге сочинили полнейшую бессмыслицу, которой карелы так и не смогли понять. Майнов протестовал против того, что «судьбу нашего Севера» решают «из петербургских кабинетов». Однако позитивной программы — как изменить и исправить положение — он в сущности не имел.

Ну, а что дал Майнов для Карелии как этнограф? К сожалению, не так уж много. Он описал хозяйственные занятия русских и карельских обитателей посещенных им местностей, их поселения, жилища, отчасти одежду, отдельные особенности заонежского говора, собрал и включил в свою книгу несколько бытовавших в то время преданий о деятельности Петра I в Карелии.

Сообщения Майнова, относящиеся к этнографии, и по способу их собирания (впечатления журналиста, а не специальные исследования), и по манере передачи (хлесткие оценоч-

ные суждения взамен точных детальных описаний) не соответствовали достигнутому тогда уровню этнографической науки. Кроме того, научное качество названной книги Майнова (да и других его сочинений на карельско-вепсскую тему) заметно снижается из-за примитивизма общей исторической концепции автора.

Неверно понял Майнов и проблему русской колонизации края. Ему почудилось, что здесь сыграли решающую роль «удалы добры молодцы», захватившие для Новгорода здешние земли, и «святые подвижники», у которых «не было иного оружия, кроме слова любви и утешения, и иной силы, кроме нравственной». На самом деле все было не так. Сначала в Карелии расселялись русские крестьяне, а «святые подвижники» захватывали уже обжитые ими земли и отнюдь не с помощью «слов любви и утешения», а опираясь на вполне реальную силу феодального государства.

Но, несмотря на отдельные промахи, ошибки и неточности, многие наблюдения Майнова должны быть признаны верными и отвечающими потребностям времени. Этому способствовало его дружеское, участливое отношение к народу Карелии, которое продиктовало ему следующие строки о заонежском крестьянине: «Лицо красиво.., глаза чаще все серые, волосы русые, с виду они кряжевисты и неповоротливы, но в деле подъемисты и тверды... Народ... отнюдь не ленив и, напротив того, в деле задорист».

Майнов прошел традиционный маршрут многих путешественников по Карелии, но книгу написал вовсе не традиционную. В ней — время с его надеждами и сомнениями, знаниями и предрассудками.

Вера Николаевна и Николай Николаевич Харузины, внесшие существенный вклад в изучение этнографии Карелии и, несомненно, поднявшие общий уровень науки на более высокую ступень, принадлежали к необычной, удивительной семье, все члены которой увлекались этнографией. Это было настоящее научное общество в миниатюре.

Харузины — москвичи, но происходили из сибирской купеческой семьи. Все четверо детей получили высшее образование. Старшие братья — Алексей и Михаил, оба одаренные ученые, немало сделали для изучения этнографии, антропологии, обычного права и истории ряда районов Средней Азии,

Прибалтики и т. д. Младшие, Николай и Вера, были очень дружны, и почти вся их научная работа строилась в тесном контакте.

Николай Харузин родился в 1865 году, а его сестра годом позже. Николай получил высшее образование в Московском и Юрьевском (Тартуском) университетах, а Вера по окончании гимназии училась в Париже, где изучала историю семьи, религии и церкви, а также слушала общие курсы лекций по этнографии разных народов; позднее, в 1889, 1892 и 1901 годах, она побывала в Германии, Австрии и снова во Франции, где изучала этнографические собрания в различных музеях.

По поручению Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Николай Харузин совершил немало поездок в различные области страны, на Кавказ, в Крым, Вятскую и Пермскую губернии, в Прибалтику и т. д.

С момента организации прогрессивного русского журнала «Этнографическое обозрение» (1889 г.) Харузины становятся активными сотрудниками этого органа, а в 1891 году Н. Н. Харузин принимает должность секретаря этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. С 1898 года Харузин приступает в качестве приват-доцента к чтению своего знаменитого курса лекций по общей этнографии в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков¹. А через два года Н. Н. Харузина не стало. Он умер 34 лет от роду в расцвете творческих сил, полный разнообразных и обширных научных планов.

В. Н. Харузина старалась продолжить начатые совместно исследования. С 1907 года она заняла профессорскую кафедру на Высших женских курсах в Москве, а также в Московском археологическом институте. Это была первая в России женщина — профессор этнографии. После Октябрьской революции В. Н. Харузина перешла на работу в Московский государственный университет, читала там лекции по 1923 год, когда тяжелая болезнь, лишавшая ее возможности двигаться, принудила ее отказаться от преподавания. В. Н. Харузина известна читателям не только как ученый, но и как детская писательница. Скончалась она в 1931 году.

В 1887 году совсем еще юные брат и сестра Харузины совершили экспедицию в Олонецкую губернию и на Кольский

¹ Курс был подготовлен к печати В. Н. Харузиной и издан в 4-х томах уже после смерти автора.

В. Н. Харузина.

полуостров. Вскоре они опубликовали по результатам поездки несколько работ, лучшие из которых — капитальная монография Н. Н. Харузина «Русские лопари», изданная в Москве в 1890 году и его же статья «Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии», а также очерки В. Н. Харузиной «На Севере. Путевые впечатления», опубликованные в Москве в 1889 году. Эти труды принадлежат к лучшим образцам русской описательной этнографии второй половины XIX века. Из них к территории Карелии относятся последние два.

Путешествуя по Карелии, молодые этнографы прежде всего старались выяснить для себя то, что можно было бы назвать «типом этнографической ситуации» в крае. И они констатируют переходное, переломное состояние крестьянской культуры. В очерке о Пудожском уезде Н. Н. Харузин писал: «Такие явления, как певец былин, сказитель сказок, начитанный в старых книгах человек — лишь редкие исключения, одинокие столбы, не поддавшиеся еще общему течению, охватившему молодежь и людей средних лет. Все представляет какое-то хаотическое состояние, какое-то ниопровержение старого и поспешную замену новым, схватываемым без разбора; все смотрит как будто недоделанным, неоконченным, сколоченным наспех. Видно, что с сравнительно недавнего времени произошла эта резкая перемена в умах, что, разрушивши старый строй, не успели его еще заменить прочным новым, выработать себе, взамен старых устоев, новое, трезвое мировоззрение».

Не понимая причину происходящего, состоявшую в бурном послереформенном развитии капиталистических отношений, Харузины видели ее в повышении частоты контактов пудожан с городскими жителями, с Петербургом, благодаря развитию транспорта (в частности, пароходного сообщения), отходничества и в связи с массовым отбыванием мужской молодежью воинской повинности.

Определив сложившийся тип этнографической ситуации, исходя из него, Харузины поставили себе более точные, частные исследовательские задачи. Они решили, впадая в ту же ошибку, которую совершали многие этнографы в прошлом, что наибольший интерес для науки представляют именно архаические, уходящие элементы быта и культуры, и энергично пустились на поиски этих редкостей.

Харузины коснулись в своих «карельских» работах многих вопросов. Однако они избрали для себя несколько главных тем, которые прозвучали потом в их произведениях как лейт-мотив. Для Н. Н. Харузина такой сквозной темой стали сюжеты, связанные с сохранением в сознании крестьян дохристианских («языческих») верований, преданий и представлений. Он описывает различные черты местной народной демонологии, представления крестьян о лесном и водяном царях, о заговорах, применявшихся для магического воздействия на «хозяев» различных стихий; выясняет вопрос об ассимиляции христианской церковью некоторых древних местных верований; высказывает весьма здравые суждения о происхождении отдельных поверий и преданий у русского населения Пудожского уезда, которое восприняло их от обитавшего здесь прежде и ассимилированного финноязычного (вепсского) племени и т. п.

В. Н. Харузина коснулась более широкого круга сюжетов, но и у нее постепенно сложились излюбленные сферы наблюдения. Это прежде всего интерес к жизни «больших», неразделенных крестьянских семей, которые еще встречались у пудожан. В разных пунктах маршрута она непременно старалась отыскать такую семью и описать ее жизнь. Вот один из примеров: «Семья Мошниковых... состояла из 10 членов. Это была так называемая «большая семья», где жили вместе дети трех умерших братьев. Во главе стоял сын старшего брата...— большак... уже стар, женат во второй раз на молодой вдове лет 29—30... Она — большуха: нужно стряпать на всю семью, надо суметь распределить всем работу».

Харузина, как и многие другие исследователи, обратила внимание на то, что «большие» семьи обычно зажиточнее, чем мелкие. Но странное дело — «В Пудожском уезде разделы семей стали повторяться все чаще и чаще», и большую семью «теперь уже не часто встретишь». Дело, оказывается, в том, что «лишь с внешней стороны стройно и гармонично идет жизнь большой семьи», а на самом деле «неравенство отношений между отдельными членами, большие права большака и большухи, с одной стороны, и масса обязанностей подчиненных членов, с другой, дают себя чувствовать и отзываются на взаимных отношениях».

Хотя исследовательница не обладала достаточной подготовкой, чтобы понять глубинные причины замеченного явления, но его внешнюю форму она описала детально и точно.

В. Н. Харузину тоже привлекали к себе пережитки дохристианских верований, но, в отличие от брата, она заносила в свою тетрадь не сухие научные факты, а живые зарисовки, сценки из народного быта. Вот одна из них: «Раз ворожея принесла мне в гостинец «сычни» [сочни.— В. П.]. «Это ворошунья тебе принесла?» — серьезно спросила меня Авдотья Федоровна [хозяйка квартиры, где жили этнографы, большуха.— В. П.] ...Уж как ты хочешь делай, а я бы не стала есть... Мало ли что бывает: нашепчут они там, что — не знаешь, а потом, бог знает, что сделается».

Харузина одна из первых обратила внимание на строгую архитектуру и своеобразную красоту северных храмовых строений, особо выделив широко теперь известный Ильинский погост на Водлозере. Но, пожалуй, самые яркие страницы написала она о встрече с певцом былин — Никифором Прохоровым по прозвищу Утка. Это место из книги Харузиной широко известно, оно вошло в учебники фольклористики. Автору удалось передать поэтическое обаяние былинного образа строя, обаяние личности исполнителя и его манеры пения, атмосферу трогательного контакта певца с его слушателями: «Утка откашлянулся — все тотчас замолкли. Утка далеко откинул назад свою голову, потом с улыбкой обвел взглядом присутствующих и, заметив в них нетерпеливое ожидание, еще раз откашлянулся и начал петь. Лицо старика певца мало-помалу изменялось: исчезло все лукавое, детское и наивное. Что-то вдохновенное выступило в нем: голубые глаза расширились и разгорелись; ярко блестели в них две мелкие слезинки; румянец пробился сквозь смуглость щек; изредка нервно подергивалась шея.

Он жил со своими любимцами-богатырями; жалел до слез немощного Илью Муромца, когда он сидел сиднем 30 лет, торжествовал с ним победу его над Соловьем-разбойником...

Жили с героем былины и все присутствующие. По временам возглас удивления невольно вырывался у кого-нибудь из них; по временам дружный смех гремел в комнате. Все сидели, не сводя глаз с певца; каждый звук этого монотонного, но чудного, спокойного мотива ловили они».

Надо ли, наконец, говорить, что точные, профессионально четкие характеристики в работах Николая Харузина, изящные этюды Веры Харузиной стали возможны лишь потому, что молодые этнографы шли к народу с чистой душой и открытым сердцем!

Список фольклористов и этнографов, посетивших Карелию во второй половине XIX века, далеко не исчерпывается теми именами, о которых шла речь выше. Мы остановились на них более подробно в соответствии с их «удельным весом» в истории изучения духовной культуры края. Однако необходимо, хотя бы в нескольких словах, рассказать и о тех, кто еще не был упомянут, но также внес свою лепту в исследование Карелии.

В первую очередь следует назвать Сергея Васильевича Максимова (1831—1901 гг.), оригинального этнографа-беллетриста, создателя ряда произведений, живо рисующих быт и нравы жителей различных районов России, удостоенного за свои труда избрания почетным академиком Академии наук.

В 1855 году Максимов предпринял продолжительную поездку на север страны, результатом которой явилась двухтомная книга «Год на Севере». (Автор получил за нее малую золотую медаль Русского географического общества.) В числе посещенных им мест было и Карельское Поморье, которое Максимов проехал от Кеми до Сумского Посада. Увлеченный этнографией путешественник прежде всего, обращал внимание на разнообразные формы быта поморов, народные предания, отдельные элементы материальной культуры (поселения, жилища, одежда и пр.). В его записях подкупает не только достоверность фактических сведений, основанных на непосредственных наблюдениях, но и любовное отношение к местному населению. Так, посетив Сороку, Максимов писал: «Селение Сорока известно по всему северу красавицами, каких действительно трудно сыскать в других местах русских губерний. Сорокские девушки и женщины — красавицы почти все, без исключения».

Наряду с этнографическими наблюдениями интересны материалы о поморском парусном и промысловом флоте, а также одно из первых в литературе описаний реки Кеми, по выражению Максимова, «редко упоминаемой в учебниках, но достойной особенного внимания».

Летом 1878 года в Петрозаводск пароходом из Петербурга приехал Александр Васильевич Елисеев (1858—1895 гг.). Врач по специальности и страстный путешественник, совершавший свои поездки на собственные скромные заработки, он живо и интересно рассказал о своих наблюдениях в книге «По белу свету», изданной в 1893 году, за два года до его

А. В. Елисеєв.

смерти (Елисеєв трагически погиб, заразившись сапом от больного ребенка, которого он лечил).

В Петрозаводске Елисеєв пробыл недолго и после традиционной поездки на Кивач, поразивший путешественника «даже после Иматры», отправился в Повенецкий уезд, откуда вернулся в Петрозаводск. В записках Елисеєва много любопытных наблюдений о быте олонецких карелов, которых характеризует, по мнению путешественника, «глубокая правдивость, верность данному слову, трудолюбие, доверчивость, гостеприимство». Много пишет автор и о встречах с раскольниками, старинных преданиях и повериях, с которыми он столкнулся в крае.

Сергей Алексеевич Приклонский (1846—

1886 гг.) несколько лет служил в Олонецкой губернии чиновником по ведомству министерства внутренних дел. Серию своих очерков он издал в 1884 году отдельной книгой под названием «Народная жизнь на Севере». Автор приводит обширный материал, характеризующий тяжелое положение местного крестьянства, пишет о неурожаях и голоде, когда в Повенецком и Пудожском уездах употребляли хлеб, «один вид которого возбуждал ужас».

К концу XIX— началу XX века относится целая группа путевых очерков, в которых описывались различные районы Карелии. Так, популярный в то время поэт и писатель К. К. Случевский (1837—1904 гг.) несколько раз был в Карелии в середине 80-х годов, сопровождая в поездках одного из великих

князей. Страницы его книги «По северо-западу России» (1897 г.) содержат немало наблюдений, относящихся к природе, быту населения и городам Карелии. Интересно, что это одно из первых иллюстрированных фотографиями изданий о Карелии. Тематика их разнообразна — Петрозаводск, Соломенное, Кемь, поморские суда, рыбаки и т. д.

Вместе с тем совершенно очевидно, что губернские власти стремились представить знатному путешественнику, с которым ездил Случевский, все «в лучшем виде». Вот почему Повенец, например, остался в его памяти как «один из самых замечательнейших городов России», хотя, «жителей в нем менее, чем публики на любом представлении в Большом театре», да и вообще щедро применяемые к населенным пунктам эпитеты «прелестный», «удивительный» и прочие, свидетельствуют о том, что Случевский не очень стремился к глубокому проникновению в сущность наблюдаемой им жизни.

Н. Березин («Пешком к карельским водопадам», 1903 г.) и М. А. Круковский («Олонецкий край», 1904 г.) прошли по дорогам Карелии не один десяток верст. Они побывали не только в городах, но и во многих селениях и деревнях, часто встречались и беседовали с крестьянами. Их очерки богаче фактическим материалом, да и достовернее, чем записи Случевского. Особенно ценны их сведения по районам с карельским населением: Олонец, Видлица, Тулмозеро — у Круковского, Гомсельга и деревня Карельская — у Березина. Описание жилищ, быта и культуры, многочисленные фотографии (у Круковского) делают их очерки интересным источником для этнографа и историка. Обращает внимание и попытка Березина найти объяснение тяжелой жизни крестьян. («Где-то сидят люди, которые решают за этих карел их карельские жизненные вопросы: где можно и где нельзя рубить лес, воспретить или разрешить подсеки, проводить или не проводить железную дорогу, обучать ли по складам... или лучше не учить ничему, как и в какой дозе сечь, какой пошлиной обложить заморскую соль, каким иконам молиться, какие книжки читать. Думают вяло, через пень колоду, с отписками, переписками, подковырками, подвохами...»)

В этом же ряду стоят интересные зарисовки быта населения Беломорской Карелии И. В. Оленева («Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги», 1917 г.). Оленев прожил в Карелии десять лет и, судя по его книге, знал край, пожалуй, лучше, чем другие авторы,

писавшие о Карелии этих лет. К тому же его книга наиболее богато иллюстрирована — не только многочисленными фотографиями, но и удачными рисунками карельских украшений, деталей построек, интерьеров и т. д.

Особое место занимает книга Михаила Михайловича Пришвина (1873—1945 гг.) «В краю непуганых птиц», написанная на материале поездки в Выговский край в начале XX века. Помимо высоких художественных достоинств, она чрезвычайно интересна тем, что повествует о жизни населения одного из самых отдаленных и мало посещаемых уголков Карелии.

Если окинуть общим взглядом то, что было сделано фольклористами и этнографами в Карелии во второй половине XIX—начале XX веков, то нетрудно убедиться, что эти разделы науки значительно обогатились, благодаря «карельским» материалам, а в отдельных случаях он стал решающим в постановке коренных исследовательских проблем.

Но несмотря на значительное число исследований и экспедиций, проведенных в крае, его общая изученность оставалась очень неравномерной и фрагментарной.

Делу мешало не только то, что в Карелии не было достаточно авторитетного специального научного учреждения для координации усилий отдельных исследователей, что исследования проводились на мизерные средства энтузиастов, да и сами они нередко прибывали «в экспедицию» на положении ссыльных, а то, что разные исследователи привносили в науку различные, часто противоположные и в тех условиях несоединимые методологические установки: одни, изучая край, стремились к познанию живой действительности с ее противоречиями и тенденциями; другие искали в культуре и быте его обитателей пережитки прошлого, ехали сюда за «живой стариной». Такая разница в подходе отражала основные противоречия тогдашнего российского общества и в рамках его не могла быть преодолена.

Карелия привлекала внимание не только этнографов и исследователей устного народного творчества. В поисках старинных рукописей и старопечатных книг сюда неоднократно приезжали любители и знатоки древнерусской литературы; олонечские говоры заинтересовали многих языковедов.

Среди собирателей рукописей наибольших результатов добился Всеволод Измайлович Срезневский, сын знаменито-

го русского слависта и филолога Измаила Ивановича Срезневского.

В Карелию В. И. Срезневский приехал летом 1903 года. Маршрут его поездки был явно подсказан опытом предшественников. В Петрозаводске он почти не задержался (по-видимому, потому, что в конце 80-х годов аналогичную работу проделал здесь хранитель отдела рукописей и славянских старопечатных книг Румянцевского музея А. Е. Викторов) и направился через Повенец в Заонежье.

Экспедиция оказалась чрезвычайно удачной. «Край полон старины, это какой-то случайно уцелевший осколок давнего времени...» — писал позднее исследователь. По словам Срезневского, он встречал среди крестьян Заонежья настоящих библиофилов, обладателей целых библиотек, собиравшихся многими десятилетиями и пополнявшихся до последнего времени, а в некоторых деревнях в редкой избе нельзя было найти рукописных книг, икон старинного письма или картин. Всего за время поездки ученый собрал и отправил в библиотеку Академии наук 240 рукописей XV—XIX веков, 30 старопечатных книг, несколько лубочных изданий.

Среди многих русских филологов, деятельность которых была в большей или меньшей степени связана с Карелией, М. А. Колосов, Г. И. Куликовский, П. А. Лавров и др., в первую очередь внимание привлекают имена двух крупнейших ученых, академиков Алексея Александровича Шахматова и Филиппа Федоровича Фортунатова.

А. А. Шахматов (1864—1920 гг.) впервые приехал в Карелию в июле 1884 года, будучи студентом историко-филологического факультета Петербургского университета. Цель поездки заключалась в изучении местных народных говоров с их ярко выраженными диалектическими особенностями.

Исследование нужно было проводить, по возможности, на «чистом», сохранившем свою самобытность материале, лишенном влияния городских наречий. В этом отношении Олонецкий край вполне соответствовал предъявляемым требованиям. Можно предположить, что таково же было мнение учителя Шахматова, Ф. Ф. Фортунатова, с которым молодой исследователь познакомился еще будучи гимназистом, в 1879 году и к которому сохранил чувство глубочайшего уважения. В одном из писем Фортунатову Шахматов писал: «Одно слово такого человека, как Вы, значит для меня очень и очень много. Чувство любви и уважения к Вам — вот что

П. А. Лавров (с картины худ. В. Н. Попова).

постоянно сопровождало мои занятия наукой, постоянно оживляло их. Вы для меня не только руководитель и учитель: Вы воплощаете в себе эту самую науку, около которой сосредоточились все мои интересы и симпатии...»

На лошадях, на лодке, а главным образом пешком Шахматов добрался из Петрозаводска до Заонежья — основного района своих исследований. Здесь он пробыл все лето, изучая говоры Великогубской и Шунгской волостей, записывая сказки, былины, загадки, свадебные песни. Через год, в 1886 году, Шахматов вторично приехал в Карелию для проверки материалов первого путешествия.

Много лет спустя записанные молодым исследователем сказки были опубликованы в сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (СПб., 1908 г.).

А. А. Шахматов внес крупный вклад в изучение русского фольклора Карелии. По авторитетному свидетельству проф. А. М. Астаховой, его записи «дают интересный, значительный материал для изучения судеб эпической поэзии в XIX—XX вв.»

Академик Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914 гг.), выдающийся русский языковед, научные заслуги которого получили мировое признание, был связан с Карелией давними и прочными узами. Его отец, Федор Николаевич, был директором Олонецкой гимназии, и детские и юношеские годы будущего ученого прошли в Петрозаводске. В 1863 году Фортунатовы переезжают в Москву, где Филипп Федорович заканчивает историко-филологический факультет Московского университета и вскоре защищает магистерскую диссертацию, а в 1876 году становится профессо-

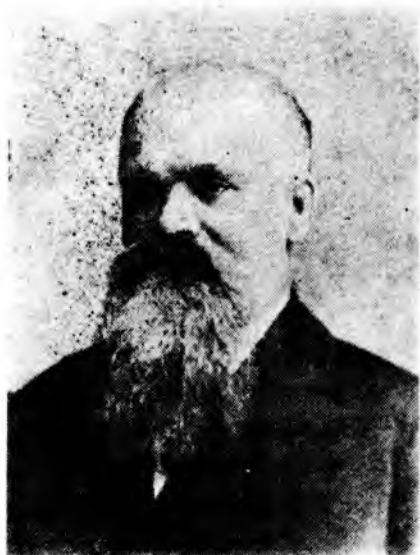

А. А. Шахматов (фотография начала 80-х гг).

ром. В дальнейшем, после избрания ординарным академиком Академии наук (1898 г.) Фортунатов живет преимущественно в Петербурге. Но независимо от того, где протекала его научная деятельность, каждое лето с 1894 по 1914 год, он проводил в деревне Косалма, недалеко от Петрозаводска.

Гостеприимный косаломский дом Фортунатовых был хорошо знаком многим русским и зарубежным ученым. Здесь бывали академики А. А. Шахматов, В. М. Истрин, Б. М. Ляпунов, М. М. Покровский, И. В. Ягич, П. А. Лавров (последний долгое время жил неподалеку от Косалмы, в деревне Царевичи), члены-корреспонденты Академии наук Н. М. Каринский, Г. А. Ильинский, А. И. Белич, А. И. Томсон, В. Н. Щепкин, профессора В. К. Поржезинский, Ф. Е. Корш и многие другие. Приезжали иностранцы — профессора Сольмсен, Миккола, Шрадер, Торбьернсон.

Фортунатова привязывала к Косалме не только любовь к северной природе, которую он пронес через всю жизнь. Он взял на воспитание дочь местного крестьянина Башова —

Ф. Ф. Fortunatov.

Настю. Анастасия Михайловна Башова сделалась полноправным членом семьи Фортунатовых, училась в Петербурге, где получила высшее образование и стала первой женщиной-агрономом в Карелии. (Умерла в Косалме в 1962 г.) Ученого хорошо знали и любили местные жители. В одном из писем Фортунатов писал: «Приехали вечером в Косалму и по обыкновению встречены были здесь всем населением, начиная от стариков и старух и до грудных младенцев».

К сожалению, даже по материалам обширного архива Ф. Ф. Фортунатова трудно составить

ясное представление о характере его научных занятий в Косалме, хотя интерес ученого к карельскому языку бесспорен. Это отразилось, в частности, в работе над рукописью русско-карельского словаря, составленного учителем Святозерского одноклассного училища Михаилом Дмитриевичем Георгиевским, к которому Фортунатов написал предисловие. По мысли автора словаря, его труд должен был помочь русским учителям, обучающим карельских детей. Как видно из предисловия, Фортунатов проверял материал рукописи в некоторых карельских местностях, главным образом в окрестностях деревни Карельское, а сохранившиеся корректуры словаря с правкой ученого свидетельствуют о большом внимании, которое он уделял этой работе. Словарь Георгиевского был опубликован в 1908 году.

20 сентября 1914 года Ф. Ф. Фортунатов скончался в Косалме, где и похоронен.

Г Л А В А X.

ОЛОНЕЦКИЙ КРАЙ НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКОВ И ЗАПИСОК

Несмотря на то, что Олонецкая губерния находилась всего в нескольких сотнях километров от Петербурга, она на протяжении многих десятилетий оставалась страной «незнаемой» даже для сравнительно образованных русских людей. В значительной мере это объяснялось тем, что литература о ней (сравнительно с другими районами России) была чрезвычайно бедна, и потому представления о крае, как правило, довольно смутные, умещались в рамки глинковского «Дика, Карелия, дика!»

Положение стало меняться, хотя и не очень быстро, с 60-х годов прошлого столетия. Но даже после открытия паровозного сообщения Петербург—Петрозаводск поездка в Карелию в течение долгого времени считалась делом необычным и даже, в известной мере, экзотическим. Недаром В. Майнов начал свои путевые очерки «Поездка в Обонежье и Корелу» словами: «Да не возмущается дух того, кто прочтет заглавие этого очерка— все это вовсе не так далеко от Петербурга, как может показаться с первого взгляда... Страна-то, положим, действительно неведомая и притом настолько, что даже, когда обзовут ее официальным ее именем, так и то воображению представится лишь тундра...»

Поэтому естественно, что многие из побывавших в «Олонии» после возвращения публиковали свои путевые записки или выступали со статьями и заметками. Даже в отчетах о специальных научных исследованиях рассыпано немало любопытных «бытовых» деталей, относящихся к условиям работы,

средствам и путям сообщения, жизни местного населения и т. д. Разумеется, познавательная ценность таких материалов различна, и не только потому, что она зависела от наблюдательности, точки зрения, наконец просто от умения автора изложить увиденное, но и потому, что эти свидетельства неравномерно охватывают различные районы Карелии. Если до нас дошло сравнительно много записей, относящихся к поездкам по центральной и южной частям края, то путешественников, побывавших в северных районах или в глубинах Повенецкого и Пудожского уездов,— единицы. Но так или иначе, перед нами впечатления современников, во многом не потерявшие интереса и для нынешнего читателя.

Обычно все поездки по Олонецкой губернии путешественники начинали с ее административного центра— Петрозаводска.

К началу XIX века Петрозаводск был небольшим провинциальным городком, насчитывавшим около 5 тысяч жителей. Почти половину населения составляли рабочие Александровского завода, самого крупного предприятия края, и представители «сельского сословия». Поскольку город был губернский, в нем находился местный административный аппарат и квартировалось губернское воинство, представленное гарнизонным батальоном. Правда, чиновный люд поначалу был немногочислен. Он увеличился только с середины века, когда нехватка чиновников вынудила правительство выплачивать едущим на службу в Олонецкую губернию двойные прогонные и повышенное жалование... С 60-х годов численность населения стала расти несколько быстрее, и в начале XX столетия в Петрозаводске проживало уже немногим более 10 тысяч человек.

Внешний облик города менялся медленно, как и у всех провинциальных городов Российской империи. Удачное расположение Петрозаводска на берегу Онежского озера при застройке не использовалось. Деревянный, плохо освещенный, с пыльными летом и заснеженными зимой улицами— таким он остался в памяти людей, побывавших здесь и в начале и в середине, и в конце минувшего столетия.

Вот как описал Петрозаводск К. Бергштрессер в 1838 году: «Лососинка разделяет город на две части, одну занимают более чиновники и граждане, тут построены и присутственные

места и каменный гостиный двор, во второй живут более мастеровые, приписанные к заводу. Завод лежит на краю западной стороны города; пылкий, яркий огонь из двух труб, во всякое время поднимающийся, составляет единственное освещение Петрозаводска и служит, к счастью, еще как бы маяком для бродящих по пустым улицам в темные осенние вечера».

Через двадцать лет после этого описания Петрозаводск посетил писатель и охотник Н. Эюс. Он стрелял на улицах серых куропаток, перегоняя их из сада в сад, ловил белок и даже «бил волков зимой, что не во всяком городе удаётся...» В эти же годы один из путешественников писал: «Петрозаводск по своей наружности совсем не заслуживает той величавой местности, на которой он расположен. Невзрачные деревянные домики, посеревшие и большей частью постаревшие, совершенная тишь на улицах, пыльных летом и грязных осенью».

Еще через двадцать лет в Петрозаводск из Петербурга приехал орнитолог Г. Гебель, изучавший северных птиц. Судя по его описанию, заметных изменений в городе не произошло: «В самом городе нет ничего красивого — широкие, но пустые безлюдные улицы, маленькие, большей частью деревянные домики, деревянные тротуары, почти не мощеные улицы — все это придает городу скорее вид большой деревни. Везде безжизненно и пусто...» В том же году, что и Гебель, в Петрозаводске был В. Майнов: «Город состоит из одной улицы и из некоторого подобия безобразной пропасти, которая как бы вымощена шлаками».

О городе, в котором, «кроме музея и Александровского завода, смотреть нечего», писал в конце XIX века известный писатель и путешественник А. Елисеев; «городок, который не живет, а дремлет» — таким остался губернский центр в памяти писателя М. Пришвина и многих, многих других.

Еще в предвоенные годы в городе была замощена единственная улица, которая вела от пристани к губернскому дому. В центре зияла громадная яма без единого дерева, а по вечерам вся эта унылая картина освещалась керосиновыми фонарями. На месте нынешнего шоссе 1 Мая жители собирали бруснику и грибы, а неподалеку от того места, где сейчас находится университет — васильки в ржанных посевах.

Подать губернскому центру были и уездные города, которые уже и вовсе почти ничем не отличались от больших

Петрозаводск в начале XX века.

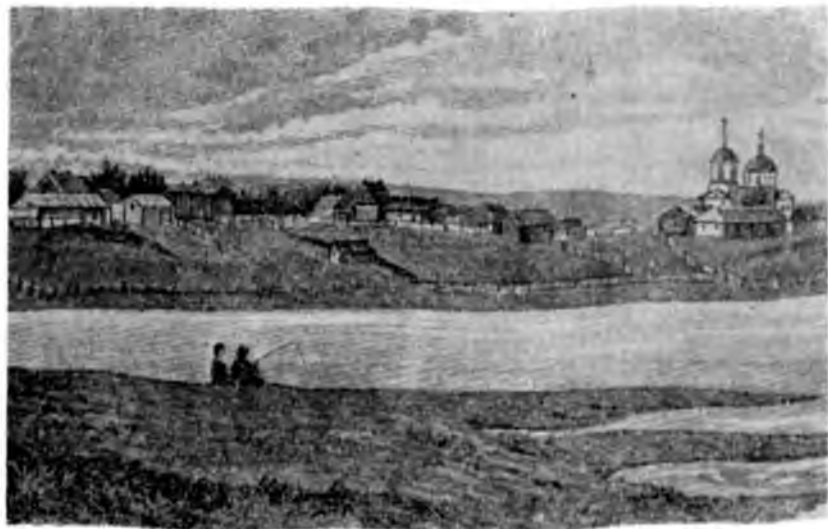
деревень. Удивительно схожи впечатления от них у путешественников, хотя записи относятся к разным городам и порой отдельны друг от друга десятилетиями. Общие признаки всех городов — казенные вывески, богадельня и острог. Всюду серые домики однообразной постройки, напоминавшие деревенские избы, всюду заросшие травой улицы, всюду непробудный покой. И если известный исследователь олонцев карел Н. Лесков пишет в своем «Отчете о поездке к олонцким карелам летом 1893 года», что в Олонце «целых шесть дней, начиная с понедельника и кончая субботой, царит мертвая тишина, нарушаемая разве лаем собак и криком гусей», то Пудож в воспоминаниях В. Н. Харузиной — город, который «спит с утра до вечера и с вечера до утра», а Повенец, по выражению Е. Исполатова, «только в здешних безлюдных странах удостоился названия город».

Для впервые приезжавших в Петрозаводск «традиционной» стала поездка на Кивач. Попасть сюда из Петрозаводска было сравнительно несложно. Выехав утром из города на ло-

шадях, к середине дня уже можно было любоваться величественным зрелищем падающего каскада.

Если Петрозаводск не оставлял в сердцах путешественников сколько-нибудь заметного следа, то, едва выехав за пределы города, они не уставали восхищаться красотами карельской природы. Н. Эюс, завзятый охотник, поглощенный прежде всего мыслями о гусях, утках и куропатках, около Петрозаводска обнаружил такой ландшафт, «что если бы был живописцем, то прирос бы тут и не двигался с места, пока не передал бы полотну эту неописанную красоту, которую не выразишь словом...» Всеобщий восторг вызывала дорога от Шуи до Кивача. М. Круковский называет ее «одной из лучших и красивейших в Олонецкой губернии». Особенно привлекали виды озер и больше всего Кончезеро, с его «массой скалистых островов, покрытых красивой зеленью, каменными громадами, окружающими озеро, и чудесной перспективой лесов».

В отличие от прочих дорог края дорога на Кивач была предметом постоянных забот местной губернской администрации (один из путешественников даже писал, что ехал здесь, «как по паркету»): петербургское начальство, изредка наве-

Пудож в начале XX века.

щавшее губернию, считало своим неременным долгом посетить знаменитый водопад... Когда же губернию посещали «высочайшие особы», для удобства их путешествия принимались экстренные меры. Так, в 1858 году, в связи с поездкой Александра II в Марциальные Воды и на Кивач, в Петрозаводске соорудили пароходную пристань, установили паром через Шую, дорогу заново отремонтировали, а около водопада построили даже специальный домик. Академик Гельмерсен, сопровождавший царя, в этой связи пишет: «Вид Кивача приятно изумил меня своею переменою. В 1856 году местность эта представляла совершенную пустыню, единственным обитателем которой был старый караульщик лесных плотов; теперь же около водопада построен павильон с прекрасной лестницей». (Когда через несколько лет Кивач посетил академик Я. К. Грот, он с удивлением обнаружил, этот павильон пуст — мебель из него увезли тотчас после отъезда царя, не оставив ничего, кроме голых скамеек...)

Дорога на Кивач проходила через Сулажгору, селение Шую (в прошлом веке под общим названием «Шуя» объединялось около 20 деревень, расположенных по берегам реки Шуи от Логмозера до Укшезера) и далее почти совпадала с ныне существующей — через Косалму и Кончезеро. По этому пути шли и любители пеших путешествий. Иногда к Кивачу ездили по реке Суне, и крестьяне деревни Вороново специально держали для желающих лодки, на которых от деревни надо было проплыть еще семь верст. Я. К. Грот избрал именно этот путь.

Хотя упоминание о Киваче встречается еще в писцовых книгах XVI века, он был по существу «открыт» державинским «Водопадом»:

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами.
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми.
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит...

Эти строки стали хрестоматийными еще при жизни поэта, и их вспоминает едва ли не каждый, кто описывает Кивач. А таких описаний — десятки. Кивач представлен во все времена года, в ясное утро и дождливую ночь, в жаркий полдень и пасмурный вечер, в стихах и прозе, в научных статьях и очерках, в дневниках и письмах.

«Одно из великолепнейших зрелищ природы», «трудно представить зрелище, привлекательнее Кивача» — такими и подобными записями пестрят все воспоминания о водопаде. Вот что писал о нем Я. К. Грот. «В 7 часов утра туман рассеялся, и Кивач предстал нам во всем своем великолепии. Алмазна гора сыпалась перед нами четырьмя уступами с высоты нескольких сажен... Широкая полоса воды у подошвы большого утеса падает белою клубящеюся массою пены с далеко летящими брызгами; на середине высоты при сиянии солнца образуется радуга, ярко рисующая на зелени прибрежного леса... По обилию воды и по разнообразной живописной форме падения с довольно значительной высоты Кивач есть, без сомнения, один из замечательнейших водопадов Северной Европы».

Особенно сильное впечатление производил правый поток водопада, низвергавшийся по четырем уступам. О них писал Ф. Н. Глинка:

Кипя над четырьмя скалами,
Он с незапамятных нам лет,
Могучий исполин, валами
Катит жемчуг и серебро...
Его зубристые хребты
Блестят — пустыни монументы.
Таков Кивач, таков он днем!

Многие из побывавших у водопада вспоминали слова писателя К. К. Случевского, который сетовал на то, что «всех глаголов русского языка, изображающих стук и действие, не хватит для этого описания...»

В конце XIX — начале XX века на Кивач из Петербурга и других городов страны специально приезжали уже по несколько сот человек в год — водопад приобретал широкую известность. Но далеко не все способны были оценить его величественную красоту. В записках, относящихся к этому времени, встречаются упоминания о надписях на скалах, вроде «Элиз и Вольдемар», «Петя и Нюра» и т. п. Один из путешественников в этой связи писал: «Немало пошляков, которым величие природы кажется ниже их собственного достоинства, любят прибегать к надписям на самой картине, уродуя ее и отравляя этим производимое ею впечатление. И добро бы какой-нибудь Теодор, желая увековечить свое имя или имя своей возлюбленной, пробрался на эти утесы с опасностью

для жизни. Но нет! Бородатый мужик с лохматой прической, перекинув дощечки с камня на камень, пробирается над кипящей бездной с ведерком краски в руке на указанное место и, балансируя там на скользком камне, мажет вензель за цельковый или два...»

Право же, жаль, что на протяжении почти столетия подобные «пошляки» мало в чем изменили свое отношение к природе, разве что обходятся без помощи «бородатых мужиков»!

Иногда от Кивача путешественники поднимались по Суне к другим водопадам — Гирвасу и Пор-Порогу, но туда доходили немногие, так как проезжей дороги не было, а пройти около 40 километров лесом решался не каждый. Один из путешественников, проделавший этот путь в 60-х годах прошлого века, писал о «совершенно ошеломляющем чувстве», охватившем его при виде этих водопадов, когда «гул падения далеко разносится по лесу, а вблизи превращается в страшный рев». Три сунских водопада автор сравнивает с тремя моментами борьбы реки: одоление первых трудностей (Гирвас), ожесточение разгара битвы (Пор-Порог) и торжество победы (Кивач).

Поездка на Кивач обычно завершалась посещением Марциальных Вод, но там в XIX веке уже было мало интересного. Энгельман, побывавший у марциального источника в 1836 году, писал о нем, как о месте «весьма мрачном», почти не сохранившем следов прошлых построек. Правда, во второй половине XIX века (опять же в связи с приездом царя) был построен павильон, но это не спасало положения. Большинство посетителей оставалось неудовлетворенными, тем более, что все они сходились на том, что «вода имеет вкус настоящий купоросный с запахом испорченного яйца».

Среди описаний Марциальных Вод привлекают внимание строки, принадлежащие академику Ф. Ю. Левинсон-Лессингу, побывавшему здесь во время своей экспедиции в середине 80-х годов: «Со времени Петра сохранилась недавно реставрированная небольшая церковь с канделябрами и другими принадлежностями изделий самого Петра, дворец же бесследно исчез, оставив потомству лишь свое название. В последнее время на месте источника выстроен павильон и поставлен небольшой казенный домик. Три крестьянских избы довершают постройки и народонаселение этого оазиса, могущего, несомненно, при большей энергии и предприимчивости...

служить хорошим курортом для жителей Петрозаводска». Пожелание ученого сбылось лишь через 80 лет!

Путешественники, посетившие Беломорскую Карелию, восхищались водопадами на реке Кеми, которые, по словам М. Н. Миклухи-Маклая, «по своей красоте и живописному местоположению не уступят известным водопадам Кивачу и Иматре». Один из северных водопадов — Подужемский порог — ярко описал И. В. Оленев: «Целые полчища клокочущих волн, в хаотическом беспорядке наскакивая одна на другую, порой высоко подбрасываются вверх, разлетаются тучами алмазных брызг и серебристой пены и мчатся вниз с неопишуемой быстротой, как будто торопясь убежать от этого страшного места. Две круглые, черные гранитные скалы, уцелевшие каким-то чудом среди этой стремнины, кажутся какими-то сказочными мастодонтами, и пораженному этой дивной картиной зрителю представляется, что эти скалы подпрыгивают на месте под напором мятущейся стихии...»

Восторженные описания природы Карелии можно найти у всех путешественников, где бы они ни побывали.

Е. Исполатов так вспоминал о своей поездке в Повенецкий уезд: «На каждом шагу путешественник имеет возможность любоваться красивыми видами. То над ним громоздятся высокие серые скалы, из трещин которых выглядывают зеленые листвяки папоротников; то в глубокой ложбине блеснет серебристое озеро, на котором глаз может разглядеть плавающих гагар или лебедей... Там и сям попадаются громадные гранитные валуны разнообразной причудливой формы, живописно разрисованные лишаями, покрытые мохом и поросшие папоротниками...»

Недалеко от Олонца, как пишет М. А. Круковский, «море леса, елового, соснового, лиственного, расстилается тут же под ногами; остроконечные верхушки темно-зеленых, почти черных елей и сосен сменяются пришибленным к земле светло-зеленым кудрявым кустарником, вдали между лесом серебрятся озера... Всюду широкий, могучий размах природы, чудесный вид. Смотришь и не наглядишься...»

В. Майнов восхищается окрестностями Повенца, И. С. Поляков — красотами Пудожского края, даже суховатый Г. П. Гельмерсен, посетив Валаам, не мог удержаться от таких слов: «Как часто случается слышать от жителей Петербурга восторженные рассказы о живописных местностях, виденных ими за границею! А между тем многие ли из них были

на Валааме, многие ли из них знают, что так близко от них существует эта богато одаренная природой местность». (Напомним еще, что поездка на Валаам вдохновила П. И. Чайковского при работе над Первой симфонией, вторая часть которой создана под впечатлением этого путешествия, что на Валааме побывали десятки русских художников и среди них И. И. Шишкин, Ф. А. Васильев, А. И. Куинджи, Н. К. Рерих, а их картины, написанные на острове, могли бы составить целую выставку).

Сопоставление природы Карелии и Западной Европы встречается неоднократно, и все сходятся на том, что северный край не только не уступает видам Германии, Швейцарии, Италии, но во многих отношениях богаче благодаря «беспрестанно меняющимся здесь пейзажам». На страницах описаний часто появляется одна и та же мысль: «Мы, русские, хулящие все свое и ездящие любоваться природой за границу, не знаем, что у нас сравнительно недалеко находятся такие чудные местности...»

Насколько единодушны исследователи и путешественники в оценках карельской природы, настолько совпадают их мнения и относительно трудностей, с которыми связана поездка по олонецкому краю. Прежде всего речь идет о дорогах.

Если из Петрозаводска можно было без большого труда добраться до уездных городов (к Повенцу и Олонцу вели почтовые тракты, а в Пудож во время навигации шел пароход), то поездка в глубь Карелии была куда сложнее. Даже в начале XX века более 50% селений совершенно не имели каких-либо дорог (в Петрозаводском уезде 370 из 636, в Повенецком — 253 из 402). Некоторые деревни были удалены от ближайшей дороги на 80 верст. Поэтому естественно, что даже самые закаленные участники геологических экспедиций не расходятся в оценке местных путей сообщения с людьми, не имевшими опыта подобных поездок,— все пишут об ужасном бездорожье.

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг вспоминал о болотных тропах, «где вместо гатей свалены лишь тонкие и даже неотесанные бревна или жерди, с которых ежеминутно соскальзываешь, погрязая в болото», а к числу еще менее приятных воспоминаний о путешествии по Карелии относил «самую ужасную каменистую лесную тропу», соединявшую Кондопогу с деревней Вороново.

Олонецкая люлька.

Экспедиция К. Ф. Кесслера, находясь в Повенце, вынуждена была отказаться от некоторых маршрутов из-за «первобытного состояния дорог, проехать по которым не представляется никакой возможности». В. Гомилевский, исследовавший северные районы Карелии, сетует на то, что «зимние дороги не лучше летних, а иногда просто убийственны — они узки, постоянно заносятся снегом». А. Елисеев хотел из Падан добраться до Селецкого озера, а оттуда лесными тропинками дойти до Финляндии, но не нашел проводника, потому что туда «ни пешком, ни на коне не пройдешь».

А. П. Энгельгарт, путешествовавший по Карельскому Поморью, пишет в своих путевых очерках «Русский север» (1897 г.): «Летние пути в Кореле самые первобытные, колесных дорог вовсе нет, по большей части приходится ехать по озерам и порожистым рекам, а более опасные пороги обходить пешком, пробираясь по камням; между многими деревнями существует исключительно пеший путь, где путнику

приходится балансировать по жердочкам, проложенным через болота. Чиновнику, желающему, например, посетить карельские волостные правления, нужно сделать 113 вер. пешком, 169 вер. верхом, 838 вер. в лодке».

Даже олонецкий губернатор Григорьев, которому по делам службы понадобилось попасть в Реболы, из Петрозаводска поехал в Петербург, оттуда в Финляндию, затем пересек границу вверенной ему губернии и, наконец, после многих приключений, кое-где путешествуя в корзине, в которой его носили крестьяне через болото, добрался до места.

Поэтому там, где это было возможно, путешественники предпочитали водные пути. Правда, лодкой не всегда можно было воспользоваться, особенно на северных реках, изобилующих порогами, которые тянутся иногда на несколько верст. Именно о них писал М. Н. Миклухо-Маклай: «Местные реки и речки настолько порожисты, что по ним нет возможности проехать...» И все-таки находились смельчаки (конечно, из числа местных жителей), которые рисковали отправляться в это опасное плавание. И. В. Оленев рассказывает, что наблюдал поездку по такой бешено бушевавшей стремнине: кормщик «с чрезвычайным напряжением смотрел на каждую подозрительную волну впереди, громко и отрывисто выкрикивая, правым или левым веслом нужно усиливать греблю, чтобы миновать камни и большие волны, грозившие затопить лодку. При невероятной скорости движения руль иногда не действует... Тут нужно большое самообладание, точное знание свойств течения воды в пороге и умение во время командовать гребцами, в противном случае пришлось бы дорого расплатиться за малейшую ошибку кормщика».

Сравнительно в более выгодном положении среди путешествовавших по Поморью были изучавшие прибрежные районы. От одного населенного пункта к другому они могли добираться морем и трудностей сухопутных дорог почти не знали — местные жители перевозили их на карбасах. Такой путь описал, в частности, академик В. В. Суслов, побывавший в Сумпосаде и Сороке и проехавший оттуда морем в Кемь. Поездка закончилась благополучно, и ученый в своих «Путевых заметках о севере России и Норвегии» воздает должное искусству гребцов, хотя и признается, что относился к этому пути с опаской, поскольку море было бурным и если бы что-

нибудь случилось, то «за неимением в карбасе каких-либо спасательных снарядов всякие надежды на спасение должны были считаться лишними...»

К водным путям сообщения нередко прибегали и исследователи, побывавшие в Петрозаводском и Олонецком уездах. Обилие здесь озер и рек со сравнительно спокойным течением несколько упрощало проблему передвижения. Правда, не всегда удавалось добыть необходимые транспортные средства. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг писал, что ему приходилось совершать большие переезды «в столь дряхлых лодчонках, на которые потом даже трудно без страха взглянуть». Но вместе с тем «очень часто удавалось отыскать прочную и поместительную лодку с хорошими парусами и опытными гребцами».

Сохранились любопытные воспоминания о поездках по карельским рекам с помощью так называемой «бабьей», или «сарафанной», почты. Одно из них принадлежит Ф. М. Истоминову и Г. О. Дютшу, которые летом 1886 года путешествовали по селам и деревням Олонецкой губернии, записывая русские народные песни. Не без основания рассчитывая на то, что наиболее «урожайными» окажутся более отдаленные населенные пункты, где записи еще никто не вел, они столкнулись с проблемой дорог. И здесь их во многом выручили местные крестьянки: «На обыкновенной лодочной подводе, соответствующей паре лошадей, вы всегда найдете четырех гребцов — из них три девушки и одна непременно молодая или пожилая женщина; кормщиком (рулевым) чаще всего бывает крестьянин, изредка его заменяет пожилая, испытанная в этом деле кормщица... Эта так называемая «бабья почта» проявляет замечательное искусство в гребле и удивительную неутомимость, совершая нередко тридцативерстные переезды не более как с одной остановкой на пути, не взирая на страшный солнцепек...» По свидетельству К. Случевского, такие «женские» экипажи делали по 120 верст в сутки, работая в две смены.

Этот способ передвижения произвел сильное впечатление и на Энгельгардта, который на лодке добирался до Подужемья: «Рулевыми и гребцами в лодке были только бабы; смелость и ловкость, с которыми они управляли лодкою, изумительны — при малейшей оплошности лодка могла удариться о камень, и тогда, конечно, прощай: выбраться вплавь из такого омута невозможно. Как-то неловко было перед

бабами отказаться... но в другой раз без особой надобности я постараюсь избегать таких поездок».

Трудности, связанные с бездорожьем, усугублялись отсутствием сколько-нибудь приемлемых карт. Со времен Акима Клешина объем картографических материалов, относящихся к Карелии, разумеется, значительно возрос. Прошло генеральное межевание (хотя планы его составлялись без топографической съемки); появилась карта Олонецкого горного округа; экспедиция Лемма определила местоположение десятков населенных пунктов; наконец в 1853 году было издано «Военно-статистическое обозрение Российской империи», во втором томе которого подробнейшим образом «по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте», с точным указанием расстояний, описывались пути сообщения Олонецкой губернии. И тем не менее Гельмерсен констатировал совершенное «несогласие с действительностью» имеющихся карт.

В 1874 году было опубликовано «Исчисление пространства Российской империи» полковника Генерального штаба Стрельбицкого, куда вошла и Олонецкая губерния. На этой основе была создана карта в десятиверстном масштабе, которая должна была исправить пробелы прежних карт, в частности карты Шуберта, которой пользовались путешественники до середины 70-х годов. (В. Майнов пишет о ее «безобразной неверности» и рассказывает о том, как, руководствуясь этой картой, он, сидя на руле, направил лодку в одной из поездок на север от устья Сегежи и «удивлялся все, что гребцы посмеиваются». Наконец они не выдержали: «Да ты куда же держишь?» Майнов ответил, что на Ловище. «Так на карте-то Ловище на север от Сегежи обозначено, а на деле-то оно 10 верст на теплынь... Да ведь этих мест никто не снимал, а так, больше по сказу, а мало ли иной что набрешет!»)

Однако и карта Стрельбицкого вызывала нарекания, особенно со стороны геологов. Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, описывая поездку на Кедрозеро, замечает: «Мне кажется, что совершенное игнорирование этого озера было бы простительнее того ложного изображения, какое дано ему на карте Генерального штаба. Вообще нельзя не посетовать на крайнюю недостаточность десятиверстной карты и не пожелать, чтобы не заставила себя ждать новая и более верная съемка». М. Н. Миклухо-Маклай писал, что на этой карте «имеются озера, которых нет в действительности, не показано много рек и даже неверно показано течение реки Видлицы». Б. З. Колен-

ко сетовал на то, что двадцативерстный прямой Клименецкий остров «на карте Главного штаба имеет форму подковы и едва превосходит 10 верст». Горный инженер А. Н. Митинский, изучавший возможности использования гидроресурсов края, возмущается тем, что на этой карте «есть реки, начинающиеся и пропадающие неизвестно как, подобно рекам на старинных картах Средней Африки». Один из путешественников, побывавший в северо-западной части Карелии в 1897 году, сообщал в Русское географическое общество, что на десятиверстной карте «Большие селения... не нанесены, в то же время указаны селения, вовсе не существующие».

Аналогичных сообщений — десятки, их можно найти и в отчетах экспедиций начала XX века по любому району края. Поэтому путешественникам часто приходилось прибегать к картам лесничеств и местным землемерным съемкам.

Наконец все путешественники единодушны в упоминании еще одного обстоятельства, осложнявшего поездки по карельскому краю. Оно отразилось даже в сугубо научных отчетах, не говоря уже об обычных путевых заметках. Дело в том, что все экспедиции предпринимались в весенние и летние месяцы, когда леса кишели оводами, комарами и мошками, которые «без всякого рассуждения», как писал один из путешественников, набрасывались на все живое. Это подчас оборачивалось настолько серьезной помехой, что даже такой обычно сдержанный исследователь, как С. Н. Соколов в перечне трудностей своей поездки по Повенецкому уезду на одно из первых мест ставит «миллионы комаров и мошек, от которых положительно нет спасения». Что же касается обычных туристов, то достаточно выразительна следующая запись. «Комары здесь — это не вертлявые и прыткие петербургские комары, которые осторожны, коварны и себе на уме, это неживные жители олонецких болот и озер, которые в сознании своей невинной природы с откровенной медленностью садятся на все и тотчас же приступают к сосанию...» И далее автор выражает сожаление, что в Карелии не стоят надписи «какие, по словам сказок, красовались когда-то на перекрестках дорог! Если б моя воля, я написал бы на столбе при дороге «Кто войдет в этот лес, будет съеден комарами!» Действительно, это было что-то ужасное, какой-то кошмар, ад без горячих огней и котлов, но с мириадами маленьких бесенят, от которых не было спасения. Особенно ужасным было моральное действие этой волчьей стаи».

Поскольку теперешних более или менее эффективных средств борьбы с комарами тогда еще не существовало, иногда использовались куколя, а чаще подручные средства, хотя они мало что давали. Правда, Случевский рассказывает, что рабочие на Водле обмазывались дегтем и таким образом спасались от назойливых насекомых, но этот способ имел свои ощутимые недостатки...

Многие страницы путевых записок, дневников, воспоминаний, писем посвящены рассказам о встречах с местным населением, жизни и быту карельских и русских крестьян. Разумеется, здесь особенно отчетливо выступает различие политических воззрений авторов. Политические ссыльные 60—80-х годов и демократически настроенные путешественники и исследователи (а их большинство, что отражало общий процесс демократизации русского общества) с глубоким сочувствием относятся к бедственному положению населения края. Они приводят обширный фактический материал, характеризующий тяжелые условия жизни крестьян, низкий уровень образования и медицинского обслуживания, махинации торговцев и предпринимателей. Все эти сведения, наряду с этнографическими наблюдениями и яркими зарисовками быта, представляют несомненный интерес. И пусть это только констатация фактов, без попытки ответить на вопрос «почему?», но и она не могла не обратить на себя внимание современников.

С другой стороны, сохранилось немало записей «официальных» лиц, принадлежавших к местной (и не только местной) администрации и отнюдь не заинтересованных в раскрытии темных сторон жизни. Сюда же относятся и свидетельства тех, кто сопровождал в поездках «высочайшие особы» и чье внимание было направлено главным образом на обстоятельное описание «трепетного желания всякого, от мала до велика, увидеть Царственного Спутника».

Каждому, кто приезжал в Карелию, бросались в глаза ужасающая бедность и тяжелые условия жизни местного населения. Об этом пишут все, в разные годы и применительно к различным районам края.

В одном из писем, написанных в Шуньге, П. Н. Рыбников нарисовал яркую картину крестьянского жилища: «Войдите в крестьянскую избу с промерзшими углами, с занесенными окнами, с ее угаром и чадом и осмотритесь кругом: перед

вами налицо трудовая жизнь крестьянина. Целое семейство сбилось в кучу в одной комнате, потолок застлан вековой сажой, свет чуть-чуть проходит через щели оконных ставень, на полках запас лучины и дров, у печки тускло горит, нагорает и гаснет лучина. Темнота, холод, нечистота...

Побывав в пудожских деревнях, И. С. Поляков не мог не написать о «печальной наружности крестьянских домов»: «Один наполовину ушел в землю; оставшаяся половина покосилась и дала большие щели, внутренняя сторона избы засорена, задымлена и шершава, как седой и каменистый горный обрыв. Следующий дом, хотя и не ушел в землю, но еще хуже; крыша на нем, по выражению здешних остряков, окрашена в зеленую краску, то есть состоит из мелких сосновых или еловых веток. Под крышей потолок; он во многих местах украшен длинными щелями, куда проникает в ясную погоду веселый луч света, а в ненастную — потоки воды; зимой щели закрываются льдом. Пол еще более измят и изборужден, многие половицы в половину сгнили и из-под них мрачно смотрит подполье».

Аналогичные картины наблюдал в Повенецком уезде А. Ф. Борздынский («черные полуразвалившиеся лачуги с плоскими крышами, часто и без них»), в Петрозаводском — Н. Березин («в избе карельской чистоту очень наблюдают, но препоны тому часто чинит бедность»), в Карельском Поморье — И. В. Оленев («В селениях чаще встречаются ветхие, покосившиеся лачуги, значительная часть обитателей которых живет впроголодь»).

Условия жизни сезонных рабочих, занятых на лесозаготовках и сплаве, были еще хуже. Они жили в наскоро построенных землянках, тесных и сырых, без окон, с земляным полом.

Н. Н. Пушкарев описывает рыбацкий стан при устье Водлы. Тут стояло несколько очень старых и тесных бревенчатых домиков, с крошечными окошечками и черными печами: «Рыбаки живут очень скученно, грязно. Меня, как очень редкого и почетного гостя, рыбаки поместили, после долгих обсуждений и советов, в самой широкой и высокой избушке. Избушка эта имела, однако, только 6 арш. длины, около 4 арш. ширины и не более $2\frac{1}{2}$ — $2\frac{3}{4}$ арш. в высоту... Здесь собралось спать человек 8—9 народа».

Бедность — не только в жилищных условиях. Она и в полуголодном существовании (кто только не писал о хлебе с примесью толченой ржаной соломы или сосновой коры!),

в «отсутствии у значительной части населения скота и лошадей». А. Михайлов, автор книги «Очерки природы и быта Беломорского края России» (1868 г.), рассказывает: «В беднейших из бедных вообще деревнях карельских на целую семью имелся один полушубок, и то донельзя поношенный, и, трудно поверить, одна шапка». С. Г. Струмилин не нашел в Ведлозере ни одной телеги, а привезенная им лампа, «чуть ли не единственная на все селение», вызывала всеобщее восхищение. «Ее не раз выпрашивали у нас на вечерок по случаю свадебных и тому подобных торжественных праздников».

Особенно тяжелым было положение женщин. Вот что пишет по этому поводу И. С. Поляков: «Существо не знающее ни днем, ни ночью покоя... такова олонецкая женщина. Ее можно видеть глубоко вязнущей в глинистой грязи за сохой и бороной; она на сенокосе в болоте, в лесу на оводе и комах; она и на рыбной ловле кидает и тянет тоню невода, причем босая бродит в холодной воде по колено... После всех этих работ женщина возвращается домой и готовит семье обед или ужин, жарясь у печки».

Тяжелые условия жизни вызывали массовые заболевания и высокую детскую смертность, усугубляемые исключительно плохим медицинским обслуживанием. По выражению В. Майнова, «санитарная часть здесь в таком виде, в каком она находится разве только еще в Туруханском крае».

О характерном эпизоде рассказывает в одном из писем И. С. Поляков. В 1867—1868 годах в результате неурожая в Пудоожском уезде начался голод, заставивший крестьян есть солому. Началась массовая эпидемия. «Что это была за болезнь — определить жители не могут, потому что доктор, после длинных просьб явившийся из Пудоожа, посоветовав курить уксусом в одном доме и не заходя в другие, и не объяснив крестьянам даже что такое «уксус», уехал обратно».

На большое количество заболеваний и эпидемий обращают внимание многие путешественники. Да иначе и быть не могло, если к концу XIX века в Карелии один врач приходился на 11,6 тысячи жителей, а например, в Кемском уезде все население карельских волостей обслуживали 3 фельдшера и 2 повивальных бабки. Ничего не оставалось, как прибегать к услугам различных знахарей и знахарок, «заговаривающих» кровь и боровшихся, например, с радикулитом с помощью топора, которым рубили порог дома, где находился больной.

На низком уровне на протяжении всего минувшего столетия оставалось и народное образование.

Посетивший Петрозаводск зимой 1804 года академик Я. Д. Захаров сообщал попечителю Петербургского учебного округа, что в главном народном училище, в котором числится 100 человек, занятия посещают 5—6, учебных пособий не хватает, а имеющиеся так ветхи, что по ним учиться «не можно». Из Петрозаводска академик поехал в Олонец. Там дело обстояло не лучше: ученики «показали себя весьма слабыми и мало успехов имеющими».

В 1811 году в Петрозаводске открылась гимназия. В честь этого события в город прибыл академик П. Д. Лодий, выступивший на торжестве с речью, содержавшей главным образом наставления учителям. В первые десятилетия своего существования гимназия не могла похвастаться особыми достижениями. Оканчивали курс учения единицы, в некоторые годы выпусков вообще не было. Учебные планы подвергались постоянной переработке в духе внушения учащимся их обязанностей по отношению «к богу, к себе, ближним и поставленным над ними властям».

В числе окончивших Петрозаводскую гимназию в первой половине XIX века был В. Г. Бенедиктов, популярный в 30—40-х годах поэт. Здесь же получили гимназическое образование будущий профессор Московского университета А. И. Чивилев и один из исследователей Аляски — П. П. Дорошин.

Однако проблемы образования для населения края гимназия, разумеется, не решала, как не решали ее и периодически открывавшиеся и, как правило, быстро прекращавшие свое существование сельские школы. Грамотность, особенно среди карельского населения, была чрезвычайно низка.

Положение несколько улучшилось во второй половине века. Повысился уровень преподавания в Петрозаводской гимназии, что было отмечено посетившим ее в 1863 году членом Главного управления училищ Министерства народного просвещения А. Постельсом. В отчете Постельс писал о хорошем впечатлении, которое на него произвело преподавание ряда предметов, в том числе русского языка, истории и географии: «Учитель географии Гулевич обладает даром поддерживать общую деятельность учеников, которые учатся у него охотно и бодро. Они очень хорошо в моем присутствии описали Олонецкую и пограничные губернии, систему водяных сообщений». Высоко оценил деятельность директора гимназии

Ф. Н. Фортунатова (отца академика Ф. Ф. Фортунатова) академик Я. К. Грот.

В середине 80-х годов в Карелии было около 150 начальных школ, причем земские школы явно вытесняли церковно-приходские; в крупных селах появились знающие и опытные учителя. И все же очень большое число детей не посещало школы. И дело было не только в том, что, по признанию олонецкого губернатора, «Нужда добывать кусок хлеба не дает возможности крестьянину сшить одежду и сапоги ребенку, а при наших дальних расстояниях и разбросанности деревень от школ полуодетому ребенку, понятно, немыслимо посещать школу», но прежде всего в отношении к развитию народного образования со стороны правительства. К. С. Еремеев, неоднократно выступавший в «Олонецких губернских ведомостях» со статьями и фельетонами, в которых писал о необходимости школ и книг для народа, отразил это отношение в фельетоне «Праздный разговор». В нем чиновник, рассуждая о народном образовании, исходит из того, что мужику «розга нужна, а не книжка», «кто же тогда будет работать, если все книжки будут читать?». Вот это-то и было правительственным кредо по отношению к образованию крестьян и рабочих.

Путевые записки содержат обширный материал о промыслах в олонецком крае, особенно охотничьем и рыболовном. Это объясняется не только их ролью в жизни местного населения, но и тем, что среди путешественников и исследователей было немало завзятых охотников.

Почти все сходятся на том, что Карелия, выражаясь словами Николая Эюса,— «охотничье Эльдorado». Однако в записках, относящихся к концу прошлого — началу нынешнего века, все чаще повторяется мысль о том, что местные жители сетуют на уменьшение промысловых запасов: «и зверя и птицы стало меньше». Но Эюс еще с упоением вспоминает об охоте на берегах Шуи, где он с двумя спутниками за несколько часов подстрелил 40 бекасов и 16 серых куропаток, а в другом месте, тоже сравнительно недалеко от Петрозаводска, за одно утро — 75 селезней, 5 гусей и 25 уток. И позднее в Пудожском и Повенецком уездах, где по свидетельству И. С. Полякова из каждых трех мужчин один охотник, добыть за зиму 100—150, а иногда и более рябчиков считалось обычным явлением. (Охота на тетеревов и рябчиков была особенно популярна, поскольку они имели хороший сбыт на петербургском рынке, куда отправлялись целые обозы мороженой дичи.

На болотную дичь охотились реже — крестьяне объясняли, что «ей скупу нет».)

Широко была распространена охота на белку, лисицу, горноста, также высоко ценившихся на рынке, и, конечно, на волков и медведей. Последняя стимулировалась, в частности, земством, платившим охотнику, представившему в качестве доказательства успешной охоты уши убитого зверя, от 1 до 15 рублей. На волков, особенно досаждавших крестьянам (по данным местной статистики, волки и медведи истребляли за год более пяти тысяч голов крупного и мелкого скота), часто устраивали массовые облавы. Как пишет Приклонский, на Климецком острове с 1865 года каждую весну на облаву объединялись обитатели всех местных селений — до тысячи человек!

Особенно выгодна была охота на медведя. Хорошая медвежья шкура оценивалась в конце XIX века в 70 рублей, а иногда крестьяне продавали выслеженного в берлоге зверя любителям-охотникам, приезжавшим из Петербурга (М. Пришвин описывает встречу с полковником, «ищущем дешевых берлог», потому что охота около Петербурга вздорожала — медведь обходился до 700 рублей) или местным чиновникам и офицерам. Поэтому местным жителям, по выражению одного из путешественников, «медвежьи повадки известны чуть ли не лучше, чем самому медведю».

Описаний медвежьей охоты множество, хотя подавляющее большинство их основано не на «личных» впечатлениях, а на рассказах полесников. Исследователи, например, А. Ф. Борздынский, деловито излагают способы охоты: «Двое охотников с кольями становятся у входа в берлогу, вбивают колья острыми концами в землю, скрещивают и держат крепко за два другие свободные конца. Третий с противоположной стороны беспокоит медведя колом. Рассерженный медведь высовывает голову в отверстие у входа; ее защемляют между перекрещенных кольев и придавливают к земле, а третий посылает медведю пулю в ухо». Путешественников больше привлекают различные «случаи» (вроде рассказов охотника Филиппа у М. Пришвина в книге «В краю непуганых птиц»), за достоверность которых, по-видимому, никто бы поручиться не мог, тем более, что среди них встречаются явно «охотничьи рассказы». В одном из описаний можно найти такого рода рекомендацию: «когда медведь подомнет охотника, тот быстро запускает руку в пасть зверя и хватает его за язык под

самый корень, и маневр этот во-первых приводит зверя в полное недоумение, а во-вторых не дает ему кусать...» К сожалению, автор не объясняет, что должен делать охотник дальше...

Очень подробно описаны орудия для добычи зверя и птицы, различные капканы, силки, ловушки. Отдавая должное опыту и умению карельских охотников, многие обращают внимание на крайнее несовершенство их огнестрельного оружия. Вот что пишет Н. Березин: «Но что это за ружья! Ствол старинного здешнего изделия, инвалид еще дедовских времен, насажен и прикреплен к самодельному и неуклюжему ложу проволокой, а то так, веревкой. Замок у одного виденного мною ружья самопроизвольно вываливался из гнезда, а взвод курка так стерся, что охотник во время прицела держал его пальцем, не прибегая для спуска к собачке. Попадаются кремневки. Про свои ружья мужики сами говорят: «Ствол со Щукина, ложе с Лыкина, замок с Казани, курок с Рязани, а забойник дядя из полена сделал». Это же отмечает Энгельгардт, путешествовавший по другому району края: «Карелы не имеют хороших ружей и довольствуются кремневыми винтовками».

Немаловажную роль в жизни населения края, столь богатого водными просторами, играло рыболовство. Мы уже говорили выше, что промысловое рыболовство подробно описано Кесслером, Данилевским, Пушкаревым и другими исследователями. Но рыбу ловили не только для продажи — она была одним из основных продуктов питания. Рыба частично возмещала нехватку хлеба, выручала крестьян в неурожайные годы. И. В. Оленев, посетивший Кемский уезд после двух особенно тяжелых для местного населения лет, писал: «И какое счастье в таких случаях для Карелии обилие рыбы! Не будь ее, многим бы грозила голодная смерть». Другой путешественник отмечает: «ловля рыбы производится 16-ю способами, а употребляется она в свежем, соленом, вяленом и сушеном виде».

Почти все снасти крестьяне изготовляли сами. Рыбы было много, и ловля ее не требовала особой изобретательности. А. Михайлов наблюдал, как на Кемском берегу ловят навагу: «Крючок не употребляется. Стоит только опустить в воду веревочку с привязанным к ней куском той же наваги или селедки, и рыба выловлена. Случается нередко, что одна навага хватается за хвост другой. Так можно в день наловить до 1000 штук». А вот описание В. Майнова, сделанное уже в другом районе Карелии: «Изловчился прионежанин и на

М. М. Пришвин.

щуку и придумал на ее пагубу особый снаряд — дорожку. Летом два человека выезжают на лов и забрасывают в воду железный крюк с куском красного сукна вместо наживы; щука, воображая, что это сырое мясо, бросается на кусок сукна и попадает на крюк». Кстати, упоминаний о блеснах почти нет — по-видимому, в те времена местные жители обходились без них. На блесну, очевидно, ловили только приезжие.

Основные орудия ловли — сеть, невод, керевод, мережа, сак, продольник — употреблялись почти повсеместно, хотя и в различных вариантах, в зависимости от местных условий. Все они обстоятельно описаны не только исследователями, специально изучавшими рыболовство, но и многими путешественниками (наиболее подробно В. Майновым).

Разумеется, промысловое рыболовство на больших озерах было делом, гораздо более сложным и таившим немалые трудности и даже опасности. Н. Н. Пушкарев прямо пишет, что рыбаки «иногда рискуют своей жизнью», особенно когда выходят на середину Онего и там их застигает непогода. Он рассказывает об одном из таких случаев. Две лодки, с тремя человеками в каждой, были захвачены в десяти верстах от берега штормом со снегом и дождем. «Чтобы их не отнесло в глубь озера, рыбаки бросили лов и начали грести к берегу против ветра, но безуспешно. Одна из лодок с тремя людьми пропала бесследно, а другую с двумя замерзшими рыболовами и третьим, сильно зазябшим, пригнало в ночь на 7 ноября в Корельскую губу.»

В связи с описанием промыслов почти все авторы говорят о бросающемся в глаза социальном неравенстве в карельской деревне. Большой фактический материал, обилие живых примеров, бесспорно, делают эти разделы путевых записок чрезвычайно ценными для исследователей истории Карелии.

Социальное расслоение, беззастенчивую эксплуатацию крестьян предпринимателями, торговцами и кулаками путешественники наблюдали всюду, в любой части края. И хотя термином «эксплуатация» почти никто из них не пользуется, но когда Коленко пишет, что «к числу неблагоприятных условий для быта жителей должно быть отнесено сильное кулачество», а Михайлов отмечает, что «отношение богатого класса к бедному чрезвычайно ненормально» (вариантов подобных выражений — десятки), то совершенно очевидно, о чем идет речь.

В этом отношении чрезвычайно интересна статья И. С. Полякова «Взгляд на экономическое состояние и современный быт жителей в связи с природой и развитием культуры на севере», написанная после поездки в Пудожский край. Возражая тем, кто все беды местного населения связывает с тяжелыми природными условиями, И. С. Поляков пишет: «Бедна здесь не природа, но беден человек, для того, чтобы ее выгодно эксплуатировать... Из-за нужды в 5—10 рублей жители почти закабаляют себя, лишаются последнего имущества — лошади или хлеба, они уже заранее закупают свой труд. Большинство жителей в одно и то же время — и рыбаки и звероловы и частью хлебопашцы; в один и тот же год крестьянин тянет барки, возит лес или живет где-нибудь вдали от семьи».

На лесозаготовках крестьян обманывают лесопромышленники. Обычно из 70 доставленных к месту сплава деревьев штук 10 бракуется, «при этом бревно остается все-таки на месте сплава и затем вместе с годными сплавляется, а крестьяне денег за него не получают». Неграмотные крестьяне ведут счет бревнам по памяти, а лесопромышленники записывают, «и всегда итоги у первых оказываются больше, чем у последних, которые берут однако же преимущество. Обыкновенно бывает так, что 12-вершковое бревно принимают за 11, 9-вершковое — за 8 или 7 и сообразно с этим понижается плата».

Обманывают крестьян и скупщики, в роли которых часто выступают «их более состоятельные собратья», особенно при покупке дичи и рыбы. Они платят «за пару рябчиков по 15 копеек, а в Петербурге продают их по 60». В результате среди крестьян-кулаков появляются своеобразные «капиталисты». Н. Н. Пушкарев рассказывает о рыбаке Р. из Лонгасов, который «имеет две лодки, штук 500 сетей и несколько десятков маток (т. е. больших глубоководных мереж), а рыбу собственного улова отправляет во льду на пароходах в Петербург и для продажи в Петрозаводск... 300—350 пудов в навигацию. Не довольствуясь рыбным промыслом, он имеет лавку в селе, берет большие подряды по рубке и сплаву леса, скупает рыбу от прочих рыбаков для отправки в Петербург».

Не в состоянии свести концы с концами, крестьяне вынуждены были за гроши наниматься на любую работу. Особенно тяжелыми считались сплавные, «бурлачешские» работы. «Бурлачество здесь, — писал М. И. Пришвин, — словно всеобщая повинность. Население проклинает эти каторжные и опасные

работы, но жить без них не может». Даже этот кабальный труд, в котором принимали участие мужчины, женщины и дети, оплачивался крайне низко.

Резче всего расслоение крестьянства проявлялось в Карельском Поморье, где рыбаков нещадно эксплуатировали богачи-рыбопромышленники. Картину таких взаимоотношений ярко описывает А. Михайлов: «Бедный крестьянин, заняв у богатого домохозяина 300 рублей для уплаты рекрутской квитанции, шел к нему в услужение, отбывая занятые деньги работою. Судохозяева раскладывали обыкновенно эти 300 рублей на очень продолжительные сроки, лет на 15 и более... Закабаливший себя таким образом крестьянин обязывался еще, сверх того, забирать (и, конечно, в долг, за неимением наличных денег) муку и другие съестные припасы, а также одежду и обувь у своего хозяина, который не упускал случая продать свой товар втридорога».

О бедственном положении карельских крестьян и роли деревенских кулаков писал и К. Ф. Кесслер, сравнительно редко обращавшийся к социальным вопросам: «Почти в каждом селе или в каждой местности есть один крестьянин, или два-три крестьянина, которые значительно богаче других и в известном смысле разыгрывают роль помещиков. К ним частенько более бедные крестьяне, по недостатку в других заработках, вынуждены бывают наниматься в работники по самой низкой цене; они же обыкновенно ведут продажу муки и других необходимых в крестьянском быту предметов по цене сравнительно очень высокой и вообще пользуются в своем околотке сильным влиянием и безотчетной властью».

Великолепный образ такого карельского «мироеда» нарисовал К. С. Еремеев в повести «Из берлоги», написанной во время пребывания в олонцкой ссылке, в 1900 году. У Авдея Мосолова в должниках не только его односельчане, но и крестьяне из окрестных селений. «За долги же Авдей принимал лен, куделю, полотно, крашенину, сукно, шкуру лисиц, волков, медведей, овец, баранов, телят и телок, жеребят, лошадок и коровушек. И все это он умел сбывать по двойной, тройной цене против той, по которой он сам приобретал это сырье у имевших несчастье задолжать ему крестьян». В дальнейшем Мосолов открыл новое «дело»: используя своих должников, среди которых было немало медвежатников, начал продавать приезжим из Петербурга офицерам берлоги, в которых на зиму залегли медведи. В конце концов Мосолов

стал вроде помещика, каковых в этих местах никогда не было,—но помещика «из своих», которому обрабатывали землю мужички «по-соседски, вроде играючи»—за «благодаяния» ловкого кулака».

Путешественникам, стремившимся по-настоящему познакомиться с краем, приходилось бывать и в деревнях, и в рыбацких хижинах, и в лесных звероловческих лачугах. Но не всегда удавалось войти в доверие к крестьянам: в их представлении приезд незнакомого человека и «из Петербурга» мог обернуться увеличением податей и налогов. Так, И. С. Поляков поначалу был встречен крестьянами недружелюбно, но в даль-

нейшем, как он пишет, они «переменили свое старое мнение на более для меня лестное». То же самое произошло с Коленко и некоторыми другими путешественниками.

В конечном итоге население Карелии запомнилось всем, кто здесь побывал, с самой хорошей стороны. «Обстоятельства жизни сложили из нашего северного жителя весьма симпатичный тип... Мне до сих пор приходится с удовольствием вспоминать о том времени, которое пришлось провести с нами»,—писал много лет спустя после возвращения из половецкой экспедиции А. А. Иностранцев. О «радушном гостеприимстве местных жителей, их сметливости и развитости» вспоминали Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, А. Ф. Борздынский, С. Н. Соколов, М. Пришвин и многие другие. Как характерная черта карельских крестьян неоднократно отмечается развитое чувство собственного достоинства, сознание личного чело-

К. С. Еремеев.

веческого равенства, что в немалой степени, по справедливому замечанию одного из путешественников, объяснялось отсутствием здесь крепостного права в тех его проявлениях, которые были характерны для большей части России.

А. Ф. Гильфердинг, подводя итоги своей поездки по Олонецкой губернии, писал: «Тяжело видеть обстановку, в которую он [народ.— Е. Э.] поставлен природою, еще тяжелее ту, в которой держит его масса сложившихся и наслоившихся недоразумений. Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видывал... Это народ труженик в полном смысле слова».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Край нехоженных троп и непуганых птиц»... Это выражение, приписываемое обычно М. М. Пришвину, прочно вошло в современную литературу о дореволюционной Карелии. Оно стало своеобразным и очень емким по содержанию штампом — отсталый, дикий, неисследованный край. Уж куда больше — даже тропы в нем не хожены!¹

Между тем попробуем нанести на карту Карелии с помощью соответствующих условных обозначений маршруты всех экспедиций и путешествий, совершенных с начала XVIII века. Не так уж много остается белых пятен. Конечно, в Повенецком или Пудожском уездах сохранялось немало глухих углов. Но можно ли забывать, сколько дорог там было «хожено» Рыбниковым и Гильфердингом, Иностранцевым и Соколовым, Поляковым и Пришвиным, десятками других исследователей — геологов, ботаников, этнографов, наконец, местных рудознатцев? Можно ли забывать о том, что трудами подлинных энтузиастов науки — русских ученых и путешественников, усилиями краеведов были собраны многочисленные материалы о природе края и его полезных ископаемых, о жизни и быте населения, материальной и духовной культуре, составлены описания, карты, опубликованы сотни статей

¹ Попутно отметим, что, несмотря на тщательные поиски, такого выражения у Пришвина нам обнаружить не удалось. Писатель неоднократно говорит о крае непуганых птиц (так названа и книга о поездке в Выговский край), но пресловутые «нехоженные тропы» к нему, по-видимому, непричастны. Этой распространенной ошибке отдали дань и мы в книге «Русские исследователи Карелии» (1958 г.).

и книг, основанных на итогах экспедиций самих авторов и их предшественников?

Другое дело, что исследования осуществлялись эпизодически, многие экспедиции были лишены достаточных материальных средств и проводились на энтузиазме их участников; часто не было системы и преемственности исследований и т. д. Наконец, и это самое главное, практические рекомендации ученых, как правило, не получали воплощения. Природные богатства Карелии оставались почти нетронутыми, экономика и культура края развивались крайне медленно, население, подвергавшееся жестокой эксплуатации, жило в нищете и невежестве. Все это было неизбежным результатом политики самодержавия по отношению к национальным окраинам страны, приведшей, в частности, к тому, что край, где были созданы уникальные памятники материальной и духовной культуры, постепенно превратился в захолустье, в место ссылки революционеров. Однако действия царского правительства не могут служить основанием для недооценки того вклада, который внесли в дело изучения природных ресурсов, экономики и быта Карельского края исследователи и путешественники XVIII и XIX веков.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции, когда к власти пришел народ и развитие науки стало государственной политикой, были сделаны решительные шаги к планомерному исследованию и использованию всех огромных богатств страны, и в том числе Карелии. Произошел не только колоссальный количественный сдвиг, выразившийся в размахе и темпах исследований, но и качественный, связанный с поставленной целью — развитием производительных сил края. Организация и проведение экспедиций стали делом государственных научных учреждений; в республике были созданы научно-исследовательские базы, станции, Карельский научно-исследовательский институт культуры, позднее — филиал Академии наук СССР. Работы продолжают теперь не два-три летних месяца — они не прерываются ни на один день. Научные сессии, конференции, симпозиумы по самым различным отраслям знания — неотъемлемая часть жизни Советской Карелии, в которой сформировались местные кадры ученых.

То, что не было и не могло быть выполнено в царской России, свершилось в стране победившего социализма. Из отсталой окраины Карелия превратилась в высокоразвитую

индустриальную республику, которая производит промышленной продукции в 45 раз больше, чем бывшая Олония. Путешественники прошлого сетовали на отсутствие школ — теперь здесь сотни учебных заведений. На месте маленьких деревушек, порой состоявших из нескольких изб, выросли крупные города. На смену знахарям и знахаркам пришли тысячи врачей, фельдшеров, ветеринаров.

Все эти разительные перемены особенно чувствуются, когда сравниваешь современную орденоносную Карелию с тем, что она представляла прежде, и мысленно проделываешь маршруты исследователей XVIII—XIX веков, когда сопоставляешь их впечатления и наблюдения с сегодняшним днем.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Очерки истории Карелии. Т. I. Карельск. кн. изд., Петрозаводск, 1967.
Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. Петрозаводск, 1948.

В. Базанов. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века. Петрозаводск, 1955.

Я. А. Балагуров. Сведения о прошлом Карелии в дореволюционной исторической и краеведческой литературе. Труды Карельск. филиала АН СССР, вып. XXII, 1959.

И. И. Благовещенский. Ученые исследования в Олонецкой губернии (в XIX и начале XX века). Олонецкий сборник, IV, Петрозаводск, 1902.

В. Ф. Гнучева. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. М.-Л., 1940.

С. В. Григорьев. Внутренние воды Карелии и их хозяйственное использование. Карельск. кн. изд., 1964.

С. В. Григорьев. Летопись материалов по истории науки и техники Карелии и на Кольском п-ве. Известия Карельск. филиала АН СССР, 1958, № 2, 4.

В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн. Русские исследователи Карелии (XVIII в.) Карельск. кн. изд., Петрозаводск, 1958.

И. П. Шаскольский. Географическое изучение Карелии русскими людьми (до XVIII в.). Известия ВГО, 1963, № 66.

Путешествие академика Ивана Лепехина в 1772 году. Ч. IV, СПб, 1805.

В. Г. Лагус. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования, переписка. СПб, 1890.

Н. Я. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмена. СПб, 1812.

Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным. См.: В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн. Русские исследователи Карелии (XVIII в.) — приложение.

П. И. Челищев. Путешествие по Северу России в 1791 году отставного секунд-майора Петра Челищева. СПб, 1886.

В. М. Севергин. Обзорение Российской Финляндии. СПб, 1805.

К. И. Арсеньев. Описание Олонецких заводов с самого их основания до последних времен, с кратким обзорением Олонецкой губернии. Труды Минералогического общества, ч. I, СПб, 1830.

Об исследовании Воицкого рудника и окрестностей оного горною экспедициею под начальством маркшейдера Граматчикова. Горный журнал, 1828, ч. I.

Энгельман. Взгляд на геолого-геогностический состав Олонецкого горного округа. Горный журнал, 1838, ч. I.

Комаров. Геогностические примечания к карте Олонецкого горного округа. Горный журнал, 1842, ч. I.

Г. П. Гельмерсен. Геогностическое исследование Олонецкого горного округа, произведенное в 1856, 1857, 1858 и 1859 гг. Горный журнал, 1860, ч. IV.

К. Бергштрессер. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб, 1838.

В. Дашков. Описание Олонецкой губернии. СПб, 1841.

И. Пушкарев. Описание Олонецкой губернии. СПб, 1845.

К. Ф. Кесслер. Материалы для познания Онежского озера и Обонежского края. СПб, 1868.

А. Ф. Борздынский. Естественно-исторические заметки из путешествия по Олонецкой губернии. Журнал Министерства народного просвещения, 1867, т. IX.

Н. Я. Данилевский. Состояние рыболовства в России. СПб, 1870, т. IX.

Н. Н. Пушкарев. Рыболовство на Онежском озере. СПб, 1900.

С. Н. Соколов. Об исследовании Повенецкого уезда. Землеведение, 1904, кн. IV.

А. К. Гинтер. Материалы к флоре Обонежского края. СПб, 1880.

Е. И. Исполатов. По горам и озерам Повенецкого уезда (путевые заметки и воспоминания). Естествознание и география, 1902, № 8.

И. С. Поляков. Взгляд на экономическое состояние и современный быт жителей, в связи с природой и развитием культуры на Севере. Записки ИРГО по отд. этнографии, 1875, т. III.

И. С. Поляков. Следы каменного века на юго-востоке Олонецкой губернии. Записки ИРГО по отд. этнографии, 1875, т. III.

А. А. Иностранцев. Геологические исследования на севере России в 1869 и 1870 гг. Труды СПб. Общества естествоиспытателей, 1872, т. III.

А. А. Иностранцев. Геологический очерк Повенецкого уезда Олонецкой губернии и его рудных месторождений. Материалы по геологии России, 1877, т. VII.

А. А. Иностранцев. Геологический обзор местности между Белым морем и Онежским озером. Труды СПб. Общества естествоиспытателей, т. II, вып. I.

А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб, 1882.

Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. Олонецкая диабазовая формация. Собр. соч., 1951, т. II.

М. Н. Миклухо-Маклай. Геологический очерк Олонецкого уезда и островов Ладожского озера, расположенных вокруг Валаама. Материалы по геологии России, 1897, т. XVIII.

Б. З. Коленко. Геологический очерк Заонежья. Материалы по геологии России, 1885, т. XII.

П. А. Борисов. Очерк геологии и полезных ископаемых Олонецкой губернии. Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. СПб, 1910.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1—4, М., 1861—1867.

А. Ф. Гильфердинг. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды. Вестник Европы, 1872, кн. 3.

П. П. Чубинский. Статистическо-экономический очерк Корелы. Труды Архангельск. статистического комитета, 1866, кн. 2.

А. Я. Ефименко. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. СПб, 1877.

В. Н. Майнов. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб, 1877.

В. Н. Харузина. На Севере. Путевые впечатления. М., 1889.

С. В. Максимов. Год на Севере. Т. I, СПб, 1859.

А. В. Елисеев. По белу свету. СПб, 1893, т. I.

Я. К. Грот. Поездка в Петрозаводск и на Кивач. Записки Имп. Академии наук, 1863, т. IV.

К. К. Случевский. По северо-западу России. Т. I. СПб, 1897.

В. В. Суслов. Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб, 1888.

С. А. Приклонский. Народная жизнь на Севере. СПб, 1884.

Н. Березин. Пешком к карельским водопадам. СПб, 1903.

М. А. Круковский. Олонецкий край. СПб, 1904.

М. М. Пришвин. В краю непуганых птиц. СПб, 1907.

И. В. Оленев. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917.

М. П. Энгельгардт. Русский Север. СПб, 1897.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

путешественников и исследователей Карелии, упоминаемых в книге

- Алопеус С.— 74, 76
 Андреев А. П.— 164
 Арсеньев К. И.— 114—116, 130
 Антонов — 123
 Баласогло А. П.— 135
 Барсов Е. В.— 150, 174, 198—202
 Безайс Э. К.— 170
 Бер — 17
 Бергштрессер К. Ф.— 157, 164, 228, 237—140
 Бередников Я. И.— 125
 Березин Н.— 221, 243, 249
 Благовещенский И. И.— 152, 168
 Блюментрост Л. Л.— 16, 22
 Блюэр И.— 14
 Богданович — 157
 Борздынский А. Ф.— 152, 159, 160, 243, 247, 253
 Борисов П. А.— 182, 187
 Бутенев Н. Ф.— 117—120, 174
 Вагнер Н. П.— 162
 Васильев Т.— 130
 Викторов А. Е.— 223
 Вилькицкий А. И.— 165
 Виноградов Д. И.— 18
 Власов Я.— 14
 Гарш — 76, 122, 123
 Гебель Г. Ф.— 229
 Гельмерсен Г. П.— 120—123, 177, 178, 180, 232, 235
 Гильфердинг А. Ф.— 189, 195—198, 254, 255
 Гинтер А. К.— 152, 161, 167—169
 Глинка Ф. Н.— 127—132, 233
 Гоби Х. Я.— 169
 Гомилевский В. И.— 237
 Граматчиков А.— 117
 Гревингк К. И.— 124, 125
 Грибовский А. М.— 82
 Грот Я. К.— 155, 232, 233, 246
 Данилевский Н. Я.— 162, 163, 249
 Дашков В. А.— 137, 140—145, 157, 164
 Делиль де ла Кройер, Людовик — 17, 18
 Деволайт О. П.— 123
 Державин Г. Р.— 66, 67, 70, 78—98, 138, 155
 Дитмар Б. П.— 166
 Дриженко Ф. К.— 164
 Дютш Г. О.— 239
 Елисеев А. В.— 219, 220, 229, 237
 Еремеев К. С.— 153, 246, 252
 Ефименко А. Я.— 189, 202, 206—209
 Захаров Я. Д.— 245
 Зверинцев Л.— 161
 Зембицкий — 119
 Зиновьев С. М.— 76
 Ивановская Е. С.— 153, 169
 Иностранцев А. А.— 122, 123, 150—152, 161, 174—180, 183, 187
 Ивановская А. А.— 122, 123, 150—152
 Иноходцев П. Б.— 24, 58—64

- Исполатов Е. И.— 170, 230, 235
 Истомин Ф. М.— 239
 Каменев А. А.— 154
 Кастерин М. А.— 125, 127
 Кесслер К. Ф.— 150, 151, 156—162, 179, 237, 249, 252
 Кирилов И. К.— 19, 20
 Клешнин А.— 21, 22, 240
 Коленко Б. З.— 182, 240, 250
 Колосов М. А.— 223
 Комаров В.— 119
 Комаров Влад. Леонт.— 171
 Конткевич С. О.— 181, 182
 Крестинин В. В.— 28, 31, 34, 71, 74
 Круковский М. А.— 221, 231, 235
 Куликовский Г. И.— 223
 Лавров П. А.— 223
 Лаксман Э. Г.— 23—25, 34—42
 Лебедев — 123
 Лебедзинский Л. А.— 186, 187
 Левинсон-Лессинг Ф. Ю.— 77, 176, 180, 183—185, 234, 236, 239, 240, 253
 Лемм — 240
 Лённрот Э.— 125—127
 Лелехин И. И.— 23—34, 42
 Лесков Н.— 230
 Линко А. К.— 163
 Лодий П. Д.— 245
 Лопатинский — 119
 Майнов В. Н.— 189, 210—213, 227, 229, 235, 240, 244, 249, 250
 Максимов С. В.— 152, 219
 Мещеринов — 181
 Миклухо-Маклай М. Н.— 185, 186, 235, 238, 240
 Митинский А. Н.— 167, 241
 Михайлов А.— 244, 249, 250, 252
 Ольбрихт — 124
 Озерецковский Н. Я.— 23—25, 28, 29, 34, 42—58, 62, 67, 71, 89, 137, 138, 157, 164
 Оленев И. В.— 221, 235, 238, 243, 249
 Патрушев И.— 14
 Пиотровский В. Ф.— 166
 Полторацкий — 119
 Поляков И. С.— 150, 161, 171—174, 235, 243, 244, 246, 250, 253, 255
 Постельс А.— 245
 Прежнецев А. Н.— 167
 Приклонский С. А.— 220, 247
 Пришкин М. М.— 152, 155, 229, 247, 251, 253, 255
 Пушкарев И. И.— 137, 145—148
 Пушкарев Н. Н.— 162—164, 243, 249—251
 Раевский С. А.— 132—135
 Рейнеке М. Ф.— 124
 Релованц — 76
 Рыбников П. Н.— 111, 150, 153, 161, 189—195, 198, 200, 242, 255
 Севергин В. М.— 111—114, 119
 Слупский Е. И.— 177
 Случевский К. К.— 152, 220, 221, 233, 239, 242
 Советов С. А.— 165
 Соколов А. Ф.— 151, 167
 Соколов С. Н.— 165, 241, 255
 Срезневский В. И.— 222, 223
 Стрельбицкий И. А.— 240
 Струмилин С. Г.— 153, 244
 Суслов В. В.— 238
 Таскин — 181
 Тимофеев В. М.— 187
 Тутолмин Т. И.— 67, 68, 76, 86, 87, 95—98
 Фортунатов Ф. Ф.— 225, 226
 Харузин Н. Н.— 189, 213—218
 Харузина В. Н.— 189, 213—218, 230
 Циммерман А. Э.— 137
 Челищев П. И.— 99—108
 Чубинский П. П. 153, 189, 202—206
 Чудинов Ф.— 8
 Шайжин Н. С.— 152
 Шахматов А. А.— 223, 224, 225
 Швед П.— 125
 Шегрен И. А.— 125, 126
 Эмин Н. Ф.— 81, 82
 Энгельгардт А. П.— 237, 239, 249
 Энгельман — 119, 234
 Эюс Н.— 229, 231, 246
 Яржинский Ф. Ф.— 151, 161
 Ярцов А. С.— 74, 75, 77

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
Введение	6
Глава I. Изучение Карелии в первой половине XVIII века	12
Глава II. Академические экспедиции XVIII столетия . .	26
И. И. Лепехин в северной Карелии	26
Две экспедиции Э. Лаксмана	34
Путешествие академика Н. Я. Озерецковского по озерам Ладожскому и Онежскому	42
П. Б. Иноходцев — исследователь Русского Севера	58
Глава III. Первые «описания» Карелии	55
Глава IV. Г. Р. Державин в Карелии	78
Глава V. П. И. Челищев и его вклад в изучение Карелии	99
Глава VI. Изучение Карелии в дореформенный период .	109
Глава VII. Снова «описания»	136
Глава VIII. Естественно-научные экспедиции второй половины XIX — начала XX века	149
Глава IX. Живая старина и живая действительность . .	183
Глава X. Олонецкий край на страницах дневников и записок	227
Заключение	255
Основные источники и литература	258
Именной указатель путешественников и исследователей, упоминаемых в книге	261

**Владимир Владимирович Пименов
Евгений Михайлович Эпштейн**

**КАРЕЛИЯ ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XVIII—XIX ВЕКОВ.**

Редактор Д. И. ШЕХТЕР
Художник Ю. Ф. ГУСЕНКОВ
Художественный редактор Л. И. ДЕГТЯРЕВ
Технический редактор К. М. ПОДЪЕЛЬСКАЯ
Корректор Л. П. ЛИХАЧЕВА

Сдано в набор 8 IV 1969 г. Подписано к печати
16 VII 1969 г. Е—00017. Бумага 60×84^{1/4} мм. № 1,
16,5 печ. л., 15,34 усл. печ. л., 14,78 уч.-изд. л.
Изд. № 60. Заказ 1889 Тираж 5000. Цена 64 коп.

Карельское книжное издательство. Петрозаводск,
пл. им. В. И. Ленина, 1. Типография им. Анохина
Управления по печати при Совете Министров Кар-
ельской АССР. Петрозаводск, ул. „Правды“, 4